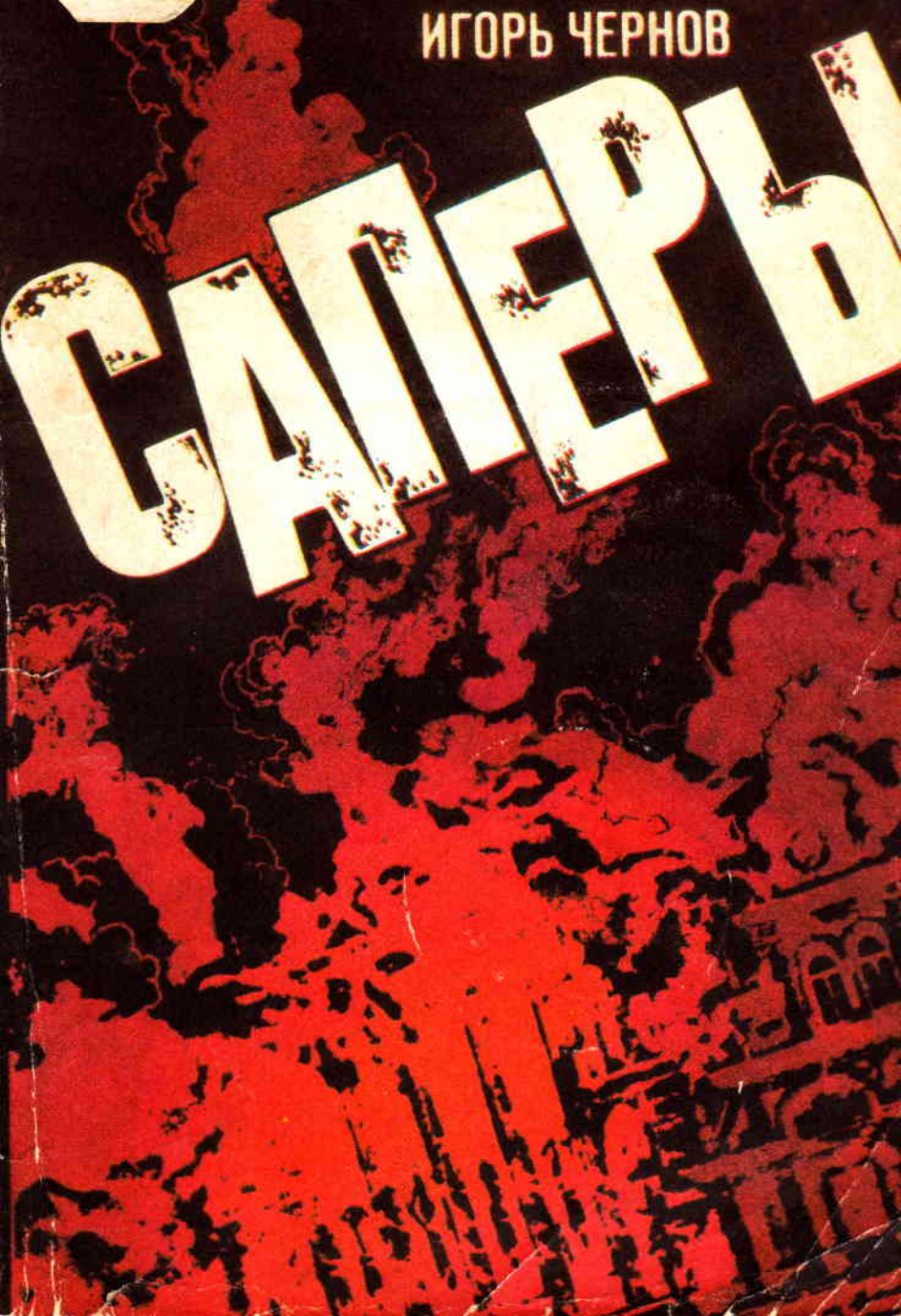
ИГОРЬ ЧЕРНОВ

САПЕРЫ



ИГОРЬ ЧЕРНОВ

САПЕРЫ

Записки солдата

МОСКВА
«СОВРЕМЕННИК»
1988

ББК63. 3(2)722.П
Ч 49

Чернов И. Е.

Ч49 Саперы: Записки солдата.— М.: Современник, 1988.— 143 с. (Новинки «Современника»).

Сорок семь лет назад началась Великая Отечественная война, участником которой от первого до последнего ее дня был автор этих воспоминаний — гвардии полковник в отставке Чернов Игорь Ефимович.

Встретив войну на советско-германской границе в саперных войсках на строительстве капитальных оборонительных сооружений, он испытал все, что выпало на долю Советской Армии, в том числе и горечь неудач в июле — ноябре сорок первого. В своих записках автор воспроизводит события этих месяцев на смоленско-московском направлении, менее всего отраженные в литературе.

Ч $\frac{4702010200-149}{М106(03)-88}$ 103—88 ББК63 3(2)722.П

ISBN 5-270-00015-6

© Издательство «Современник», 1988.

Ночь на 22 июня 1941 года я встретил на советско-германской границе, в глухой деревушке Валентэ, хуторами разметавшейся по сосновым лесам южной Литвы. Нравились простота хутора, лесная глухомань и скромность хозяев. Вслушаешься в тишину леса — и покажется порой, будто кто-то давным-давно обронил мимоходом здесь этот домишко и он так и прирос на косогоре.

Не первый день ярко светит солнце, лето входит в свои права. Последние недели на границе тревожно, шевелится по ту сторону фашистская Германия: появляются армейские части, над нами летают немецкие самолеты-разведчики. Но, встречаясь с нашими истребителями, они, не принимая боя, уходят к себе.

Такая обстановка вызывала среди занятых на оборонительных работах бойцов и командиров много толков, и комиссару участка все труднее было отвечать на вопросы. А тут еще поползли слухи о каком-то неудавшемся восстании старого литовского и латышского офицерства: в случае удачи немцы якобы предлагали им помощь прямым вторжением в Прибалтику.

Наглели ущемленные приходом Советской власти местные богатеи. Хозяин хутора вызвал меня как-то в сени и рассказал, что ксендз ближайшего местечка Кончаместас 15 июня в воскресной проповеди открыто говорил о том, что через неделю на земли Литвы придет германская армия, и призывал верующих оказывать ей всяческое содействие.

Оседлав коня, я тогда помчался к хутору, где жил комиссар участка, но тот получил указание — ксендза не трогать и на провокации не поддаваться. Проехали

к пограничникам, но и им было указано не тревожить служителя церкви: пусть, дескать, немцы не догадываются, что мы что-то знаем.

А перебежчики подтверждали, что через несколько дней все будет готово к вторжению. Нам же сверху по телефону и лично при встречах рекомендовали не поддаваться на провокации, не паниковать и помнить о договоре, связывающем нас с Германией.

Так и жили. Числа 17—18 июня на границе действительно стало тише, немцы прекратили облет нашей территории, поулеглись всякие слухи. Народ как-то успокоился, а на участок все продолжали прибывать семьи командиров.

Работы на оборонительных сооружениях велись круглосуточно, и ранний рассвет в субботу 21 июня, казалось, не предвещал каких-либо событий. Не заходя в штаб, я пошел на объекты проверить состояние свежего железобетона. Вдали, у штаба, заметил необычное для столь раннего часа скопление командиров, но решил не задерживаться и пошел дальше. Темные казематы новых сооружений встретили мокрой духотой быстросхватывающегося бетона. Обойдя несколько долговременных огневых точек, убедился, что бетон почему-то не увлажняется, хотя уже припекало солнце, и на объектах нет ни одного человека. Мне как начальнику производственной части надо было принять срочные меры. Остановил грузовую машину с камнем и хотел проехать к штабу, но тут заметил приближающегося галопом всадника. Из седла с трудом вывалился военинженер Морев. Не здороваясь, я набросился на него: почему нет людей, не увлажняется бетон?

— Я, черт побери, ищу тебя чуть ли не час,— огрызнулся Морев,— коня загнал, а ты — бетон, вода! Кому они нужны теперь? Строили, столько сил вложили в эти серые громадины, а вызвать их к жизни не успеем. Короче, война. Сегодня в ночь начнется война, и тебя срочно вызывают,— может, ты узнаешь больше...

Не дослушав его, я прыгнул в кабину, и шофер на предельной скорости погнал к штабу. В барачном военном городке уже сновали командиры, слышались команды построения, из окон штабов раздавался перезвон полевых телефонов. В автороте строились в

колонну машины. Над участком нависла тревога, чувствовалось, что вся жизнь идет в каком-то другом, непривычном направлении.

У штабного барака стояла легковушка военинженера первого ранга Воробьева, главного инженера Управления начальника строительства № 89[1]. В окне мелькали фуражки пограничников. Вокруг стоявшей под сосной бочки с водой, там, где место для курения, толпились командиры. Как и я сам, большинство из них в армии всего несколько месяцев. Призванные из запаса, они неловко чувствуют себя в военном снаряжении: перекошены ремни под тяжестью наганов, знаки различия в петлицах закреплены кое-как — и прямо, и по диагонали. Всех возрастов, у каждого свои, годами сложившиеся гражданские привычки, свой производственный опыт. Трудно им вписаться в специфику военной службы: все время без остатка съедает круглосуточная работа на оборонительных сооружениях, особенно на их бетонировании, почему-то прозванном «свадьбой». А сон? А отдых? Это так, между сменами, три — пять часиков — и хватит. И хочешь или нет, а в этих условиях надо привыкать к военной форме, к грубым кирзовым сапогам, к правильному рапорту и отдаче чести: дается все это пока нелегко.

Курят у бочки короткими, злыми затяжками, окурки бросают в воду с каким-то особым ожесточением и громко спорят. Остановили меня и спросили, как быть с семьями. Обращались к начальнику участка военинженеру второго ранга Меренкову, но тот ответил, что о семьях пока указаний нет. Я тем более ничего не мог им ответить и прошел в кабинет Меренкова. Представился и молча выдержал зачем-то нужную ему паузу.

Начальник участка пристально посмотрел на меня, будто прикидывая, на что могу пригодиться во фронтовых условиях, если весь мой войсковой опыт замыкался гражданским строительным институтом, оконченной четыре года назад военно-морской школой по

---

[1] Такие управления (УНС) вели силами военно-строительных участков и входящих в них строительных батальонов, автобатов и авторот капитальные оборонительные работы на советско-германской границе, сложившейся после 1939 года. (**Прим. автора.**)

специальности судового моториста да несколькими годами работы по вольному найму на военных стройках в качестве главного инженера или начальника строительства. Правда, Меренков знал, что я как-то уже притерся к военной среде и поднаторел в командном языке. Но, имея за плечами опыт гражданской войны, он отлично понимал, что для боя этого мало.

— Сегодня в ночь, батенька мой,— прервал он наконец молчание,— часа в три или четыре Германия начнет войну. Приказываю: в целях дезориентации противника бетонному заводу вхолостую, а камнедробилкам с полной нагрузкой работать непрерывно до открытия немцами огня, пусть слушают. Далее. Собрать в батальоне все мешки, а если не хватит, то и матрасовки, набить их песком. Кроме того, оборудовать для боя амбразуры наиболее готовых сооружений, расчистив от кустов и леса сектора обстрела. Готовность — восемнадцать ноль-ноль. Докладывать — мне. Должен прибыть пулеметный батальон и принять готовые точки. Но пока его нет, а есть только представители батальона, сдавайте им точки по мере готовности амбразур и расчистки секторов обстрела. Маскировочные заборы на точках снять только с наступлением темноты. Отвечаете персонально. Предварительные указания командиру батальона даны, остальное сами решайте. И еще: зайдите к главному инженеру Михайлову, согласуйте детали, расстановку командиров и действуйте. Все ясно? — и отвернулся к окну. Неторопливо набил трубку, закурил.— Ну, что еще? — взглянул на меня.

Я сказал, что командиры ждут решения, как быть с семьями. Меренков процедил сквозь зубы:

— У меня здесь трое своих детей, а указаний о них нет.

После этого разговора я зашел к Михайлову, где оказался и главный инженер управления Воробьев. Маленький, коренастый Арсений Михайлов, всего несколько месяцев назад успешно окончивший Военно-инженерную академию, был ворчлив, как старый дед, со многими разговаривал свысока, и инженеры участка его не любили. Ко мне он почему-то относился лучше, что служило среди командиров причиной незлобных шуток в мой адрес.

Часть объектов Михайлов взял на себя, остальные

приказал мне распределить между инженерами участка.

Еще более угрюмые из-за отсутствия ясности, что же будет с семьями, командиры разошлись по объектам. Задержался лишь Морев.

— Давай честно: тебе страшно? — спросил он меня.— Война ведь, а тебя вроде и не касается. Вот мне страшно, за них страшно: у меня здесь трое. О самом все ясно, я русский человек, и раз война — значит война, и мое место здесь, в строю, каким бы он ни был. А семьи? Мы на рассвете в бой. А они? Тоже под пули? Мы почти без оружия,— наверно, вначале будем отходить: судя по всему, немцы хорошо готовились, сами видели и слышали. А у нас в стройбате на тысячу человек — полсотни винтовок, да пара пулеметов, да погранзастава. Подхода войск из глубины что-то не видно. Хорошо, если успеют, когда мы дойдем до крутого берега Немана. А комиссар все свое: русским в Берлине не впервой. Ну, а что ему? У него должность такая — людей поддерживать.

Что я мог ответить? У Меренкова самого здесь трое детей, у меня сын, у других тоже детвора, а указаний нет. Подождем несколько часов, потом будем решать сами, руководствуясь правилом, что отсутствие приказа не оправдывает бездеятельности.

Морев, взобравшись в седло, ускакал. Появился откуда-то инженер-механик Квашенкин, лентяй, бабник и в армии явно пустоцвет.

— Что, опять городские ночные приключения? Почему не на работах?

Видимо, я попал в точку: Квашенкин огрызнулся и зло спросил, верю ли я в необходимость исполнения отданных распоряжений. Я оборвал его: сейчас не до дискуссий, надо выполнять то, что велено, а не рассуждать. Механик как выплюнул:

— А вот мне, вопреки утверждениям комиссара, кажется, что немцам до Москвы будет значительно ближе, чем нам до Берлина.

— Когда кажется, крестись, а сейчас марш на объект и выполняй, что приказано!

Квашенкин ушел, демонстративно не спеша. Я проверил казармы — кроме дневальных, никого,— и отправился сам на работы. Красноармейцы трудились

молча, хмуро, без перекуров, и никого не было нужды подгонять.

В восемнадцать — докладывать, и надо успеть сдать полевым войскам готовые точки. А где они, эти войска? Полевым... Что же будем делать мы, строители? Ночью война. Завтра, двадцать второго, еще что-то... Ах да, завтра сынишке исполняется четыре года. Но как же действительно быть с семьями?

Напряженный до крайности день клонился к концу. Кажется, что вот-вот дойдет солнце до зубчатой кромки леса и... остановится. И так безумно этого хочется: ведь тогда не будет вечера, не наступит ночь и не будет страшного военного рассвета.

Усталые, все в пыли, без строевых песен, подходили к своим казармам роты. Не умолкая, грохотали за лесом камнедробилки и бетонный завод.

Окно в кабинете Меренкова было распахнуто, и там виднелась фигура начальника управления. Высокий, стройный, по-образцовому подтянутый, по-мужски красивый, майор Аксючиц склонился над картой, черные брови сдвинуты, в зубах забытая потухшая папироса. Не решаясь войти, я присел у крыльца. Через открытое окно доносился их разговор.

— Ну так как, Меренков, успеют?

— Роты возвращаются,— значит, работы закончены.

— Что ж никто не докладывает?

— Приказал доложить в восемнадцать.

— Опоздают.

— Не имеют права.

— Представители пулеметного батальона были?

— Представители были, по точкам их провели, а о самом батальоне ни слуху ни духу.

Докурив папиросу, я прошел в кабинет, представился Аксючицу и доложил о выполнении задания.

— Опаздываете с докладом на семь минут,— заметил майор.— Потрудитесь быть точным: здесь армия, а не строительный трест.

Зазвонил телефон. Меренков послушал и передал трубку Аксючицу:

— Вас, товарищ майор.

— Аксючиц. Кто говорит? Ясно. Так... Все понял... Да, к сожалению.— Положил трубку, встал у окна. Прошелся по кабинету, сменил папиросу. Несколько

минут молча смотрел куда-то в пространство, будто пытался найти там решение чего-то большого, неразгаданного. Вздохнул, резко повернулся к Меренкову: — Ну, вот и все. Семьи отправить вечером, в сумерки, пока только до Каунаса. Свой штаб и подразделения батальона держать в полной готовности. Имущество, что может понадобиться на новом рубеже, погрузить в машины заранее. Проверить готовность санчасти батальона. Все остальное — как уже распорядились. Поддерживать связь со мной и с пограничниками. Начнется часа в три или четыре. По обстановке — получите по телефону указание, какой пакет в секретной части вскрыть. Я сейчас на участки к Карлову и Большакову, потом буду все время у себя.

Мы с Меренковым остались вдвоем. Он почему-то поправил орден на груди и спросил:

— Батенька мой, это сколько же нужно времени для того, чтобы собрать сюда все семьи командиров?

Я ответил, что вещи у большинства уже собраны, поскольку еще днем в столовой родные узнали все. Но живут люди разбросанно, по хуторам, плюс женские слезы, так что раньше чем к десяти вечера всех не собрать. Меренков заметил, что как раз в это время начнет смеркаться, и приказал тогда и отправлять людей.

В девять часов вечера у штаба стояли три грузовика, часть семей уже прибыла, остальные подтягивались. Слезы прощания, слова напутствия. Тяжело смотреть на людей, расстающихся, быть может, навсегда.

Заглянув в кузова машин, приказал начальнику автотранспорта воентехнику Анатолию Ильину застелить дно матрасами и поставить в каждую машину про запас по бочке бензина. Он пытался возразить, поскольку получил указание выделить машины только до Каунаса. Пришлось заставить выполнить мое последнее распоряжение, и Ильин послал машины на склад горючего. Я доложил об этом Меренкову, и тот одобрил мое решение:

— Приказали, батенька мой, правильно. Сейчас говорил с пограничниками: у немцев сильный шум моторов, движение пехоты. Были перебежчики, подтверждают, что войска на исходных, только во времени разноголосица: кто говорит, что в четыре часа

утра, а кто — в три. А с машинами — правильно. Начнется бой, бомбежка, Каунас тоже бомбить будут, и поездов может не оказаться. Тогда своим ходом пойдут, так и прикажите, до тех пор, пока не удастся посадить семьи в поезд, идущий в сторону Центральной России. А кого назначили в сопровождающие?

Я выделил толковых, смелых и пробивных ребят и к ним — Квашенкина, чтобы с глаз долой. Всего четверых, один из них старший.

В полночь машины с семьями наконец ушли. Долго смотрели мы на опустевшую дорогу, прислушиваясь к удалявшемуся и вскоре совсем затихшему шуму.

Томительным и тревожным подступало утро 22 июня. Красноармейцы и командиры оставались в казармах, шоферы автороты дремали в кабинах машин, нагруженных строительными механизмами, цементом, штабным имуществом. За лесом продолжала грохотать камнедробилка, но в воздухе, казалось, повисла томительная тишина, как будто перед грозой. Стихло и у немцев.

Все командиры Меренкова в штабе. Спать запрещено. Слушаем ночь: что-то таит в себе эта тишина?

Вернулись последние подразделения бойцов с устройства завалов на лесных дорогах от границы. От выставленных на шоссе наблюдателей прискакал верховой, доложил, что к границе проследовали три наших танка, пять машин с бойцами, а о пулеметном батальоне ничего не слышно.

Среди подремывающих сидя командиров в штабе Меренкова высказываются надежды: а может, не будет войны?

Еще связной: шоссе пусто, ни машин, ни танков, ни людей.

Спросил Меренкова, как поступить с ксендзом. Тот ответил, что арестовать его разрешили еще рано утром, но ксендза след простыл, и весь день он нигде не показывался.

Минуло два и три часа ночи — тишина. Может, немцы изменили время или дату? Дату вряд ли, ведь наступает воскресенье, день, удачный для нападения: выходной, люди кто где, не так быстро развернется мобилизация.

Война. Какая она? Как в кино? Или, может быть, совсем другая?

Четвертый час. Позвонил пограничникам — тихо. Зашел в секретную часть, повертел в руках серые, опечатанные сургучом пакеты: в каждом из них судьба первых дней войны. Какой пакет придется вскрыть?

Ровно четыре часа утра... И сразу грохот от близкой границы взорвал тишину. В ту же минуту высоко-высоко в небе прошли куда-то вглубь, на восток, первые эскадры фашистских самолетов. В стройбате часто-часто забили тревогу, у нас резко зазвонил телефон. Дежурный схватил трубку и, бросив в нее краткое «Понятно!», обратился ко мне: «Началось! Зовите Меренкова, пакет вскрывать ему лично».

Звать Меренкова не пришлось, он уже стоял в дверях. Вскрытый пакет гласил: под прикрытием полевых частей, которые должны были выйти ночью к границе, а при необходимости с собственным прикрытием вывести личный состав участка и батальона, автороты в район управления к местечку Лейпуны.

Где же полевые войска? Даже пульбата нет... Под собственным прикрытием — полсотни винтовок, два пулемета да наганы командиров.

Меренков выглянул в окно — батальон уже строился.

— Вы, батенька мой,— приказал он мне,— берите полуторку с водителем Гавриленко — и на машину командиров участка. Чемоданов не брать. Вы — старший, подчиняться — мне, будете моим штабом и командирским резервом. Что такое штаб на войне, знаете?

— В общих чертах.

— Наставление по полевой службе штабов читали?

— Давно и только бегло. И потом: почему я? Ведь Михайлов и по службе старше и академию кончал.

— Времени на разговоры нет. Исполняйте! Выход через десять минут.

Недалеко разорвался снаряд, звякнули стекла, и с потолка посыпалась сухая земля. Позвонил пограничникам — они вели бой. Второй снаряд разорвался, не долетев до военного городка: немцы брали участок и батальон в вилку, надо было торопиться.

Готовый с вечера батальон длинной пешей колонной вслед за машинами потянулся перелесками к шоссе. Мою машину Меренков поставил во главе колонны. Михайлов по его заданию зачем-то возвращался

в наш разбитый немецкой артиллерией и объятый пламенем военный городок. Дым пожарища поднялся высоко, а над ним в чистом голубом небе, выстроившись, как на параде, все шли и шли немецкие бомбардировщики. И ни одного нашего истребителя! Где они? Ведь своими глазами видели их, и много, и не где-то там далеко, а на наших в общем-то приграничных аэродромах.

Часто простаивая в ожидании пешей колонны и конного обоза, маскируясь в тени деревьев, окаймляющих шоссе, машины продвигались крайне медленно. Конечно, с фашистских самолетов нас было прекрасно видно, но, вероятно, у бомбардировщиков были свои, другие цели.

Километрах в трех — пяти хвост колонны прикрывал взвод стройбата с винтовками и двумя пулеметами, оттуда доносили, что взвод ведет бой. Шум какого-то большого сражения позади смещался в сторону и стал опережать нас. Видимо, противник принял нашу колонну за какое-то активное соединение и решил быстрее обойти. Создавалось впечатление, что наш пункт назначения Лейпуны, седлающий узел дорог, уже в руках противника. Чертовски хотелось рвануть на машинах вперед, выскочить из-под угрозы окружения, но за нами шли безоружные подразделения батальона, и бросить их мы не могли, это было бы настоящим предательством, и никому в голову такое не приходило.

Бесила бездеятельность: совсем не так мы представляли вхождение в войну. Злили распоряжения, почерпнутые из вскрытого пакета: безоружный батальон отходил пешим порядком почти на виду у немцев, а машины загружены цементом и еще черт знает чем.

Когда до Лейпун оставалось несколько километров, я попросил у Меренкова разрешения проскочить назад, связаться с арьергардным взводом и вообще толком выяснить обстановку, но тот ответил: для этого есть командир батальона и его штаб, и он сам знает, что нужно делать, и вообще яйца курицу не учат.

Впереди виднелся столб дыма, и Меренков приказал взять машину, нескольких красноармейцев и, пока батальон подтягивается, проскочить в Лейпуны, в управление, узнать обстановку, а то, похоже, там

уже противник. Если же немцев там нет, выяснить, что делать дальше и когда и где нас будут вооружать.

— Исполняйте! — буркнул Меренков сквозь облако табачного дыма от неразлучной трубки и, засунув руки в карманы кожаного пальто, медленно пошел в хвост колонны.

Я отобрал из числа добровольцев трех бойцов, взял последние три винтовки, лежавшие в машинах, и через несколько минут новая трехтонка с каким-то укрытым брезентом имуществом уже мчалась к Лейпунам. Я с шофером Федором Москаленко сидел в кабине, красноармейцы — в кузове.

Взвизгнув тормозами, машина остановилась: метрах в ста впереди по всей ширине шоссе, включая и кюветы, бушевал огонь. Горел бензовоз, людей никого, объезда не было. Москаленко прошел ближе к бензовозу, вернулся и сказал, что живых не видно, надо бы проскочить с машиной через огонь. Я побоялся, что вспыхнет бензобак нашей машины, но Федор уверял, что проскочим благополучно.

Укрыв бензобак бушлатом, плотно заделав окна кабины и спрятав бойцов под брезент, Москаленко подал машину немного назад и затем быстро набрал предельную скорость. Прижимаясь к самому краю шоссе, он буквально бросил грузовик сквозь пламя. Долю секунды пробушевал огонь и остался позади. Тормознули и осмотрели машину — все нормально.

Где-то левее, совсем недалеко, слышался шум боя, но в Лейпунах было почти пусто, управление куда-то снялось, только за столом дежурного неистово крутил ручку телефона и ругался воентехник Борис Бутинов. С ним были два красноармейца и машина.

Я доложил, что прибыл от Меренкова за получением дальнейшего задания, а также узнать, когда и где мы будем получать оружие. Возникла горячая перепалка. Бутинов кричал, что другие два участка с батальонами уже проследовали, за ними и само управление, а он сидит здесь только из-за нас, что ни о каком оружии ничего не знает и что, по его информации, немцы уже в соседней деревне и вот-вот будут здесь, и если мы не проведем свою колонну немедленно за Лейпуны, то будем отрезаны. Я, в свою очередь, возмущался отсутствием оружия, отсутствием связи, которая должна идти сверху, а не наоборот. И вооб-

ще Бутинову орать на меня нечего, орать я и сам умею.

Перепалка оборвалась сразу: на бомбежку Лейпун разворачивалась группа фашистских бомбардировщиков. Бутинов уже в дверях крикнул, что мы должны пробиваться на правый берег Немана, в Меречи, где сборный пункт всех частей управления. Мы последовали примеру Бутинова и уже под бомбежкой вырвались из Лейпун. Позади сильно рвануло, и там, где только что стояло здание управления, поднялся столб огня и дыма. Под пулеметным огнем с бомбардировщиков выбрались на шоссе. Там вяло догорал бензовоз, но на земле огонь уже потух. Из окна пробитой пулеметом и покореженной огнем кабины свисало до черноты обгоревшее тело шофера.

Бой шел где-то совсем близко, но все же Лейпуны колонна участка проскочила. Меренков стоял в центре местечка и торопил бойцов:

— Быстрее, быстрее, батеньки мои! Бегом, бегом!

С остановками благополучно добрались до Немана, и только перед самым мостом вдоль шоссе дважды низко прошел немецкий самолет, поливая колонну пулеметным огнем. А когда переходили мост, попали под налет девятки «юнкерсов» — это уже пострашнее. На правом, крутом берегу Немана быстро проследовали через утопающий в зелени чистенький городок Меречи, поднялись на самую вершину берега и там, в сосновом бору, присоединились наконец-то к управлению и остальным участкам и батальонам. Одного батальона не было: он не смог пробиться к Меречам и пошел в обход.

Отсюда, сверху, хорошо просматривались улицы городка, мост и теряющееся в широкой пойме за ним шоссе, окаймленное старыми деревьями. Там, вдалеке, изредка уже рвались снаряды: немцы прощупывали огнем подступы к переправе. На том берегу мост прикрывала небольшая группа бойцов из пограничников, каких-то танкистов без танков и бойцов стройбата.

Вдруг откуда-то с огромной высоты раздался незнакомый, быстро нарастающий вой. Это пикировали на мост и Меречи фашистские самолеты «Юнкерс-88», оснащенные сиренами устрашения. Только что освещенный ярким солнцем городок потонул в огне, дыму и пыли. Часть бомб падала в Неман, и река изверга-

ла огромные фонтаны воды. Осколки от бомб с ближних улиц достигали опушки леса, шуршали над головой и впивались в стволы деревьев. А самолеты все шли и шли.

Оборонявшие мост бойцы, стреляя на ходу, бежали на наш берег, на какие-то мгновения мост исчезал в разрывах, выхватывая людей из жизни. На левом берегу появились немецкие мотоциклисты, по ним ударили с нашего берега пулеметы. Фашисты заметались по шоссе, часть из них бросилась в кюветы, другие остались лежать там, где их настигла смерть.

После короткого затишья над мостом показались два одиноких самолета противника, один из них с ходу бросил бомбы в район городского костела, второй, прошитый очередью нашего «максима», рухнул в лес и взорвался вместе с бомбами.

Здесь, наверху, на самом шоссе, ни одной машины, все рассредоточились и замаскировались. Несколько глубже, в лесу, перевязывали раненых, копали первые братские могилы.

С севера, со стороны городка Варены, подъехал Аксючиц, что-то коротко приказал Меренкову и уехал обратно. Меренков подозвал меня. Сейчас он тоже уедет за Аксючицем, а мне приказал принять командование сводной колонной всех участков управления и выводить ее в сторону Вильно. Они с Аксючицем надеялись добиться там вооружения людей и получить боевую задачу. Я заявил Меренкову, что в колонне много кадровых, в том числе строевых командиров, есть такие опытные, как капитаны Большаков и Карлов, мне же такое просто не по силам. Спор был прерван новым налетом и бомбежкой нащупавших нас вражеских самолетов. Я бросился в кювет: хотелось прямо врыться в землю. Брошенная самолетом на выходе из пике бомба проскользнула по траве, как поросенок на брюшке, боком скатилась в кювет и успокоилась в нескольких шагах от меня, так и не взорвавшись.

Самолеты ушли. Простоявший всю бомбежку под деревом, Меренков с неизменной трубкой в зубах не спеша подошел к бомбе, взглянул на нее, на меня и бросил: «Выполняйте приказ!» Потом залез в машину и быстро исчез за поворотом шоссе. Мне ничего другого не оставалось, как возглавить колонну.

Как-то сразу осознав свою ответственность и предоставленную мне власть, приказал немедленно сгрузить со всех машин имущество, технику, материалы и принять на борта людей. Эта команда была выполнена дружно, и, видимо, благодаря этому решению меня тут же восприняли как правомочного старшего начальника. Не стало пешей колонны, все люди были в машинах, которые вытянулись на шоссе по направлению к Варене.

В каждой машине велел выделить наблюдателя за воздухом, и это оказалось кстати: вскоре нас опять накрыли немецкие бомбардировщики. Все машины с шоссе как ветром сдуло, и самолеты бестолково кружились над лесом и бомбили вслепую. В эти минуты на бреющем полете вырвались из-за леса семь тупоносых краснозвездных истребителей и в крутой свечке бросились в атаку. Завязался воздушный бой. Ястребки атаковали фашистов смело, дерзко. Два немецких самолета рухнули в лес, два других задымили и направились к границе, но один из них недалеко от нас вспыхнул и факелом пошел к земле. Остальные бомбардировщики образовали круг, отстреливались, но упорно не уходили от цели. Вдруг наш ястребок тоже клюнул носом, задымил и потянул над лесом в сторону. Еще два, видимо расстреляв весь боезапас, вышли из боя, но четыре истребителя продолжали атаковать врага.

Сообразив, что немцам сейчас не до нас, я решил выводить колонну и скомандовал: «По машинам!» Ближние поняли, дальние догадались и, тесня друг друга, машины ринулись по шоссе. Немцы разорвали свою «карусель» и стали закругляться на шоссе. Но как только они развернулись для бомбежки, с еще большей яростью насели на них наши ястребки. Бомбы падали близко, но все в стороне, и колонна вырвалась из-под удара почти без потерь. Рухнули на землю еще два бомбардировщика, остальные, рассеявшись, потянулись к границе. Наши истребители сделали над нами прощальный круг, помахали крылышками и ушли. И не раз потом за войну я думал о тех первых героях летчиках: где они? живы ли?

После этого стоило вдалеке показаться немецкой авиации, как шоссе сразу пустело: машины загоняли в лес, люди врассыпную прятались за деревья. Было

много хуже, когда такое случалось на тех участках шоссе, где лес был далеко.

Вскоре колонна прошла мимо нашего полевого аэродрома. Летное поле было обильно усеяно воронками от бомб. За ограждением из колючей проволоки валялись остатки сгоревших и искореженных истребителей. На шоссе стояли несколько летчиков, они попросились к нам в машины. Мы потеснились и подобрали их. Спросили: не они ли сейчас прикрывали нас? Нет, не они. Неожиданный удар по аэродрому немцы нанесли еще в четыре часа, и почти никто не успел взлететь. К тому же часть летного состава еще с субботы оказалась в городских отпусках. Очевидно, здесь информация об обстановке на границе оказалась хуже, чем у нас.

Прошли через городок Варену, пока еще такой же чистенький и по-воскресному безмятежный, как и Меречи до бомбежки. Жители, среди которых по главной улице прогуливались и командиры местного литовского гарнизона с женами, с недоумением поглядывали на нашу колонну, на раненых в кровавых повязках. Но вот и Варена позади, а через десять — пятнадцать минут и над ней, за лесом, закружились фашистские стервятники и поднялись клубы дыма.

Верст за двадцать до Вильно, уже под вечер, колонну остановили Аксючиц и Меренков, которые пытались из Вильно связаться со штабом округа. Рассредоточили по лесу машины и людей; я доложил о движении колонны, о людских потерях, о том, что отстали трактора и конный обоз, а также сообщил, что приказал сбросить с машин все, кроме продовольствия, и разместить в них весь личный состав.

Аксючиц одобрил мои действия и разрешил сдать командование колонной кадровому командиру, такому же начальнику участка, как и Меренков, капитану Карлову.

Вечерело. Глухо доносились разрывы: немцы бомбили Вильно. А вот и у нас крики: «Воздух! Воздух!» Вдоль шоссе на малой высоте выросла группа немецких бомбардировщиков. И будто кто по радио их наводит с земли: перестроились над нами в круг и начали бомбить и поливать из пулеметов. Лежу на спине у толстой березы и, провожая глазами бомбы, прикидываю: моя! нет, не моя! опять не моя! Почти свою

все же прозевал. Меня перевернуло, ударило о дерево, осыпало землей и ветками. Превозмогая боль, приподнялся, увидел Меренкова: тот невозмутимо стоит во весь рост под деревом, попыхивая трубкой, будто ничего кругом не происходит. Рядом со мной капитан Григорьев прижал к земле, прикрыв своим телом, пятилетнюю дочурку: не успел ее отправить. Слава богу, оба живы и невредимы.

Самолеты ушли. У нас новые раненые, есть убитые. Из соседней рощи привели человека в форме нашей милиции, руки скручены ремнем, лицо в крови, за спиной переносная рация. По-русски почти не говорит. Схватили его тут же, во время бомбежки: он корректировал действия своих самолетов, значит, и на нас навел. Аксючиц, сжав кулаки, сверкая огненными глазами, кивнул на землю и приказал: «Только подальше!»

Шпиона увели. Вскоре раздался одиночный выстрел.

Тишина. Не слышно бомбежки и со стороны Вильно. Аксючиц велел выводить машины, постараться проскочить Вильно между двумя налетами и уехал. Нашему участку с батальоном было приказано задержаться, пока не подойдут трактора и конный обоз.

Бойцы уже дремали около машин и под ними, когда наконец на шоссе появились несколько тракторов «НАТИ», а за ними на взмыленных лошадях уцелевшие из конного обоза. Выяснилось, что кони дальше идти не могут: километрах в четырех их из леса обстреляли автоматчики, и они все время шли рысью или галопом, все в мыле, ноги дрожат, да и с тракторами дело обстояло не лучше: горючее на пределе.

Меренков сам осмотрел трактора и коней, приказал технику и повозки сжечь, а лошадей отвести подальше в лес и, сняв всю сбрую, особенно уздечки, отпустить на свободу. Приказ выполнили быстро. Я сам выпряг свою любимую верховую Звездочку, снял сбрую, вытер травой пену, поцеловал, отвел в лес и отпустил.

Вскоре километрах в трех позади нас транспортные самолеты противника выбросили на парашютах десант автоматчиков. Поглядывая на купола парашютов, Меренков приказал мне: «Командуйте, батенька

мой, полный на Вильно! На головную и на замыкающую машины — по пулемету!»

Перед спуском к Вильно втянулись в лесок, над городом зависли немецкие бомбардировщики, бомбили центр и станцию. Еще выше, над ними, вели воздушный бой наши и немецкие истребители. Решили переждать бомбежку, и когда самолеты ушли, колонна быстро спустилась к городу, но и на мосту и в центре вновь попала под налет вражеской авиации. Так, под огнем, и шли через город. На центральной улице на каком-то высоком крыльце стоял Аксючиц и, не обращая внимания на самолеты и разрывы, зло подгонял замешкавшихся шоферов, а то вдруг сам останавливал машину и приказывал потесниться и принять в кузов беженцев — женщин и детей, ручейками стекавшихся из переулков с узлами, чемоданами, детскими колясками.

Проскочили Вильно, за городом остановились. Позади дымили пожары, особенно сильные в районе станции и складов горючего.

Подъехал Аксючиц, сказал, что из Кальварии, где располагалось одно из соседних УНС, почти никто не смог вырваться. Ему удалось связаться из Вильно с Минском. Нам приказано к утру быть там для переформирования и вооружения.

Двигались всю ночь, не зажигая фар. Дорога стала хуже, в темноте машины натыкались одна на другую, сползали в кюветы. Вдоль дороги брели все растущие вереницы беженцев — старики, женщины, дети. Мужчин почти не видно. Некоторые катили детские коляски или ручные тележки, загруженные домашним скарбом. Аксючиц приказал брать в машины женщин с детьми, но всех взять было невозможно.

Среди ночи над дорогой прошли немецкие самолеты и обстреляли ее из пулеметов — еще кого-то унесла смерть. Запретили курить и зажигать спички.

Перед рассветом сильно похолодало. Голодные, измотанные люди не спали, подремывали, рискуя сорваться с кузова под колеса своих же машин. И все брели и брели беженцы. Начинался второй день войны.

Я заметил у дороги седого старика. Одной рукой он опирался на палку, другой поддерживал такую же

древнюю женщину. Остановив машину, предложил старикам грузиться в кузов.

— Спасибо, сынок. Но мы свое пожили, посадите лучше двух деток — мальчика с девочкой. С матерью шли, да убило ее вечером. Одни они теперь. Подвезите, а там сдадите куда следует,— и крикнул что-то по-литовски.

К машине подошли мальчуган лет восьми и еще меньше его девочка. Мальчик смотрел на меня, и из глазенок его бежали слезы. Как он страшно устал, этот маленький человек, за одни сутки столько переживший!

Нас разделяло несколько шагов. Я подозвал ребят, но они не двигались, и только страшная мольба светилась в их глазах.

— Они не понимают по-русски,— пояснил старик и заговорил с детьми на их родном языке.

Я посмотрел на переполненный кузов полуторки, спросил водителя: как быть?

— Возьмем, товарищ начальник,— ответил Гавриленко,— всех четверых возьмем. Двух командиров сверху снять, на подножки поставить, а стариков с детьми в кузов.

Приказал командирам спуститься вниз, остальным потесниться и принять детей и стариков. Хорошо помню, что поименно приказывать не пришлось: спрыгнули сразу несколько человек.

Рано утром прошли Молодечно.

Не доходя до Минска, управление со своими участками и батальонами вытянулось в лесу вдоль шоссе. Стали ждать переформирования и вооружения.

Что с семьями, отправленными на машинах, было неизвестно. Каунас остался позади. По данным станции Минск, поезд, вышедший из Каунаса утром 22-го, до Минска не дошел: то ли разбит авиацией противника, то ли в пути скорректировали его направление. Мы с Меренковым отправились на вокзал. Протискиваясь по вагонам, осмотрели готовые к отправке эшелоны эвакуированных, но никого из своих не нашли. Хорошо хоть, что с семьями посланы командиры и есть запас горючего...

Кончался нестерпимо жаркий день 25 июня. После тревожных бессонных ночей неодолимо клонило в сон.

Поглядывая на горящий город, я незаметно задремал, но вскоре разбудили: вызывал Меренков. На шоссе тихо: ни машины, ни повозки. Беженцев направили куда-то в обход города — над Минском опять появились немецкие бомбардировщики. На другой стороне шоссе нашел Меренкова. Тот пыхнул своей трубкой и спросил как-то неопределенно:

— Ну, как, батенька мой?

Я ответил, что, дескать, хуже не бывает. Он сообщил, что невдалеке, позади нас немецкие автоматчики — вероятно, десант,— и продолжал:

— Аксючиц добился в Минске приказа: обученных минноподрывному делу передать войскам на устройство заграждений, а основными силами следовать под Смоленск, в район Кардымова, и там переформировываться и вооружаться. Следовать туда через Оршу, возможен краткий заход в Могилев. Сводной колонной управления командует сам Аксючиц, я — его заместитель. Вам, батенька мой, впредь до переформирования приказано исполнять обязанности начальника штаба колонны. Штаб сформируйте себе на марше, сейчас времени на это нет. Все понятно?

— Понятно. Непонятно только, какой дурак вздумал назначить меня начальником штаба?

— Это решение Аксючица, так что иди к нему и разбирайся сам, кто из вас двоих дурак. Кстати, он вызывал.

Майор Аксючиц был известен прямотой характера, умом, высокой требовательностью к себе и подчиненным. Идти к нему не хотелось, но надо.

Он сидел в задумчивости на подножке своей «эмки» и слушал докладывавшего что-то старшего политрука Исаева.

Я подошел как-то нерешительно:

— Товарищ майор, явился по вашему приказанию.

Аксючиц поднял голову, взглянул с любопытством, одна бровь ушла вверх.

— Кто явился?

— Я явился, военинженер Чернов.

— Так и докладывайте. А только я не вызывал.

— Меренков передал.

— Атлет! Опять старик хитрит! Меренков сообщил вам задачу управления и мое решение? Ну, так и действуйте. Или что неясно? Или еще что нужно?

Огорошенный таким приемом, я пробормотал:

— Я начальником штаба не буду!

Глаза Аксючица гневно сверкнули. Резко встал, зло отбросил окурок, зашагал у машины — туда-сюда, туда-сюда,— остановился и, обратившись к Исаеву, сказал со злостью:

— Ишь ты, атлет какой! Будто не знает, что здесь фронт, а не профсоюзное собрание! И вот, послушай, товарищ Исаев, как он сейчас начнет доказывать мне, что в моих частях много кадровых, в том числе и строевых командиров и штабников, и что он не знает штабной службы, что он окончил только военно-морскую школу по специальности судового моториста и что военной академии он не кончал. Будто он лучше меня знает, кого и как мне в данных условиях использовать!

— Но, товарищ майор, ведь я действительно не кончал академии, как многие наши командиры.

— Академия, академия! — вновь взорвался Аксючиц.— Ваша академия началась на рассвете двадцать второго июня. И запомните: я вас в бараний рог согну, а заставлю окончить эту академию на «отлично».

Я еще пытался возразить что-то, но по шоссе быстро прокатил одинокий броневичок, и высунувшийся из него командир прокричал на ходу:

— Недалеко немецкие мотоциклисты с пулеметами на колясках! С ними видел одну танкетку.

Аксючиц глянул на меня и неожиданно спокойным тоном приказал:

— В должность начальника штаба вступить немедленно. Считайте, что вы уже доложили мне о вступлении. Действуйте!

— Есть вступить! — ответил я и уже за спиной услышал все такой же спокойный голос майора:

— Буду учить, буду помогать, но, если будете ныть, пеняйте на себя.

Остались позади пожарища Минска, встреча с немецким десантом под Могилевом, бомбежки под Оршей. Душные улицы Смоленска — стойкий запах гари и безлюдный город. Кто ушел на фронт, кто растворился в вокзальной сутолоке и эвакуировался, кто с детьми и домашним скарбом побрел под огнем самолетов искать судьбу на дорогах Смоленщины. А те,

кто все же не оставил города, были на оборонительных рубежах либо сутками на работе. Кому же по возрасту или болезни ни там, ни здесь не было места, притаились по домам и считали часы от одной бомбежки до другой.

На улицах валяются оборванные провода, битое стекло, многие здания смотрят в мир черными глазницами окон. С каждым днем все больше развалин, все чаще пожары...

Сидим у стены кремля, у моста через Днепр. Рядом наша полуторка. Со мной несколько командиров, ждем Аксючица: приказал ждать его здесь, сам в городе, в штабах, где-то что-то выколачивает, с кем-то ругается до хрипоты.

Командиры сидят молча, курят, каждый думает о чем-то своем, а о чем, кто знает. О прошлом — тяжело. О настоящем? Вот оно здесь, рядом, так что́ о нем думать, если в эту минуту от тебя мало что зависит? О будущем? А какое оно будет? Все смешалось в страшной горечи отступления, в неразберихе военных дорог. Трудно собрать свои мысли, они путаются, сталкиваются, спорят и расходятся. Десятками километров сдаем свою землю. Нашествие... Сколько видела их Россия, и в итоге враг всегда был бит, много костей оставлял в земле русской. Говорят, история повторяется. Значит, и нашествие этой серо-зеленой саранчи будет отбито. Но какой ценой? И кто виновен в том, что нас застали врасплох? Что истребители с приграничных аэродромов не поднялись в воздух? Что нечто похожее было в некоторых танковых частях? А как быть с тем, что невозможно осмыслить происходящее, что и сейчас, под Смоленском, мы не знаем предстоящего на день вперед. Но есть народ, есть люди, которые уже изведали запах крови, в том числе и своей, запах горелого человеческого мяса, люди, просящие разрешения примкнуть к любой части, чтобы только драться, драться и драться. А за ними вся страна, огромная, готовая на смертный бой.

У моста через Днепр свежие воронки — недавно бомбили. Недалеко железнодорожные пути. Может, перебраться куда-то, где безопаснее? Но Аксючиц приказал ждать его здесь.

Прислушались: где-то далеко со стороны Витебска нарастает гул самолетов. Ближе, сильнее завыли

сирены, заговорили наши зенитки. По всплескам снарядных разрывов нашли самолеты: идут высоко, очень высоко, упрямо, не меняя курса, через разрывы снарядов заградогня. Одна машина задымила, вспыхнула и стала падать, остальные идут и идут к цели, уже четко видны желтые оконечности крыльев и черные кресты на них. Вот ложатся на крыло, заходят на бомбежку. Мы моментально скатились под мост: прямое попадание с такой высоты маловероятно, да и от осколков здесь тоже безопаснее. Отбомбив, самолеты ушли, потеряв одну машину. Мост цел, но на станции горели вагоны и рвались цистерны с горючим.

Подъехал Аксючиц, весь в пыли, рукав надорван. Быстро что-то написал, приказал передать записку Меренкову и сказал, что вернется в Кардымово к вечеру, а сейчас поедет по батальонам.

Село Кардымово недалеко от Смоленска, по старому тракту. У дороги в тени берез стоит одноэтажное здание деревянной школы, в нем разместился штаб управления. За школьной рощицей — изрезанные оврагами поля. Кое-где небольшие перелески, пятна кустарников. Шоссе идет по крутым холмам: то взбегает на гребень, то пропадает за увалом. По нему от Смоленска тянутся одинокие подводы с беженцами. Старики или женщины идут рядом с телегами, а на подводах, поверх укрытого домашнего скарба, держась за веревки увязки, сидят дети. Из-под рядна торчат спутанные ноги, свисающие головы овец, телят или поросят. Бредут коровы на привязи. Плетутся собаки. Все в пыли, все уныло. При появлении самолета, лязгнув зубами и поджав хвосты, псы жмутся к хозяевам, бросаются под лошадей, под подводы. Изредка к Смоленску торопливо пылят подразделения пехоты.

В придорожных канавах, то тут, то там, с вздувшимися от жары животами валяется погибший скот. Большие зеленые мухи плотно кружат над падалью и зло гудят. На дороге виднеются разбитые повозки, машины, а вдалеке свежие, не успевшие обсохнуть безвестные могилы. И что-то очень дымно горит в Смоленске...

Аксючиц ездит по штабам. Фронт катится, а судьба нашего управления до сих пор окончательно не решена, переформирование, а следовательно, и воору-

жение затягиваются. Несколько дней назад под Оршей наш майор приехал в лес довольным: добился распоряжения — из части личного состава управления сформировать механизированный инженерный полк. В тот же вечер он был сформирован и под командованием капитана Большакова брошен для инженерного обеспечения боя в направлении Витебска. Сейчас полк действует в районе города Красный.

О семьях по-прежнему ни слуху ни духу.

Дежурный по штабу скомандовал построение на занятия: два часа строевая, два часа огневая подготовка. Пошли. Из окна школы меня подозвал Меренков, спросил, для чего построились. Я ответил. А сам куда? Тоже на занятия, говорю. Начальнику штаба можно бы и не ходить, заметил он. Я ответил, что рассчитываю в дальнейшем хотя бы на роту, а значит, надо и самому осваивать и огневую и строевую — небось пригодится.

Меренков выпустил облако дыма из трубки и ухмыльнулся:

— Значит, роту, говоришь, тебе дадут? Ну что ж, давай, давай! Как говорится, пусть будет, как будет, ведь как-нибудь да будет. Ведь никогда так не было, чтобы никак не было.

— Да,— говорю,— может быть, и дождусь, если не пришибет где-то. Вот народ воюет, а мы, кроме полка Большакова, не у дел. А еще считают, что кадровые военные — народ оперативный. Где же эта оперативность, если больше половины состава управления вне боя?

— Ты, батенька мой, настроения эти брось,— продолжал Меренков,— не по адресу они, Аксючица и меня не касаются. Майор и сам по штабам шумит. Я постарше и тебя и Аксючица, три войны прошел, а такой не было. Только раз уж у тебя панихидные мыслишки копошатся, тебе как начальнику штаба поясню то, что мне Аксючиц и вслух произносить запретил. Майору хоть и мало лет, но голова у него золотая и опыт оборонительного строительства на западной границе Украины тоже есть. Он за эти дни в больших штабах столько ругани выслушал, что во все наши машины не уложишь, столько перед большим начальством по струнке выстоял, что тебе и не снилось. Да и криков «Расстреляю!» тоже понаслушался.

Ан не стреляют, потому что мужик дело предлагает. Пошумят, поорут — да и согласятся: ори не ори, а против разума не попрешь. Он с первого часа штабы трясет, требует боевой задачи. А ему одно: раздать личный состав по стрелковым частям. Да только раздать-то, батенька ты мой, легко, а что потом делать? Саперов в стрелки, а после — сколько их уцелеет? — опять с бору по сосенке собирать в саперные части? Вот так-то. И требует он для нас не только большой инженерной задачи, но и переформирования управления в инженерную или там, скажем, саперную бригаду, чтобы если возникнет где-либо трудное в инженерном отношении положение, так туда боевым кулаком посылать инженерную бригаду. Вот так-то. Спорить же с майором в штабах трудно: не ему эта мысль принадлежит, он только помнит о ней и хочет применить ее. А впервые предложил это еще Михаил Илларионович Кутузов. Он призывал формировать в русской армии саперные бригады. Но хотя и соглашаются с Аксючицем, только дело до конца не доводят: штатов таких в нашей армии нет, фронт в движении, да и начальство меняется. Однако начало положено: полк Большакова сформирован и успешно сражается. Я же это тебе для постановки мозгов на место говорю. Но ты пока никому ни слова, тем более майору, а то он из меня компот сделает.

Слушая Меренкова, я как-то даже физически ощутил, как затихает сумбур в голове.

Занятия с командирами проводил старший лейтенант Макаревский Вадим Иванович или, как мы запросто называли его, Вадим. Это был прекрасный строевой командир и инженер, окончивший, как и Аксючиц, командный факультет Военно-инженерной академии, но не восемь лет назад, как майор, а всего лишь несколько месяцев. Никто из нас тогда не думал, что пройдет двадцать лет после войны — и В. И. Макаревский станет заместителем начальника родной академии.

В середине занятий связной из штаба передал приказание: боевая тревога. Мы, запыхавшиеся, прибежали, построились. Подошел Меренков с двумя гражданскими.

— Представляю вам председателя колхоза. У них, верст за девять отсюда, выброшены с самолетов не-

сколько человек десантников. Может, диверсанты, может, ракетчики для авиации. Одеты в форму нашей милиции. Задача — обезвредить. Первая шеренга, с первого по двадцатый номер, в машину! Командуют Чернов и Макаревский.

Долго прочесывали кустарники, рощицы, цепью тралили по ржи и овсам. Просмотрели весь район, указанный колхозом, но никого не нашли. Решили уже возвращаться, как на правом фланге поисковой цепи у одиноких кустов во ржи раздались крики: четыре командира и два красноармейца вязали в кустах двоих, одетых в милицейскую форму, третий уже лежал связанным. Из-под разорванного ворота его милицейской гимнастерки выглядывал серо-зеленый, с каким-то серебристым галуном воротник.

Задержанных отправили машиной в Смоленск. Сами, промокшие под грозой до нитки, вернулись в Кардымово уже в сумерках. Меренков похвалил за успешный поиск и отругал меня за то, что отправил задержанных в город, не доставил для допроса к нему. Упрек был справедлив, пришлось проглотить «пилюлю».

Стекла в учительской выбиты, окна затянуты плащ-палатками. В комнате Аксючиц, Меренков, интендант Клюшников, Воробьев, Исаев, еще несколько ответственных командиров управления. У Аксючица вид человека, удачно решившего сложную задачу. Он рассказывал, что произошло тогда, десять дней назад, 22 июня. В Смоленске он встретил кого-то, кто имел отношение к обороне нашего участка границы.

Обеспечить границу в условиях боя должна была наша 128-я стрелковая дивизия, растянувшаяся вместо положенных восьми — десяти на тридцать километров. И вот на нее обрушили свой удар две пехотные и две танковые, полностью укомплектованные и активно поддерживаемые авиацией немецкие дивизии, сосредоточенные на главном острие удара 3-й танковой группы противника. К сожалению, это стало известно только теперь, а надо бы намного раньше. 128-я дивизия понесла тяжелые потери, и остатки ее отходили разрозненными группами.

Подошел Карлов, еще несколько командиров. Аксючиц окинул всех взглядом.

— Знакомлю с обстановкой. Несмотря на возрастающее сопротивление наших сил и непрерывный подход резервов, противник хотя и с большими остановками, но продолжает двигаться. Обозначились его удары на Смоленск и Витебск, где фашисты продолжают наращивать удары, вводя новые части.— Майор встал, заходил по комнате, поправил лампу — она коптила.— Проглядывает стремление немцев вырваться через Красный на шоссе и железную дорогу Смоленск — Витебск. Предполагают, что эта попытка обойти или взять в клещи Смоленск и осложнить положение наших войск, ведущих тяжелые бои на подступах к Витебску. Такова в общих чертах обстановка. Фронт ощущает острую нужду в мобильных инженерных войсках. Этого следовало ожидать давно.— Аксючиц вернулся к столу, сменил папиросу и продолжил: — Мне приказано в течение суток переформировать управление в отдельную инженерную бригаду фронтового подчинения. Бригада формируется в составе двух полков, батальона заграждения, автомобильного батальона и подразделений обеспечения. Район действия на ближайшие дни — рубеж юго-западнее города Красный и направлений Витебск — Велиж и Витебск — Смоленск. Основная задача — минные заграждения, содержание переправ, при необходимости уничтожение дорог и мостов. Один полк под командованием Большакова нами уже создан и действует. Командовать бригадой приказано мне. Комиссаром бригады временно назначается товарищ Исаев, заместителем — товарищ Меренков. Остальное решим сейчас.

Замолчал. С минуту в комнате стояла тишина, только шелестели плащ-палатки на разбитых окнах да в такт их всплескам то вспыхивала, то почти гасла керосиновая лампа.

— Товарищ майор,— встал капитан Карлов,— раньше у нас таких соединений не было. Не громоздко ли — бригада?

— Раньше и войны такой не было, товарищ Карлов,— ответил Аксючиц.— Структура войск должна отвечать характеру войны. И я защищаю не только свою мысль: разумность формирования саперных бригад высказана Кутузовым еще во время Бородинского сражения. Потерпите немного, и жизнь заставит нас формировать не только бригады, но и целые са-

перные армии. А сейчас вопрос создания бригады решен и обсуждению не подлежит. Надо утрясти кадровые и организационные вопросы. Учтите: ни одного командира нам не дадут. Более того, часть своего командного состава мы должны откомандировать в распоряжение фронта для укомплектования других частей.

— Я полагаю, что Большаков как командир полка вполне на месте,— грузно поднялся Меренков.— Командиром второго полка предлагаю назначить капитана Карлова: кадровый командир, в армии с гражданской войны, с подчиненными всегда полный контакт, людей мобилизовать умеет.

— У меня тоже другой кандидатуры нет. Товарищ Карлов, приказываю формировать полк,— сказал Аксючиц.— Дислокацию батальонов на сегодня получите у Меренкова. При формировании не дробите без крайней нужды сколоченные батальоны. Лишний состав откомандировать в штаб бригады. О выполнении приказа доложить лично завтра, в восемнадцать ноль-ноль. Штаб полка пока расположить здесь,— и показал на карте место между Смоленском и Витебском.

Перешли к формированию других подразделений, начав с кандидатуры начальника штаба бригады. Присутствовавшие вполголоса обменивались мнениями.

— Что-то молчат, стесняются или боятся насоветовать кого-либо на свою голову,— обратился Меренков к Аксючицу.— У меня есть предложение поручить штаб Чернову.

— Чернову? — переспросил Аксючиц.

— Так точно. Хорошо проявил себя на участке, ну, а как действовал эти дни, вы, товарищ майор, сами видели.

Поднялся кто-то из начальников отделов управления:

— Я удивляюсь, товарищ майор, предложению вашего заместителя. Чернов — почти невоенный человек. Я ничего не имею против него лично, так что поймите меня правильно. Я имею в виду чисто военную сторону вопроса: академии товарищ Чернов не кончал и потому вряд ли будет авторитетом в бригаде. А почему товарищ Меренков не предлагает своего главного инженера Михайлова? На «отлично» окончил акаде-

мию, известен нам как хороший тактик, знаток военно-инженерного дела и военной истории. Рекомендую Михайлова.

— Товарищ Михайлов медлителен да и не сработается с людьми,— возразил Аксючиц.

— Поддерживаю предложение товарища Меренкова поручить штаб товарищу Чернову,— сказал Карлов.— Во-первых, флотская военно-морская школа — это уже совсем не так плохо, морская дисциплина всем известна. Несколько лет общения, причем ежедневного, в военной среде — тоже хорошо. И меня когда-то вызвал комиссар и приказал: «Принимай эскадрон!» — а я в то время корову через «ять» писал. Однако пришлось принять, а теперь вот и академия за плечами, и орден на груди, и полк доверили. Да и не следует забывать, как вел себя Чернов на марше от границы, выводя из-под огня безоружных людей и технику.

Вновь поднялся Меренков:

— С данной здесь товарищу Михайлову положительной характеристикой целиком согласен, но в начальники штаба не рекомендую. Мотивы своего мнения товарищу Аксючицу я изложил.

В комнате притихли. Аксючиц мерил комнату из угла в угол, поглядывая на командиров. Несколько раз останавливался и пристально смотрел на меня. И каждый раз душа моя уходила в пятки и даже куда-то дальше.

— Чернов! — обратился он ко мне.— Вы отправили пленных в город без предварительного допроса их здесь, чем нанесли ущерб престижу своей части. Скажите, что это?

— Видимо, это моя ошибка,— ответил я.

— Хорошо, что поняли. Потрудитесь впредь не ошибаться ни в малом, ни тем более в большом. Каждая ошибка на фронте — это лишние человеческие жертвы.— И ко всем: — Начальником штаба назначаю Чернова. Вопрос решен. Не робейте, будем помогать.— Опять взглянул на меня.— Но и не заноситесь, учтите, что назначаетесь в силу необходимости: нет другого подходящего человека, найти его при желании, конечно, можно, но нужен народ и в полки.

Я вышел из комнаты, будто из бани. А тут еще в голове мысли: как к моему назначению отнесутся то-

варищи? Давил и страх перед ответственностью за судьбы людей. Часа через два документация по переформированию вчерне была готова, и ее просмотрел Аксючиц. Я отправился в штабную комнату. Посмотрел на спящих, усталых писарей и связных, подвинул ближе лампу и сел сам за машинку. Когда печатал фразу: «Начальником штаба бригады назначаю...», вошел Аксючиц. Остановившись в дверях, взглянул на спящих, спросил меня: «Чем заняты?»

Я ответил, что печатаю документы по формированию.

— Лучшего начала не придумаешь,— рассмеялся Аксючиц.— Писаря дрыхнут, а начальник штаба на машинке выстукивает! Так нельзя. Вы должны организовать работу подчиненных от писаря до начальников отделов штаба. Ваша работа творческая. Каждый должен выполнять то, к чему приставлен.— И вдруг крикнул: — Поднимайся! В ружье!

Писаря вскочили и растерянно смотрели на майора: ни одной винтовки не было, только противогазы.

— Ну, вот и все в порядке. Теперь распорядитесь и займитесь своими делами, пока не напечатают.

Распределив работу, я прошел в комнату, где разместились командиры штаба. Большинство из них, кто подстелив соломки, кто положив шинели прямо на полу, спали. У керосиновой лампы собралось несколько командиров: слушают Новикова, только что вернувшегося с машинами, на которых десять дней назад увезли от границы семьи. Прислонился к дверному косяку и стал слушать рассказ.

— Так что до Каунаса к утру добрались более-менее благополучно,— рассказывал Новиков.— Ночной поезд в направлении на восток давно ушел, решили ждать первого утреннего. Обратились к военному коменданту вокзала, но ему уже было не до нас: бомбежка. После налета мы опять к нему, потом к коменданту города. Отвечают, что будет ли еще пассажирский поезд на восток, сказать трудно: ночной поезд куда-то пропал. Опять бомбежка. В городе начались пожары, потянулись машины с беженцами. Я как старший решил ехать на Минск своим ходом, благо горючее в запасе было. На шоссе становилось все теснее, да и немецкие самолеты беспокоили основательно. Квашенкин предложил мне перегрузить вещи на по-

луторку Шашлова, всех женщин и детей пересадить в облегченные машины и форсированно прорываться по шоссе порознь, собраться у Вильно. В полуторку к Шашлову Квашенкин поместил, кроме вещей с других машин, свою семью и сам поехал на ней. Не раскусил я его тогда, согласился. Ехали порознь, собрались под Вильно в роще, да не все, не оказалось машины с Квашенкиным. Часа три прождали, уже решили ехать дальше, а тут Шашлов на своей полуторке. Он в кабине один, и сверху — никого. Выскочил из машины, пилотку о землю. «Сволочь!» — кричит, ругается, лицо страшное, пистолет у меня просит. Спрашиваю: что случилось? А он одно: дайте наган, вернусь, найду, догоню его! Наган я ему не дал, и когда он малость успокоился, то поведал следующее. После очередной бомбежки Квашенкин в кабину к нему не сел, а устроился вместе с семьей в кузове: так, говорит, самолеты лучше видно и слышно. И только проехали несколько километров, стучит сверху в кабину. Остановились, снимает Квашенкин с кузова несколько чемоданов, не знаю, своих ли, нет ли, сажает семью и заявляет, что они дальше не поедут. Здесь останутся. И мне тоже советует. Схватил тогда Шашлов заводную ручку и на Квашенкина, а у того уже и наган в руке. Тем и кончилось: шофер подсадил в кузов беженцев сколько мог — и за нами. Пытались мы,— продолжал свой рассказ Новиков,— посадить семьи в поезда, но сделать это удалось уже только в Орше. Машины там замаскировали. В Москве один день пробыли, а затем с воинскими эшелонами в Оршу, к машинам. И теперь вас разыскиваем. Здесь тоже горя хлебнули: нас за дезертиров принимали. Выручало то, что не в одиночку мы, а вроде отряда.

Из штаба фронта прибыл связной с пакетом. Я вскрыл пакет. Фронт приказывал штабу бригады стать в лесу, что в семи километрах юго-восточнее города Демидова; полкам и батальонам обеспечить инженерное прикрытие рубежа Витебск — Орша и направление от Витебска на Велиж и подготовить к взрыву сооружения и отдельные участки железной дороги и шоссе Витебск — Смоленск. Взрывать по согласованию с командирами действующих на эти рубежах общевойсковых частей, а при отсутствии наших

войск — в случае выхода головных подразделений противника к заграждениям — действовать при необходимости как пехота. В том же пакете были наряды на оружие, боеприпасы, мины и взрывчатку.

Я посмотрел на часы: четверть пятого. Будить ли Аксючица? Ведь он только что лег. Решил дождаться утра, но к исполнению приказа приступить немедленно. Вызвал интенданта бригады Ключникова, начальника боепитания Ивана Бутенко, командира автобата, поднял некоторых командиров своего штаба и отдал распоряжения.

Ключникову лет под сорок, худощавый, бритоголовый, с приятными чертами лица и с постоянной улыбкой на губах; Бутенко — крепыш среднего роста, с густым, почти шаляпинским басом, показавший себя смелым командиром-воентехником с самых первых часов войны.

Ключников безапелляционным тоном заявил, что надо изменить сроки доставки оружия и мин, так как машин явно недостаточно.

— Пересчитайте и сделайте так, чтобы хватило,— возразил я.

— Но я уже все продумал: машин не хватит!

— Продумайте еще раз: вы начальник службы, сроки доставки, как и получения, определены штабом фронта, и ни одной машины прибавить не могу, они нужны для переброски людей.

— Но это же невозможно.

— Товарищ Ключников, отступать и дальше нам тоже невозможно.

— Да, но вы еще не сообщили о приказе фронта майору Аксючицу! Должен же быть какой-то здравый расчет. И задачу мне может ставить только командир бригады, а не...

— А не какой-то новоиспеченный начальник штаба! Так? — закончил я за него и продолжил: — Тогда разбудите Аксючица и скажите ему об этом сами.

— Да я не то хотел сказать, но все же...

— Тогда не теряйте времени!

Продолжая ворчать, Ключников и Бутенко пошли к выходу. Уже вслед им я бросил:

— Запомните, если не знали: начальник штаба отдает распоряжения и от имени командира части. И не загоните машины и взрывчатку под бомбежку или к

немцам в руки — сейчас сам черт не разберет, где свои, а где противник. С машинами пошлите командиров, не хватит своих, добавлю.

— Да нет, товарищ начальник штаба, ведь я, понимаешь, без обиды, я только хотел сказать, что трудно.

— Согласен с вами, но сейчас всем трудно.

Светает. Едва различимые в поголубевшем небе, бредут на запад перистые облака. Тишина. Неподвижна листва берез, серебром блестит роса. Из оврагов выползают мелкие клочья тумана, цепляются за кусты, медленно тают и исчезают. Над Смоленском дымы затухающих ночных пожаров.

Из школы вышел Аксючиц.

— Пять часов. Почему не спите?

Я рассказал о ночном распоряжении штаба фронта, о своих указаниях, о том, что вернулись из Орши машины, отвозившие семьи с границы, и что один из командиров оказался мерзавцем. На вопрос Аксючица «кто таков?» ответил: «Так, дрянь, лентяй, бабник и паникер».

Прошли в штаб. Майор прочел документы, отданные мною распоряжения. Вернулся на крыльцо, сел на ступеньку и разложил на коленях карту. Долго задумчиво смотрел в сторону Смоленска, а потом как бы очнулся:

— Сейчас же послать командиров на рекогносцировку заграждений и разведку мостов и бродов! Задачи, поставленные штабом фронта, поняли хорошо, распоряжения ваши тоже правильны. Однако в дальнейшем в таких случаях докладывайте мне, ведь я же здесь.

— Я не хотел будить.

— Надо будить. Солдат на службе двадцать четыре часа в сутки, а на войне — все двадцать пять. И еще. Отрабатывайте сухой штабной или командный язык: в отданных вами распоряжениях есть лишние слова. Нужно, чтобы все было предельно кратко и предельно ясно. А то был у меня в прошлом году такой анекдотический случай: послал на один из участков своего представителя, а через несколько дней получаю от начальника того участка телеграмму: «Ваш представитель внес неясность в ясные вопросы, прошу выслать другого». Другого не послал, поехал сам. Так это в мирное время, а сейчас война. Почитайте настав-

ление по полевой службе штабов, я вам достану. Вот так-то, батенька мой, как говорит Меренков. А кстати, где он?

— Спит. В машине.

— Ясно. Солдат спит, а служба идет. Давайте и вы спать.

— Я потом. Вы же сказали, что солдат на войне двадцать пять часов в сутки.

— Хорошо, что запомнили. Только в сутки, а вы без сна уже трое суток. Берите пример с Меренкова.— И, улыбнувшись, добавил: — Только не во всем! А понадобитесь, дежурный разбудит.

Я ушел в штаб, расстелил на полу шинель и, положив под голову полевую сумку, провалился в небытие.

Штаб бригады на новом месте, в мелком и сыром кустарнике близ Демидова. Ночь черна, хоть глаза выколи, чуть ли не над головой темные, лохматые тучи. Слабо моросит мелкий, нудный дождик. Даже в кабине машины холодно от промокшей шинели. Откуда-то издалека глухо доносится рокот боя. Днем горели хлеба и деревни, но все накрыла ночь: от дождя и эти зарева потухли. Холодно. Не заснуть. А каково бойцу, тому самому, который стоит сейчас у заложенного фугаса или на проходах в минном поле? Один, ну, двое-трое, а в этой чернильной мгле где-то рядом бродит смерть. И никто толком не знает, где свои, где фашисты и кто сейчас может выйти к тебе. Открыть или закрыть проход в минах запасными минами — вот они, готовенькие! Если же не успеет, то за неисполнение боевого приказа может быть и военный трибунал со всеми его последствиями. А ведь он совсем не трус, этот сапер, он, может быть, смелее многих других. Однако притаился во мгле, один на один с блуждающей где-то смертью; сам промок, но бережет от дождя на всякий случай спички и конец бикфордова шнура и до боли в глазах смотрит в ночь, слушает темноту...

Шофер рассказал, что Меренков, возвращаясь из Смоленска через Рудню, приказал остановиться. Забрал свою флягу и отправился в станционный буфет в надежде «подзаправиться». В это самое время на Рудню, как раз на станцию, налетела большая группа немецких бомбардировщиков. Началась страшная

бомбежка, а на станционных путях стояли эшелоны с эвакуированными детьми. Их вразнос. Стоны, крик, плач, дети мечутся, кричат, падают и больше не встают. Среди этого ужаса к машине, как всегда бесстрашно, подошел Меренков и, забрав шофера, побежал на станцию, в эту круговерть огня и смерти, в надежде хоть как-то помочь детям, но как, он вряд ли сам представлял. Одни вагоны вдребезги, другие горят, и всюду страшный крик: «Мама! Мама!»

Погрузили шофер с Меренковым раненых ребятишек и отвезли в больницу. Когда вернулись, самолеты уже ушли. На станцию набежал народ — не до своих домов. Стали проверять уцелевшие и поврежденные вагоны, выносить детей. Меренков постоял у вагонов и сказал шоферу: «Запомни! На всю жизнь запомни. И не будет большего греха, если когда-нибудь забудешь или простишь».

Аксючиц уехал в Витебск еще с утра, и до сих пор его нет. Как бы не стукнуло где, везде-то он лезет.

Нарастая, приближался рев самолета. Ближе, ближе, вот мелькнул он над самыми головами, даже ветром обдало, и исчез во мраке.

— Долетаетесь,— проворчал шофер Гавриленко.— Как вы думаете, товарищ начальник, чью сторону на деле займут теперь англичане и американцы?

— А ты съезди к ним на своей полуторке, они тебе враз подробно доложат. Но, впрочем, не жги бензин попусту: все равно надуют. Англия уже порядочно с немцами в состоянии войны. Вот именно — в состоянии: если бы действительно воевала, не решился бы Гитлер до поры до времени нападать на нас и вести войну на два фронта. И когда это Англия сама и по-настоящему воевала? Всегда норовила чужими руками жар загребать, да и американцы вообще не вояки. Вернее всего, мне кажется, что и те и другие в контакте будут выжидать, приглядываться да примеряться, чья сторона берет. Им и с Гитлером договориться труда не стоит: одного поля ягоды, только грядки разные.

Светало. Уходили ночные черные облака. Кругом по горизонту вилась слабая дымка от вчерашних и ночных пожаров. Я прошел к дежурному по штабу. На полпути, чуть не сбив меня, «эмка» Аксючица с ходу врезалась в кусты. На переднем сиденье безмя-

тежно спал майор. Шофер, выбравшись из зарослей, принялся маскировать машину.

— Спит праведник,— вполголоса произнес он.— Так трясло в дороге. Темень, фары не включишь — под самолет попали. Фашист два захода сделал, из пулемета поливает, а он спит. Вот, любуйтесь, пока бесплатно показываю. Война кончится, за один взгляд на такого майора три рубля брать буду! Да, впрочем, какой с него спрос: трое суток без сна.

Побывав у дежурного, я забрался в кузов своей полуторки, зарылся в мокрое сено и мгновенно заснул.

— Ну, батенька мой, кончай ночевать! — разбудил меня Меренков.— Вставай, Аксючиц приехал. Надо подготовиться, обстановку доложить и вчерашние решения, а то ведь без него распорядились.

Я проспал час и потому поспешил к дежурному: может быть, за это время есть что-либо новое. И уже позади услышал, как Меренков выговаривал Гавриленко:

— Это вот... как его... ты мне смотри в оба! Если случаем его не убережешь, шкуру спущу.

А через несколько минут я уже застал Меренкова безмятежно спящим в своем пикапе. Хотел будить, но меня вызвал Аксючиц. Я доложил, что фронтовым транспортом доставлены еще противотанковые и противопехотные мины, винтовки и большая партия ручных гранат. Очень осложнилась обстановка под Красным и в районе Витебска: немцы сильно нажимают на этом участке. К исходу дня получен приказ начальника инженерных войск фронта генерала М. П. Воробьева — полностью приготовиться к взрыву железной дороги, туда выслали Макаревского, он не подведет. В связи с отходом наших войск мы с Меренковым подготовили вот здесь, я показал на карте, перегруппировку частей бригады.

Аксючиц, бегло проследив за указкой, сказал, что решение правильное. Он сам был во всех частях бригады, был и в Витебске, там крайне тяжело, и, вероятно, город оставим. Приказал со штабом в этом кустарнике не задерживаться. Если в штабе фронта разрешат, будем перебазироваться, и надо подобрать место, лучше два или три. Просматривая документы штаба и распоряжения частям бригады, Аксючиц отругал меня, а потом капитально «выдал» Меренкову

как опытному командиру, обязанному поправлять молодого начальника штаба. Дело в том, что, получив приказание Воробьева, я разослал распоряжения частям бригады с такой формулировкой: «Начальник инженерных войск фронта генерал Воробьев приказал...», а надо было писать: «Командир бригады приказал...»

— Поймите раз и навсегда: вы единственное лицо в бригаде, которое имеет право и даже обязано обращаться к войскам только от имени командира бригады. Даже если в мое отсутствие обстановка заставит вас принять самостоятельное решение, то и тогда, отдавая его, следует писать: «Командир бригады приказал...»

Когда я выслушивал эту нотацию, хитрый Меренков попытался незаметно скрыться в кусты, но был пойман Аксючицем с такими словами:

— Говорят, товарищ Меренков, в какой-то профессии самым главным считается умение вовремя смыться. У вас это не получится — не та комплекция! Поймите,— обратился он уже к нам обоим,— дело здесь не в моей амбиции. Отданные вами распоряжения читают командиры полков, их начальники штабов. Они у нас кадровые командиры — и вдруг распоряжение вышестоящего штаба с нарушениями положений штабной службы. Каково! И весь ваш авторитет сразу насмарку. А ведь это авторитет всего штаба, признак наличия или отсутствия порядка в соединении. Понятно?

— Понятно.

— Ну и хорошо, вроде договорились. А теперь слушайте. Сейчас еду в штаб фронта. Держите устойчивую связь с нашими частями и с общевойсковыми начальниками, следите за обстановкой сами: надеяться на информацию сверху особенно не приходится. Держите наготове в машинах минный резерв с саперами для маневра. Для штаба лучше подобрать место километрах в шести восточнее Демидова, там старые леса начинаются. Но пока штаб не перемещать, тылы держать свернутыми и тоже пока не перебазировать. Следите за порядком: сегодня, вероятно, авиация противника будет еще активнее. И еще. Сформируйте роту управления в составе трех взводов — разведки, управления и хозяйственного. Резерв командиров при

штабе бригады сегодня же направить в полки. Ясно? Ну, так исполняйте.

Над дорогой стоит, не оседая, пыль. Повозки, машины, тяжелая артиллерия на тракторной тяге, санитарные двуколки, женщины, старики, дети... Всех поглощает пыльный, жаркий тракт. Слева далекий, но сильный бой. Иногда, будто пущенный на пробу, прошуршит над головами немецкий снаряд, вырвет из пыльной дороги пламя, завизжат осколки, кто-то закричит, в ужасе забьются в упряжке раненые кони, остановится и вспыхнет подбитая машина. И опять сомкнется страшный поток, и снова заклубится над дорогой пыль, отмечая горький путь тех, кто, выполняя воинский приказ или так, сам по себе, уходит от плена, от смерти, от ужаса. Закатное солнце смотрит сквозь дымку тускло, безразлично: что ему до людских страданий?

Ко мне подошел военинженер Козлов, начальник связи бригады.

— Нет больше сил быть с такой связью: провода нет, что был, или порван, или преступно брошен при отходе.

— Возьмите, пока еще не отправили, командирский резерв и используйте его в качестве командиров связи. Дайте им несколько машин-полуторок да пожестче требуйте со своей службы. Правда, майор Аксючиц приказал этот резерв откомандировать в полки, но куда тут отправлять, когда все смешалось! А без связи нельзя, у немцев радио чуть ли не в каждой роте, у нас же пока и в бригаде нет.

Приехал пропыленный и злой Аксючиц и еще из машины крикнул:

— Начальника штаба ко мне!

Я подбежал.

— Из штаба фронта ничего? Остальное все сам знаю, везде был, к сожалению, все сам видел. Новое место для штаба выбрали? За Демидовом, говоришь? Отдельно стоящая школа в шести километрах восточнее города? И лес недалеко? Сейчас же снимайте штаб и перебазируйтесь туда. Здесь оставьте пока командира-маяка с машиной. Резерв отправили? Нет? Очень хорошо, используйте его в связи, сообщите в полки. Опять отходим.

штабе бригады сегодня же направить в полки. Ясно? Ну, так исполняйте.

Над дорогой стоит, не оседая, пыль. Повозки, машины, тяжелая артиллерия на тракторной тяге, санитарные двуколки, женщины, старики, дети... Всех поглощает пыльный, жаркий тракт. Слева далекий, но сильный бой. Иногда, будто пущенный на пробу, прошуршит над головами немецкий снаряд, вырвет из пыльной дороги пламя, завизжат осколки, кто-то закричит, в ужасе забьются в упряжке раненые кони, остановится и вспыхнет подбитая машина. И опять сомкнется страшный поток, и снова заклубится над дорогой пыль, отмечая горький путь тех, кто, выполняя воинский приказ или так, сам по себе, уходит от плена, от смерти, от ужаса. Закатное солнце смотрит сквозь дымку тускло, безразлично: что ему до людских страданий?

Ко мне подошел военинженер Козлов, начальник связи бригады.

— Нет больше сил быть с такой связью: провода нет, что был, или порван, или преступно брошен при отходе.

— Возьмите, пока еще не отправили, командирский резерв и используйте его в качестве командиров связи. Дайте им несколько машин-полуторок да пожестче требуйте со своей службы. Правда, майор Аксючиц приказал этот резерв откомандировать в полки, но куда тут отправлять, когда все смешалось! А без связи нельзя, у немцев радио чуть ли не в каждой роте, у нас же пока и в бригаде нет.

Приехал пропыленный и злой Аксючиц и еще из машины крикнул:

— Начальника штаба ко мне!

Я подбежал.

— Из штаба фронта ничего? Остальное все сам знаю, везде был, к сожалению, все сам видел. Новое место для штаба выбрали? За Демидовом, говоришь? Отдельно стоящая школа в шести километрах восточнее города? И лес недалеко? Сейчас же снимайте штаб и перебазируйтесь туда. Здесь оставьте пока командира-маяка с машиной. Резерв отправили? Нет? Очень хорошо, используйте его в связи, сообщите в полки. Опять отходим.

На мой вопрос о Витебске Аксючиц ответил:

— Оставили Витебск. Чертовски тяжело там было. Я еле вырвался. Берут техникой, численностью, наглостью, давят авиацией, но наши бьются насмерть, до последнего, без приказа не отходят. Однако мало людей, мало боевой техники. А где Меренков?

Я сказал, что он уехал во второй полк к Карлову и хотел потом проехать в Велиж. Аксючиц сообщил, что Велиж горит, его бомбят, много жертв. Он перехватил на марше батальон Большакова и отправил в Велиж спасать людей и тушить пожары, но кругом огонь и толку мало. Отразите это в донесении фронту, приказал он мне. И еще: под Суражем на охранение от полка Большакова наткнулись немцы — один танк и четыре мотоциклиста. Саперы — молодцы, не растерялись, впустили немцев на мост и взорвали его. Это он тоже попросил отразить в донесении фронту, а также напомнить Большакову о представлении людей к награде.

— Некого представлять, товарищ майор,— вздохнул я.— Был из полка связной. Все четверо саперов во время бомбежки погибли в Велиже.

— Все равно передайте: представить посмертно. А сейчас быстро снимайте штаб.

На Демидов зашли немецкие самолеты, отбомбились и, стреляя из пулеметов, прошли на бреющем полете над шоссе. Я попросил разрешения Аксючица перебраться штабу на новое место в сумерках: к вечеру немцы не так активны в воздухе, как днем.

Майор согласился и, забравшись в свою «эмку», натянул на голову шинель, чтобы немного поспать.

Минула еще одна короткая июльская ночь. Солнце вышло из-за горизонта и поползло вверх светить новому страшному дню. Ночью Аксючиц опять ездил в полки. Вернулся утром и сразу занялся с командирами штаба бригады практической отработкой метания гранат и установки мин. Помогал ему Вадим Макаревский.

— Ну, Чернов, держись! Имеешь шанс убить медведя! — шепнул мне Меренков.— Судя по всему, и до случайной рукопашной недалеко, раз после ночного разъезда майор сам взялся обучать штаб гранатному бою.

Занятия были прерваны налетом немецких бомбардировщиков на соседний лес. Бомбили долго, сосредоточенно. Кого они там бомбят? Всего час назад посылал проверить лес, там было пусто. Поделился своими мыслями с Аксючицем, тот высказал предположение, что фрицы либо целью ошиблись, либо, может быть, нас нащупывают. Последнее оказалось более вероятным: примерно через час со стороны фронта прилетел на бреющем полете учебный самолет У-2, покружил над разбитым лесом и прошел прямо к нашему штабу. Низко, почти цепляясь за школьные березы, пролетел над штабом, потом еще раз. Было отчетливо видно, как пилот и штурман разглядывают школу и штабные машины, обмениваясь какими-то жестами. Сделав над нами очередной круг, все так же на бреющем полете самолет ушел в сторону фронта. Очень подозрительными показались мне и красные звезды на самолете, и направление полета. Аксючиц согласился со мной: очевидно, прилетали немцы на нашем, захваченном ими самолете, проверяли результаты бомбежки леса, убедились, что сработали впустую, и потому с пристрастием поинтересовались школой.

— Снимайтесь со штабом в лес! — приказал майор.— Через полчаса чтобы ни одной живой души здесь не было. Для перехвата наших нарочных выставить маяки на дорогах подальше от школы.

Час спустя штаб биваком расположился в лесу, в трех километрах от школы. И вот, сметая и саму школу и березы вокруг, зависли над ними двенадцать «Юнкерсов-88».

Вернулся Меренков и доложил Аксючицу, что дела наши плохи: связи со штабом фронта или еще каким-либо штабом рангом ниже нет. Мотался на машине, сам определяя, кто и где находится. Сураж и Велиж пали. Противник продвигается быстро, местами почти без боя. Где совместно с остатками наших войск, где самостоятельно отдельные подразделения полка Большакова ведут бои, но тоже вынуждены отходить. Мосты взорваны, проходы в минных полях закрываются минами. Фугасы на железной дороге и на шоссе Витебск — Смоленск в основном взорваны. Отдельные снаряды, правда, не взорвались, что-то подвело, но времени на переоснастку у красноармейцев не остава-

лось. Заряды замедленного действия установлены, замаскированы хорошо. На железной дороге, кроме нас, подрывными работами занимаются железнодорожные войска и еще кто-то. Комбаты докладывают о больших потерях, но точное число погибших назвать не могут: люди отходят разрозненно, может, многие и живы.

— Почему хромаете? — спросил Аксючиц.

— Так, ушиб, близко разорвался снаряд.

— Что посоветуете?

— Не знаю,— ответил Меренков.— Но мне представляется, что ночью мы будем отрезаны. Затянут нам петлю на шее. Да и связь с полками не потерять бы, тогда они вообще не сориентируются.

Неожиданно со срочным пакетом прибыл связной из штаба фронта. В пакете подтверждалась общая обстановка на участке нашей бригады и приказывалось выходить из полуокружения, а через сутки, к рассвету, сосредоточить бригаду в районе города Торопец. Задача — обеспечение заграждений южнее и западнее Великих Лук. Мотоинжбат должен войти во фронтовое подчинение, форсированно прибыть под город Белый и прикрыть его с юго-запада минными заграждениями: наших войск сегодня там не было.

Подошел представитель штаба фронта. Положение бригады и суточную сводку он получил, и ему надо ехать, поскольку позже он может уже и в объезд не успеть. Спросил, будет ли Аксючиц еще что-либо писать генералу Воробьеву. Майор ответил, что писать некогда, и просил передать на словах, что приступает к выполнению задачи немедленно и ждет, чтобы под Торопец или Великие Луки на фронтовых машинах доставили мины, взрывчатку, проволоку, патроны, гранаты. На вопрос, кто его сопровождает, связной ответил, что он едет на грузовой машине только вдвоем с шофером. Аксючиц стал ругать фронтовое начальство связи и приказал мне выделить товарищу трех бойцов, ручной пулемет и гранаты про запас.

Быстро наступали сумерки. В поблекшем небе проходили немецкие самолеты и бесприцельно бомбили лес.

Аксючиц, Исаев, Меренков и я забрались в «эмку» майора. Снаружи нас плотно замаскировали плащ-палатками, и мы зажгли внутри свет. Аксючиц расстелил на коленях карту и поинтересовался, какая связь

с полками, после чего приказал: письменные распоряжения не отдавать — может перехватить противник; задачи ставить только через командиров, в устной форме; в каждую машину связи — по ручному пулемету, запас гранат и бутылок с горючей смесью. Полку Большакова выйти в район Великих Лук и, не ожидая сбора всей бригады, связаться со старшим войсковым начальником, встать на заграждения по его указанию. Мотоинжбату действовать соответственно полученному указанию фронта. Карлову стянуть полк в кулак и следовать форсированным маршем, приняв людей на машины. Прибыть за нами под Торопец одновременно со штабом бригады. Штабу сниматься через час и следовать по дороге мимо Лукина, оставляя противника слева. Марш вдоль фронта, если таковой существует,— полтораста километров. Людям машин не покидать, шоферам в особенности. Обеспечить разведку и охранение, максимум внимания авиации противника. Остальное решает начальник штаба.

Я высказал свои сомнения относительно марша через Лукино: на карте дорога обозначена как строящаяся, а кругом леса, болота да реки, в том числе и Западная Двина.

— Но другой дороги не вижу, да ее просто и нет. Может быть, это лучше,— сказал Аксючиц.— За такой дорогой меньше следит вражеская авиация, и, возможно, на их картах она вообще не нанесена.

Я все же осмелился заметить, что по маршруту много пересекающих его рек и речек, мостов может и не быть, а у нас нет никаких переправочных средств. Даже если бы и были мосты, возразил Аксючиц, их наверняка бы разрушили. Интересно, какое решение в таком случае принял бы начальник штаба? В тон ему я ответил, что начальник штаба принял бы решение форсировать водную преграду.

— Правильно, начальник штаба! — воскликнул майор.— Вот начнем наступать — ведь это время придет, придет обязательно,— не будет же противник оставлять нам переправы в сохранности. Значит, предстоит или захватывать переправы, или форсировать водные преграды, и, может быть, с боем, под прицельным огнем, а пока — преодолевать. Чувствуешь разницу? Да я вот позавчера такое видел, что только ахнешь! Не поверил бы, если бы кто рассказал, ну почти

как в кино. Выбирался из Витебска, да заградотряд остановил меня на шоссе и предупредил, что через Рудню я уже не проскочу. Пришлось петлять сюда, в штаб, по проселкам. На какой-то речушке — мостишко так, ерунда, сельский, горбатенький, деревянный мостик, речка шириной всего метров шесть — восемь...— И вдруг прервал рассказ.— Вы, начальник штаба,— обратился ко мне,— идите готовьте распоряжения, людей да рассылайте все быстрее.

Концовку начатого Аксючицем рассказа я узнал позже от Меренкова.

Аксючиц обнаружил в окопчике на другом, восточном берегу той речки трех саперов, как оказалось, из полка Большакова, они охраняли заминированный мост. К окопчику тянулась проводка, а в нем — подрывная машинка и несколько мин и гранат. Саперы объяснили, что если свои отходить будут, то пропустят, а потом, перед немцами, подорвут мост и объезд заминируют. Ну, а если немец откуда сам дуром выскочит, рвать будут без приказа. Отъехал Аксючиц километра полтора, вдруг слышит взрыв сзади. Вернулся, машину в высоком кустарнике оставил, а сам к мостику да в кустах на тех же саперов и наткнулся. Они сказали, что на том берегу к мосту немцы выскочили, пришлось его поднять на воздух, только вот подминировать объезд не успели. Майор подполз вместе с ними к переправе, прячась за кустиками, и видит: действительно, метрах в пятистах на взлобке стоит немецкий танк, и от взорванного моста тарахтят к нему пять двухместных мотоциклов. А один фриц на коляске с ручным пулеметом. Подъехали к танку, потолковали о чем-то с танкистами и двинулись по берегу вверх, против течения реки. У моста, как раз от опоры до опоры, среднего пролета как не бывало.

И вдруг чешет по дороге на бешеной скорости грузовая машина, по виду наша, полуторка. Подлетела она к мосту и остановилась. Вышел из кабины капитан интендантской службы, смотрит: одного пролета нет. Наши поднялись, Аксючиц кричит капитану: «Бросай и подожги машину, немецкие мотоциклисты на твоем берегу с танком». А капитан отвечает, что не с танком, а с танками. «Я,— говорит,— чуть в них не врезался, в двух-трех верстах отсюда стоят, штук десять. Но машину бросить не могу. В кузове десять ящиков

с винтовками, в часть везу, там ждут, а здесь с мостом вон оказия какая». Аксючиц ему опять: жги машину, а он только бурчит под нос: не могу. Капитан прошел на мост, взорванный пролет рассмотрел, средние опоры даже руками пощупал, что-то свое кумекал. Вернулся к машине, высадил шофера и приказал ему через речку вплавь перебраться, сам сел за руль. Сдал машину метров на триста да как рванет вперед! Разогнал ее, что только духу хватило, и прямо на мост, на провал. Полуторка по инерции пролетела через него и грохнулась на другую сторону моста, лишь зацепившись задними колесами за обрез взорванного пролета. Газу, газу, только доски из-под колес — и выскочила, вырвалась на нашу сторону.

Уже на марше мой шофер Гавриленко опять спросил меня, что на фронте.

— Ничего нового. Просто, Ваня, отступление. Немцы в Витебске, в Велиже, прорвались где-то в направлении на Духовщину, куда дальше повернут, черт их знает. Сюда вырываются, нам приказано отходить на новый рубеж. А сейчас гранаты из-под сиденья давай-ка сюда, наверх.

— А что, немцы сейчас от нас близко?

— Да кто их знает, вероятнее всего, где-то слева и, наверно, близко от нас, барахтаются в лесных болотах. У нас хоть эта недостроенная дорога есть, а у них, гадов, на наше счастье, ничего, кроме полного бездорожья.

Но и наш марш по так называемой дороге был жутко трудным. Люди, измученные отходом, напряжением, бессонными ночами, бомбежками, пулеметными обстрелами с самолетов, почти на себе тащили машины через речки и лесные ручьи, выносили их из трясин и болот. В грязи, падая от изнеможения, они перестали обращать внимание на самолеты противника и все двигались и двигались на север. Редких раненых и убитых везли с собой — останавливаться запрещено. Вдоль дороги попадались мелкие десанты автоматчиков, но по возможности мы старались не ввязываться в бой: над нами тяготел срок прибытия в назначенный район.

Прибыли вовремя. Я вылез из машины у мельни-

цы, приказал организовать разведку и спустился под мельничное колесо умыться.

Пыль, грязь, песок скрипели на зубах, набились в уши, плотным слоем покрыли гимнастерку, брюки, сапоги, в клок пакли превратили выбившийся из-под пилотки чуб. Хотелось быстрее вымыться в студеной воде, к которой из-за копошившихся бойцов нелегко было подступиться.

Подошел Меренков. Взглянув на него, я с улыбкой вспомнил эпизод минувшей ночи. На переправе, не снимая свое кожаное пальто, полный Меренков стоял посреди реки в воде выше колен и сам указывал шоферам брод, отчаянно ругая тех, чьи машины, теряя курс, оскальзывали в более глубокое место и глохли. Показалось тогда: оторвись этот маячивший над водой шар-живот — и поплывет он к немцам, как шаровая мина.

Карлов, идущий с полком за нами, был в двух часах движения. Большая часть людей Большакова уже на месте, под Великими Луками, остальные оттеснены в направлении Белого, но связь с ними через Торопец, Оленино и Нелидово не потеряна.

Пошли вторые сутки на новом месте, но мы бездействовали, штаб фронта молчал: ни имущества, ни боевой задачи, ничего. Связались с командирами частей, оборонявшихся западнее Великих Лук, и помогли им, чем могли.

Поступило донесение о том, что общевойсковые командиры отбирают у саперов винтовки для пехоты и что враг с утра активизировался и нажимает в направлении Великих Лук.

Разгневанный Аксючиц взял с собой в машину меня и несколько командиров штаба и выехал вперед, надеясь, что фронт все же подбросит нам мины и оружие.

Остановились таким малым штабом (Аксючиц на легковушке, а я с командирами на полуторке) на большаке недалеко от Великих Лук. И еще двое суток, не различая дни и ночи, провели в ожидании имущества и распоряжений штаба фронта.

Идут небольшие операции по оказанию инженерной помощи действующим полевым войскам. Строим блиндажи, укрепляем мостики. А тут еще как будто прорвались небеса, зарядили серые обложные дожди.

В лесах мокрядь, просушиться негде. Дороги раскисли и почти исчезли с лица земли: кругом вода и вода, не различить, где колея, а где дорожный кювет. Порой из этой грязи торчат трупы лошадей, остовы разбитых машин и повозок. Люди молчаливы, ни смеха, ни шуток. Злы на все, стиснуты зубы, не подойдешь. Только и радости, что в такую гниль попряталась немецкая авиация.

Недалеко дробная — то чаще, то реже — перестрелка, нередко рванет воздух взрывом снаряда. Низко, почти задевая верхушки деревьев, бесконечно ползут косматые тучи, сеют непрерывным мелким изнуряющим дождем, будто не июль на дворе, а октябрь.

Идут к переднему краю бойцы пополнения. Им навстречу бредут по грязи раненые, молча, понуро, головы опущены, на вопросы встречных не отвечают. Да и редко кто спросит: и так все знают, каково под Великими Луками.

Не на станцию, а прямо на перегон притащил и оставил несколько вагонов с ополченцами маленький маневровый паровозишко. Высыпал народ из товарняков, кто в форме, а кто и просто так, в гражданском. Жмутся под дождем, выстраиваются, а оружия маловато. Не понять сразу, кто и зачем выгрузился.

Резко усилилась стрельба на переднем крае, в дробь пулеметов ворвались частые выстрелы мелких пушек. Танки, что ли? Оставили в батальоне легковушку майора, выдвинулись вперед на двух грузовых машинах — пытаться продвинуться на «эмке» бесполезно.

К Аксючицу подошел военный и представился:

— Капитан Иванов, начальник эшелона с ополченцами. Приказано сдать в действующий здесь стрелковый полк. Не вы будете командиром полка?

Аксючиц гневно сверкнул глазами:

— Полк действующий, это не только слышно, но и видно: вот он, почти весь на виду. Но как же это вы привезли в истрепанный в боях полк почти безоружных людей?

Капитан ответил, что он вез ополчение к фронту на формирование, а на узловой станции приказали часть людей отправить сюда, прямо в действующий полк, оружие и обмундирование должны выдать здесь, в полку.

— В полку, черт возьми! Что, у командира полка тут арсенал и интендантский склад?

— Я не виноват, товарищ майор, я выполняю приказ.

— А я вас и не виню. Отдайте распоряжение: людей — в лес, рассредоточиться, но не сильно. Эшелон угнать обратно — только демаскирует. И давайте вместе с нами вперед в полк, там разберетесь.

Идем. Шагах в трехстах от нас ползут в тыл полковые конные обозы, санитарные повозки. Оглядываясь, бойцы нахлестывают лошадей, те лезут вперед из последних сил, повозки застревают, порой опрокидываются, и кажется, их уже не вытащить. Но их поднимают или вытаскивают из затянутой грязью колдобины, и они опять едут. Бредет цепочка раненых, мы понимаем, что это идут тяжелораненые, а те, кто легко отделался, они вон там, в совсем близком бою, за взгорком, который пока еще удерживается полком и откуда навстречу нам долетают пули.

Аксючиц приказал мне пройти вместе с начальником эшелона, найти командира полка и выяснить обстановку.

Командный пункт оказался совсем рядом, на другом скате овражка у высотки, столь упорно атакуемой фашистами. В глубине его у пароконной повозки сидел начальник штаба и охрипшим голосом кричал в трубку полевого телефона:

— Огня, огня дай! По высотке, по большаку, танки у него там, атаковать сейчас будут! Что? Понял? Ну, молодец! Давай по-быстрому.

Я представил начальника эшелона и спросил, где командир полка и какова обстановка.

Начальник штаба попытался вызвать штаб дивизии, но тщетно: связь, видимо, была нарушена основательно. Дивизия молчала. Тогда он пояснил, что обстановка скверная, в ротах осталось по тридцать человек и что командир полка сейчас там, в ротах. Обрадовался прибытию ополченцев, но, узнав, что они почти без оружия, сник. Тем не менее распорядился: всех с оружием сюда, бегом! Без оружия тоже человек сто сюда — от раненых оружие принимать будут, от убитых возьмут. Остальных пока в лес, держать в резерве. И опять к телефонисту:

— Дивизию давай! Береза! Береза! Наконец-то!

Товарищ седьмой, я двенадцатый. У цели восемь на минном поле танки, атакуют. Три подорвались. Откуда минное поле? Ночью фронтовые саперы поставили. Атакуют, говорю. Огня, огня, говорю, надо, да из чего потяжелее. Да нет, подорвались только три танка, остальные, десятка полтора, пытаются обойти поле. Огня давай! Хорошо, малость выдержим, но давай огня быстрей.— И обратился ко мне: — Мин, мин давай, инженер, мин мало.

— Нет мин, капитан, все до одной у вас израсходовали. Фронт обещал доставить, но до сих пор нет.

— Дрянь дело! Тогда всех обезоруженных нами саперов немедленно отводи, нечего людям зря гибнуть.— И опять телефонисту: — Второй батальон давай, второй!

Я побежал к Аксючицу, сопровождаемый посвистом пуль, сухим чавканьем рвущихся фашистских мин, припадая и лавируя. Заговорила артиллерия в нашем тылу, и на позициях врага стали рваться снаряды. В двух местах за увалом поднялись густые столбы дыма: верная весточка о том, что два танка противника подбиты и горят.

Аксючиц ждал меня, сидя на подножке грузовой машины, и невозмутимо покуривал, будто сидел он не на поле боя, а где-то на завалинке. Спросил только: очень плохо?

Доложил, что удалось узнать. Майор быстро обратился к одному из стоявших в мокрой щели связных: «Слышал, атлет? Ну тогда исполняй, да пулей!»

Связного как ветром сдуло — броском вверх из щели и запетлял, как заяц, по смертному полю к недалеким кустарникам.

Шум боя вдруг оборвался и вновь вспыхнул автоматно-винтовочной трескотней и частыми разрывами ручных гранат. Из-за бугра побежала наша пехота. Усилили огонь немецкие минометы и артиллерия — уже рвались снаряды вдоль дороги и где-то в наших тылах.

— Прорвались, сволочи! — И более спокойно Аксючиц приказал: — Распорядитесь безоружных саперов отводить немедленно. Как говорил Кутузов, пока цела армия, цело и государство. А нам — под Торопец.— И, рывком сбросив с плеч плащ-палатку и не сгибаясь под пулями, побежал к мостику через кана-

ву, где завалилась полковая пушка без снарядов и перекрыла все движение.

Кругом крики, ругань, но после вмешательства Аксючица пушка вновь поползла в общей колонне. А еще через несколько минут обе наши машины выкатили на большак и с трудом вклинились в смешанный поток пеших людей и повозок. По дороге подцепили на буксир легковушку майора. За спиной часто ударили небольшие пушки, взметнулась под разрывами грязь на дороге, сухо рвались снаряды, попадавшие в стволы деревьев. Заговорили танковые пулеметы. Мы с майором выглянули из своих кабин: метрах в пятистах позади нас стояли несколько немецких танков и вели огонь по дороге, а по склону увала развертывалась цепь вражеской пехоты. Люди побежали к лесу, стараясь укрыться. Аксючиц громко крикнул:

— Всем, сколько поместится, быстро по кузовам!

Вот так добрались до Меренкова, где нас ждал приказ штаба фронта немедленно снять с рубежа всю бригаду и следовать на восток, в район Нелидова. Об оружии и инженерном снаряжении ни слова,— значит, самому фронту тяжело.

Через час штабная колонна вытянулась из леса и двинулась на восток.

Тихая ночь с черным небом. Бесшумно скользит часовой во мгле. Изредка вспыхивают на востоке разрывы зениток, а то прозвенит в воздухе самолет противника, летящий на Сычевку, Ржев или Вязьму; глухо раздаются взрывы бомб. Иногда даже кажется, что земля будто вздрогнет, как живая, а потом опять мертвая тишина. Аксючиц прилег на землю, я сижу рядом. Тревожно: пришли в заданный район, но связи со штабом фронта пока нет.

Заговорил с Аксючицем о возможности пройти с группой командиров и бойцов-добровольцев в разрыв фронта в тыл противнику и организовать там диверсионный отряд.

— В принципе, конечно, возможно,— улыбнулся Аксючиц,— но здесь есть три обстоятельства: фронт давно как решето, так что окно организовывать не придется. Второе: кто вам это разрешит? И третье: кто даст вам этих командиров? Ну и вообще: как

быть войскам, если все начальники штабов уйдут партизанить? Конечно, ваше желание похвально, но неуместно — ни по времени, ни при вашей должности. Вот если, не дай бог, попадем мы в окружение и не сможем к своим пробиться, тогда и попартизаним. Вы посмотрите лучше, сколько звезд на небе...— Аксючиц перевернулся на спину и закинул руки за голову.— А ведь, говорят, у каждого человека есть своя звезда. Вот и вы не предполагали, что будете начальником штаба бригады, а, наверное, это судьба или звезда ваша.

— Это, товарищ майор, крест, а не звезда.

— Может быть, и крест, но уж коли он вам выдан, то и надо не стонать, а нести его с честью, с достоинством. А теперь давайте поупражняем серое вещество головного мозга. Вот говорят, что Вселенная бесконечна. Вы не пробовали представить себе это конкретно, зримо? А я, грешным делом, пробовал: лечу мысленно до первой звезды, а где-то страшно далеко вторая. Доберусь до второй, а там уж совсем у черта на куличках маячит третья — и так без конца. Но ничего у меня из того упражнения не получилось, не могу представить бесконечность, непостижимо сие уму человеческому.

Светало. И только повеяло утренним ветерком, как потянуло из гущи леса трупным запахом.

— Это тоже из области бесконечности,— заметил, морщась, Аксючиц.— Жили люди, жили лошадки и вдруг ушли из жизни. Куда? Люди — в неглубокие братские могилы, а кони так и остались разлагаться под солнцем. Ну, а с точки зрения доморощенной философии, ушли люди в бесконечность. Да и с любой точки зрения: ушли в землю, а она вечна, как сама Вселенная. Вот и выходит, что ушли они в бесконечность. А мы с вами пока толкуем о том, как представить ее себе. Вот она, перед нами, в ее самом тяжелом, неприглядном виде... Так, значит, в судьбу, в звезду свою не верите? Я тоже не верю. А скажите, Чернов, это правда, что у моего начальника штаба есть какой-то талисман?

— Да нет, никакой не талисман. Просто, когда в ночь на двадцать второе июня грузили семьи в машины, сунул мне сынишка в руку серебряный рубль двадцать второго года чеканки, вот и вожу его с собой,

тем более что двадцать второго сыну исполнилось четыре года.

— Все равно талисман. И хорошо. Берегите. И дело не в нем: просто, когда с тобой рядом что-то родное, легче.— И вдруг переключился совсем на другое: — Мне говорили, что ваш отец архитектор? Да? Так просто... Попалась мне сегодня рваная и полуобгоревшая книжонка, даже автора не видно, потому и вспомнилось о вашем отце. Так вот, этот безымянный автор высказывает мысль, будто архитекторы, как и некоторые другие ученые мужи, народ весьма рассеянный. Иногда, проектируя многоэтажное здание, забывают, что в нем должна быть лестница. Только вы не обижайтесь, это ведь шутка... Да, стоянку нам действительно надо менять, падалью прет из леса невыносимо. Но придется ждать, пока фронт разрешит... А за что ваш отец еще в двадцать пятом году получил орден Трудового Красного Знамени?

— За восстановление грозненской нефтяной промышленности, орден за номером одиннадцать.

— Наверно, сейчас большой начальник?

— Нет. Работал с Косиором. Отец всю жизнь был очень скромный. Знаете, есть такая категория людей, которые служат как бы проводниками для других. Может, это и к лучшему, в тяжкие годы мало кто из его начальства устоял на ногах.

— А почему же вы не вступаете в партию? — спросил меня майор.

Я ответил, что мне двадцать восемь лет, из комсомольского возраста вышел и на принадлежность к партии у меня свои взгляды: идущий в партию должен принести с собой что-то важное, убежденное, отстоявшееся в жизни. Отцу было что нести: репрессии за участие в студенческом движении, маршевая рота, полковой комитет, революция. Разве можно сравнить с чем-то в моей жизни? Я еще пацаном ходил на открытые партийные чистки, где четко говорилось голосом народа, кто достоин быть членом партии, а кто нет. Часами, запрятавшись в угол, сидел и слушал, впитывая практическую политграмоту.

Майор встал, прошелся по поляне, посмотрел на светлое уже небо и спросил, каковы наши потери в бригаде. Я ответил, что около полутораста человек

убито, немногим более двухсот ранено и несколько человек пропавших без вести.

— А каковы потери противника от действий бригады за то же время?

— Если верить донесениям наших частей, то на минах — полтора десятка танков, два десятка машин с техникой, людьми, разным имуществом и, кроме того, около трехсот вражеских солдат и офицеров. Это если верить донесениям,— повторил я.

— А вы что, тоже относитесь к той категории людей, которые утверждают, будто нигде так не врут, как на войне?

— Да. Меня этому научил первый месяц войны.

— Что ж, в известной мере вы правы. Я допускаю, что в донесениях наших частей может встретиться и преувеличение потерь противника. Кто считал, сколько фрицев убито или ранено во время отступления? Ведь порой так отходим, что не до статистики. А вы как начальник штаба должны хоть по наитию учитывать все эти нюансы. Понятно, иногда батальон или полк выдает желаемое за действительное. Ведь не донесут же мертвые, сколько убили они сами до того, как их снесло пулей или сразило осколком. Вот и сейчас, мы не знаем, сколько подорвалось на оставленных нами где-то далеко минных полях и фугасах. Да, много всяких «но». Так что нам с вами остается одно: верить донесениям, как относительной истине, и жестко следить, чтобы, продвигаясь по инстанции к нам, не распухали бы данные о потерях противника в промежуточных наших штабах. Что-то, может, и подзагнули, где-то чего-то не учли, но в среднем примерно так оно и есть.

Услышав окрик часового, Аксючиц послал меня узнать, кто прибыл. Я привел представителя штаба генерал-майора Ермолаева. Поздоровавшись, генерал предупредил, что он к нам всего на несколько минут: обстановка под Белым резко ухудшилась, немцы выходят к пригороду, а город почти не прикрыт. Противник интересуется Белым как узлом дорог с выходом на Ржев, Калинин и Клин, в обход Москвы с севера своей левой клешней. Из Ржева с задачей задержать и разбить противника за городом вышла резервная, сформированная из корпуса 30-я армия. В самом Бе-

лом она форсирует реку Общу. Река невелика, но там единственный мост.

— Моста нет,— позволил себе перебить Ермолаева Аксючиц.— Он был заминирован, подготовлен к взрыву и вчера во время его бомбардировки немцами взорвался от детонации. Сейчас мы возводим там низководный мост. Работам мешают авиация и артогонь противника.

— Значит, обстановка еще хуже, чем предполагают у нас в штабе фронта. Так вот, вашей бригаде генерал Воробьев ставит следующую задачу: обеспечить армии постоянное и устойчивое пользование низководным мостом, который вы делаете сейчас, навести еще такой же мост как запасной и пару ложных. Лучше возводить мосты затопляемыми. Надежно обеспечить их охрану, организовать на переправах комендантскую службу. Далее: вывести из боевых порядков свои части, находящиеся сейчас западнее Белого, и всей бригадой встать на возведение запасного рубежа Тридцатой армии, прикрывающей город.

С двадцать первого июля Тридцатая армия входит в состав Западного фронта. Действовать в полном контакте с командармом Тридцатой, но оставаться в подчинении фронта. Небольшой оперативной группе вашего штаба встать в самом Белом, остальной части— в ближнем тылу. Повторяю: город бомбят, он плотно обстреливается артиллерией противника.

Ермолаев, явно торопясь, уехал.

— Дела, видимо, действительно плохи, раз уж генералов используют как офицеров связи, да и то только с устными распоряжениями,— размышлял Аксючиц вслух.— И Тридцатую армию вводят, по существу, на встречный бой прямо из резерва. А с другой стороны, пока есть резервы, армия цела и, значит, общее сражение еще не проиграно. А на нашем участке трудно еще и потому, что, думается, мы оказались в полосе направления главного удара противника. Ну, ладно, давайте вашу карту,— обратился он ко мне.— Решаю так: резерву форсированным маршем следовать на Белый и сосредоточиться здесь. Всем двигаться только лесными дорогами, на большак не вылезать. Там и без нас толчея будет, армия идет, не полк. Вам с небольшой группой командиров разведки, оперативного отдела и связи с минимальным охране-

нием следовать со мной непосредственно в Белый. Остальному составу штаба, тылам, батальонам Норейки и Карлова, ни в коем случае не заходя в город, выйти в район Комаров и Шайтровщины, они почти рядом, и встать там. Выход через полчаса. Поднимайте людей.

В те июльские дни Белый был страшен. Немцы рвались к сходящемуся в городе узлу дорог от Смоленска, Вязьмы, Сычевки, Ржева и Нелидова. Немецкие снаряды и бомбы в пыль стирали еще вчера чистенький, бело-зеленый, живой и радостный городок. Жестокими были бои в воздухе — хозяйничал противник, но летчики нашей авиации сражались с превосходящими силами врага героически, немецкая авиация действовала с методичностью маятника: одна волна отбомбит, отстреляется, через час жди другую. И все равно непрерывно идут люди через полыхающий огнем и дымом, ставший черным город Белый, идут, чтобы, пробившись через него, врыться в землю и встать насмерть. Молча, стиснув зубы, держась за лафеты орудий, мертвой хваткой вцепившись в постромки конных упряжек, бегут бойцы и исчезают в грохоте разрывов, в пыли обваливающихся зданий. Исчезают, чтобы снова возникнуть в стремительном броске через простреливаемый пустырь у кладбища по ту сторону города или навеки остаться у переправ, на улицах Белого, в пепле пожарищ.

Переправы держат и войсковые саперы армии, и саперы полка Большакова. Они не отчаиваются даже тогда, когда немецкие бомбы рвут у них под ногами только что наведенные мосты. Им, саперам, ни на минуту нельзя остановить войска у переправы или остановить пылающую автомашину на мосту или бьющихся в агонии лошадей артиллерийской упряжки. В крови, в ранах, ссадинах и ожогах, разбирают они горящие здания, бегом несут к реке тлеющие бревна, лезут в воду, чтобы заделать пробоины в мостах, наводят новые звенья, и вдруг кто-то, тихо охнув (пуля или осколок?), исчезает в воде. И тихая Обша разносит их тела по своим мелким июльским плесам...

Армия прошла через город и остановила противника, а местами даже несколько потеснила его. Стихло в воздухе. Одни саперы, балагуря у мостов, курят и поглядывают на небо: не вынырнул бы неожиданно

с большой высоты стервятник. Другие помогают похоронной команде — бродят по улицам, разыскивают погибших, хоронят в братских могилах на окраине города, где кладбище.

— Вот так-то, начальник штаба. А ты партизанить просился.

Мы с майором шли по бывшим улицам бывшего города, который обозначился теперь лишь почерневшими фундаментами да печными трубами. Обходили многочисленные воронки: то поменьше от снарядов, то гигантские от тяжелых авиабомб. Маячили на пути полуразрушенные домишки, какие-то сарайчики, остатки заборов, одинокие ворота, как памятники жизни, бурлившей здесь сутки назад. Сиротливо стояли чудом уцелевшие несколько двухэтажных зданий в центре города на левом берегу Обши.

Подошли к своему штабу, вернее, к его оперативной группе, расположившейся в деревянном рубленом домишке с сараем и каким-то навесом. Под него поставили и замаскировали жердями машину, с тем чтобы при необходимости завести мотор и, не разбирая маскировки, вылететь пулей на улицу, благо домишко на самой окраине.

Просмотрев донесения, Аксючиц вдруг попросил меня достать бритву и узнать, нет ли среди бойцов бывшего парикмахера. Все свое у него осталось с тылами в чемоданчике. Затем подошел к висевшему на стене в рамке осколку зеркала, снял пилотку и сказал вполголоса: «Вообще в условиях войны лучше без шевелюры».

Я взглянул на черно-смоляные волосы Аксючица: по ним серебристой нитью рассыпалась седина, которой, казалось, вчера не было и в помине. Пояснений не требовалось: нашлись и бритва, и помазок, и мыло у запасливого бойца, отыскался и парикмахер.

А утром не только сам майор, но и вся его оперативная группа сверкали на солнце начисто бритыми головами. Аксючиц хохотал до слез: «Вот так-то оно лучше, баня реже понадобится, да и мне своих легче отличать будет».

Юго-западнее города почти непрерывно перекатывался гул близкого боя, а по центру и району кладбища на выходе к передовой, будто нехотя, лениво постреливала немецкая артиллерия. То и дело в небе

показывались одиночные вражеские самолеты, следили за переправами, вели разведку, изредка и вяло бомбили пустые улицы. Город был мертв, стоянка частей в нем запрещена. Только командный пункт Аксючица по-прежнему ютился под навесом у сарайчика.

Как-то днем на позициях прокатился странный гул: будто из сухопарника мощного паровоза короткими очередями выбрасывалась струя пара. Все вскочили: что за чертовщина — железной дороги вблизи и в помине нет. Может быть, очень близко друг от друга расставили мины и поле сдетонировало? Не похоже и маловероятно. И только вечером, когда из штаба армии вернулся воентехник Кузьмин, узнали, что такой рев издала (и сразу укатила) проходившая испытания реактивная установка, любовно прозванная позже «катюшей».

Под Белым обе стороны вгрызлись в землю, и бои временно приняли позиционный характер.

В городе смыло дождями смрад и пепел, зазеленели пустые улицы. Изредка покажется одичавшая кошка, но лишь только мы позовем ее, как она стремглав бросается в бурьян или в какой-нибудь подвал. В каменном двухэтажном доме на главной улице уже вставили стекла и приступили к работе гражданские районные организации. Бригада продолжала выполнять свою задачу: минировали, посылали группы разведки в тылы противника, содержали мосты, трудились на запасных позициях 30-й армии. Но постепенно таял обстрелянный с первого часа войны командный состав: отозвали в другие части Морева, старшего политрука Исаева, лучшего командира бригады — командира ее первого полка Большакова и других. Вадим Макаревский пошел в непосредственное распоряжение генерала М. П. Воробьева.

Вернувшись из поездки по войскам и в штаб армии, ставший уже подполковником Аксючиц радостно объявил:

— Ну, дождались! Завтра армия наступает! Наша задача — пропустить войска без потерь через наши минные поля и другие заграждения. Проходы надо выполнить совершенно незаметно в ночное время, не обнаружив себя. Пойдем ли мы за армией, пока неяс-

но, все будет зависеть от успеха наступления. Наши части я все уже объехал, указания дал. А сейчас готовь машину-полуторку,— приказал он мне,— поедем вдвоем на передовую, проверим, как действуют наши ребята и что там будет происходить вообще. Ты ведь академии не кончал, это будет продолжением твоей «академии».

Побывав еще раз в своих батальонах, попали под огонь одинокого «мессершмитта». Он устроил соревнование в изворотливости с нашим шофером и проиграл его, правда успешно погоняв меня и Аксючица по придорожным канавам. В сумерках, оставив свою полуторку в глухом овражке, мы добрались до стрелкового полка, седлавшего большак Белый — Черный Ручей. Подполковник ушел искать командира полка, а я, с его разрешения и договорившись о времени встречи, пошел дальше к переднему краю, к стрелковым батальонам и ротам.

Где согнувшись вдвое, а где и в полный рост бродил по позициям в густых сумерках, проверял действия саперов, запоминал, как и что оборудуется. Противник вел себя спокойно: изредка отстукает короткую очередь пулемет; на наших позициях или дальше за ними сухо и зло рванет порой одинокий снаряд, осветив на мгновение позиции, но на него вроде бы и внимания не обращают — обстрелянные уже люди,— только взводный прикажет ближайшему бойцу: «Пройди-ка, посмотри, не задело ли кого?» В окопах полного профиля или за насыпным валиком по сырым местам прикорнула пехота.

Пора возвращаться. На обратном скате рубежа вижу замаскированные танки, калибром поменьше — орудия, около них копошатся бойцы-артиллеристы. Уже совсем стемнело. Подошел к полуторке, но Аксючица нет. Отправился бродить еще, осваивать «академию». Опять замаскированные танки, орудия большого калибра и неторопливая солдатская жизнь, будто не им через несколько часов подниматься и идти вперед, к неизвестности. Прошуршал над головой тяжелый снаряд и разорвался, видимо, в самом Белом.

Спустился в крутой овраг, напился из какого-то маленького ручейка: вода с глиной и каким-то неприятным привкусом. Вблизи тихий говорок. Подошел. У почти потухшего крошечного костра трое: один

из них мирно спал, положив голову на вещевой мешок, двое других разговаривали вполголоса. Прикурил от уголька, сел рядом. Никто не спросил меня, кто я, откуда и зачем здесь. Никто не удивился: десятки людей за день подсаживаются к огоньку в овраге, может, к своему последнему огоньку. Что спрашивать?..

В бровку оврага ударил немецкий снаряд, посыпалась сверху земля, и где-то там, над головами, взвизгнули осколки.

— Счастливо подавиться! — бросил вверх, к разрыву, пожилой боец, укладывавший в вещевой мешок незатейливый свой багаж.

Его собеседник, парень лет двадцати, при взрыве вздрогнул, но продолжал спокойно ковырять штыком в горячем пепле.

— О чем вы? — спросил я старшего.

Тот поднял на меня аккуратную бородку лопаткой, бросил быстрый взгляд на едва заметную шпалу в петлицах и, завязывая мешок, ответил:

— Подавиться — это я немцу. Тут у нас деловой разговор шел, а он, подлец, снарядами швыряется, разговаривать мешает.

— Дальние сами-то? — спросил я, чтобы поддержать разговор.

— Из-под Торжка, одной деревни. А вы кто?

— Сапер.

— Нужная специальность. Еще по финской помню...

— Дядя Иван,— перебил молодой боец,— вот переберемся сейчас в передовую траншею, утром наступать. А вещмешок куда?

— Да в зубах понесешь,— отшутилась борода.

— Не, в самом деле, куда?

— От дура, детина! Ты о башке своей думай, а не о вещмешке. Ну, старшине сдашь.

— Да у меня в нем фотографии!

— А, ну это важно. Положил бы эти фотокарточки в карман, кто же их в вещевом мешке носит?

— В кармане? Это чтобы в случае чего да поганым фрицам в руки попали?

— Что за фотографии? — не вытерпел я.

— Да невестины,— ответил старший боец.— Невеста у него в деревне осталась. Вот и печалится все.

— Дядя Иван, так, говоришь, когда в атаку пойдем, бежать вперед пригнувшись?

— Всенепременно, но не особенно, а то если и не споткнешься, так и свои сбить могут. Ну, а ежели того, то наверняка головой вперед падать будешь. А про пули ты давеча спрашивал, так им пути не заказаны. Однако и здесь особо не гнись, своей роковой все равно не услышишь, не успеешь. И не ленись и не храбрись зря: где залегли, сразу перед собой лопаточкой бугорок окапывай, как давеча взводный вразумлял.

Разговор сам собой смолк. У ближней группы пехоты слышались такие же тихие голоса, мерцали во тьме огоньки цигарок. Боец с бородой встал, сноровисто закинул вещмешок за плечи, винтовку через плечо, пнул ногой спящего и обоим приказал: «Поднимайтесь быстро, выдвигаться скоро.— И, подавая мне руку, пожелал: — Ну, будь жив, сапер...»

Рассветало. Стоим с Аксючицем у своей машины. По низинам пополз туман. Внезапно заговорила вся наша артиллерия, зачертили воздух наши самолеты, позже рванулись танки, и с извечным «урра-а-а!» пошла пехота. С рубежа, где уже была капитально обжита каждая землянка, армия пошла в наступление и, смяв противника, продвинулась местами на двадцать пять километров. Но то ли выдохлись, то ли такое расстояние было дано сверху, встали и вновь врылись в землю.

Я бродил по траншеям, из которых только что выбили противника, заснял схему обороны одной из его ключевых позиций и — благо подполковник уехал в бригаду — вместе с шофером Гавриленко отправился по большаку в глубь только что освобожденной территории. Набрал зачем-то немецких гранат и мин, обезвредил все это имущество и положил в кабину, под сиденье, а взрыватели рассовал по карманам. И невдомек мне было тогда, что наступала сегодня армия, начальником инженерных войск которой мне предстояло стать в 1944 году.

Вдоль дороги — разбитые или сожженные деревни, бесчисленные немецкие и свежие наши таблички: «Мины!», «Мины!», искореженные вражеские машины, реже танки, пушки и березовые кресты на немецких кладбищах. Жалко не было, было противно: земли русской захотели, вот и получили ее сполна. Дальше

дорога простреливалась снайперским, минометным и пулеметным огнем, и до командного пункта полка пришлось добираться пешком, а иногда и ползком по дорожному кювету. Когда вернулся к оставленной за сараем полуторке, Гавриленко рассказал мне:

— Старик здесь уцелел, говорит, что с неделю назад немцы во время отступления угнали куда-то все население. Спрашивал я о партизанах, дед сказал, что их почти нет, поскольку близко передовая, много войск стояло, да и немцы ворвались в деревню, как снег на голову. Мужиков похватали — в сарай, потом за проволоку и увезли куда-то. Остались в деревне старые да малые.

Одновременно с нашим возвращением в штаб бригады приехали из штаба фронта полковник Ф. М. Савелов и военинженер второго ранга Миндлин. Аксючиц вскрыл адресованный ему пакет и несколько раз молча прочитал приказание. Нахмурился, легли складки на лбу, заходили желваками скулы. Хитрый Миндлин, предвидя бурю, пригнул голову к чемодану и будто ищет там что-то. А искать нечего: в чемодане всего-то смена белья, мыло, полотенце, черствый хлеб да две банки рыбных консервов. Савелов тоже нос в карту, а карта-то детская, школьная, от хозяев на стене осталась. Подполковник у окна. Смотрит куда-то вдаль, но, наверное, ничего там не видит; руки за спиной, пакет штаба фронта скомкал, видно, с трудом сдерживает себя. Но вот повернулся к приезжим и спросил ледяным, спокойным тоном:

— Так это что, смертный приговор бригаде?

Савелов оторвался от карты и миролюбиво обратился к Аксючицу:

— Ну зачем такие крайности, Владимир?

— Привык называть вещи своими именами, так воспитан. Почему же так? Чем, где и когда не оправдали себя люди бригады?

— Оправдали, и ни один человек не упрекает ни в чем ни бригаду, ни ее командира. Просто в Москве, несмотря на наши неоднократные протесты, кто-то не поддержал идею формирования бригады. Именно потому она расформировывается, а вернее, в том же составе частей и штаба переформируется в управление военно-полевого строительства. От фронта к тылу уже действует не одно такое управление. Но,

зная традицию бригады да и твою цель постоянно действовать вместе с войсками, а также успех этих действий, начальник штаба фронта согласился оставить твое управление здесь же, на рубеже Белого, непосредственно за войсками. Задача управления — быстрее создать запасной оборонительный рубеж для сражающейся здесь Тридцатой армии.

— Да, я все понимаю. И ту задачу, которую ставят сейчас перед так называемым «управлением». Но ведь тронется, обязательно тронется фронт, и опять потребуются такие мобильные инженерные войска с полками, а не какие-то саперные отряды с непонятными названиями, неавторитетные в войсках, да к тому же неподвижные, лишенные нужного при боевых действиях транспорта. По-вашему, выходит так: раз сегодня драп, то все согласны иметь бригаду, а если через сутки оборона, то давай управление? Что же значит: бригада — сколоченная, способная активно воевать часть или складная детская игрушка? Хамелеон, способный по обстановке быстро менять свой цвет?

— По-вашему, да и по-нашему,— зло перебил Савелов Аксючица,— все это, товарищ подполковник, ваши крайности!

— Не мои! Я не раз приводил пример: еще Кутузов при Бородине свел саперные части в бригады и подчинил их инженерному генералу Иванову, и при такой структуре они действовали гораздо успешнее.

Начавший злиться Савелов резко заметил, что Кутузов, конечно, авторитет, но есть приказ, а приказы на фронте положено исполнять, а не ревизовать.

— К черту! — крикнул Аксючиц.— Я лично переформировывать бригаду не буду! Вот вы приехали, этим и займитесь! А меня посылайте хоть командиром взвода. Без меня творите здесь, что вам приказывают приказ и ваша совесть. Но запомните: спор наш не окончен, пройдет несколько месяцев, и жизнь заставит нас формировать бригады — и по всем фронтам, а не в эксперименте, как сейчас. Мало того, не пройдет и года, мы будем формировать не только саперные бригады, но и целые саперные армии!

— Успокойся, Владимир. Переформирование бригады в управление ты проведешь сам, лучше тебя никто этого не сделает,— произнес твердо Савелов.— А уж раз тебе так тяжело, скажу правду: все в штабе фро-

нта, все, в том числе и сам генерал Воробьев, полностью разделяют твою точку зрения. Но, что поделаешь, наверху по этому вопросу свое мнение. Ты лучше успокойся да распорядись: пускай нам с дороги чайку согреют.

Находясь в соседней комнате за тесовой, не доходящей до потолка перегородкой, я оказался в роли невольного свидетеля. В комнате Аксючица наступила тишина, только слышны были шаги подполковника — из угла в угол,— снова шаги да стелился густой табачный дым. Вот Аксючиц остановился, еще раз, очевидно, прочитал бумагу фронта и злым пинком ноги стукнул в перегородку:

— Начальника штаба ко мне!

Вошел, представился Савелову. Тогда я тоже, разумеется, не предполагал, что еще раз сведет меня с ним война,— весной 1943 года меня назначат начальником штаба инженерных войск 16-й (позже 11-й гвардейской) армии и я попаду в подчинение к полковнику Савелову Федору Михайловичу, начальнику инженерных войск армии Рокоссовского (позже Баграмяна). С Миндлиным мы были знакомы раньше. Аксючиц передал мне пакет фронта:

— Изучите. Подготовьте проект приказа по структуре Управления военно-полевого строительства и по расстановке отрядов и батальонов по рубежу. Исполняйте!

Губы у него дрогнули, он отвернулся к окну. Взглянув на Савелова и Миндлина, я вышел, приказав на ходу Гавриленко организовать приехавшим чай.

Управление вышло из Белого и встало в селе Комары, недалеко от города, расположившись и штабом и тылами в садах вокруг церквушки. Это был наш рубеж. Меня назначили начальником производственного отдела управления. 30-я армия вела бои местного значения, линия фронта на ее участке почти не менялась. Весь руководящий состав штаба управления закрепили по участкам и батальонам. Часто наезжало фронтовое инженерное начальство, что говорило об особой значимости рубежа.

Как-то в конце сентября я был у начальника инженерных войск 30-й армии. Петров работал над картой дорог — видимо, готовился к докладу командарму. Усадил меня за стол, а сам продолжал работать.

От нечего делать я разглядывал его карту и не удержался, чтобы не заметить, что вот по этой дороге войска пускать нельзя: хотя на карте дорога и есть, но вскоре она теряется в болотах. А вот здесь, показал на карте, есть новая жердевая дорога, проложенная немцами. Петров оторвался от карты, внимательно посмотрел на меня и спросил:

— Откуда знаешь?

Я рассказал, что сам там был, немцы меня с машиной в болоте минометным огнем накрыли; показал участок, где войска можно пропускать только ночью — днем противник просматривает дорогу. Да и сейчас, когда ехал, все четыре километра противник сопровождал шрапнелью.

— А что тебя понесло по этой дороге, когда есть большак? — спросил Петров.

— Там тоже один километр — и просматривается, и простреливается. Да я почти всегда стараюсь ездить новой дорогой: район изучаю, может, пригодится когда.

— Правильно. Нужно все видеть и знать нашему брату саперу, как зайцу. Спрашиваешь, почему как зайцу? Так ведь говорят, что заяц и спит с открытыми глазами, вроде и спит, а все видит. Правда, до сих пор ни один из зайцев сам еще не похвалился этим своим достоинством, но так утверждают.

В ночь с первого на второе октября, в 12 часов, меня разбудил зуммер полевого телефона. Нехотя высунув руку из-под шинели, взял трубку. Выслушав приказ, велел Гавриленко взять раздельно свои и мои вещи, погрузить в машину и быть у штаба через пятнадцать минут, еще попросил бросить в кузов запасные канистры с горючим — предстоял дальний рейс. На вопрос, зачем вещи, ответил: не знаю, звонил Меренков и так приказал, прямо от штаба поедем дальше.

Скользя в темноте по грязи, я торопился в другой конец деревушки, где было управление.

В комнате у керосиновой лампы, склонившись над картой, сидели Меренков, комиссар и представитель штаба фронта Миндлин. Накинув на плечи шинель, прислонившись спиной к белой кафельной печи, стоял подполковник Аксючиц и в задумчивости жевал мун-

дштук погасшей папиросы, прислушиваясь к злобным порывам ветра. Увидев меня, Аксючиц прошел к дверям, обнял меня за плечи и подвел к столу.

— По данным фронта,— заговорил он,— сегодня на рассвете противник начнет наступление. Наиболее вероятное направление на нашем участке здесь — от Батурина на Канютино или Владимировку с выходом на Вязьму или между ними, через Ново-Дугино прямо на Гжатск, отрезая Вязьму. Вот сюда, на узел дорог, седлающих направление Батурино — Канютино, фронт выбрасывает четыре батальона. Все батальоны решением фронта сводятся в один минно-саперный отряд. Штаб отряда — наш левофланговый участок, который на машинах уже следует к месту назначения. Вы знаете, что начальник участка Норейко ранен, и замещает его воентехник первого ранга Борис Бутинов. Кажется, вы знакомы.

Я подтвердил, что действительно знаю Бутинова с первого часа войны.

— Бутинов — грамотный военный инженер, но не строевик. Да он и сам просит освободить его от командования таким большим и пока еще разбросанным отрядом.

Аксючиц замолчал, по привычке прошелся по комнате и не допускающим возражений тоном сказал:

— Вы просили когда-то, как вы тогда выразились, настоящего дела. Вот документы, выезжайте немедленно и вступайте в командование отрядом. Задача отряда — прикрыть направление инженерными средствами. Мины и прочее подбросит фронт своим транспортом. Все остальное — на ваше усмотрение, решайте сами, по обстановке. Между нами семьдесят километров. Бутинов окончил академию и будет вам хорошим помощником. Там сейчас батальонный комиссар Бочуля, с ним сработаетесь, это настоящий комиссар. Днем постараюсь прислать крепкого хозяйственника, пока там работник не из сильных. Вот вам приказ и карта.

Подполковник крепко пожал мне руку. Подошел Меренков.

— Ну это... как его... батенька мой.— И, не договорив, только махнул рукой и отошел в сторону.

Миндлин посоветовал торопиться: впереди неско-

лько десятков километров раскисшего, немощеного большака да темная ночь.

Надрывно урча, машина вползла в заполненные водой разбитые колеи и растворилась в черноте непроглядной дождливой октябрьской ночи. Началась унылая военная дорога. Проснулся я от толчка: шофер резко затормозил, и машина сползла по мокрой глине в кювет. Навстречу нам низко над землей, прямо над самым большаком, проплыла немецкая «рама» — двухфюзеляжный разведывательный самолет — и короткими пулеметными очередями ударила по полуторке. Пробив в кузове в двух местах доски, самолет, не обращая больше внимания на нас, пошел в сторону Белого.

Светало. Ветер рвал и рассеивал тучи. Дождь прекратился, поднялись облака, местами на небе появились голубые окна. За лесом справа от дороги раздался грохот артиллерийской канонады, будто охнула земля от разрывов авиационных бомб. Не доезжая Ленина, свернули вправо, на Канютино. С каждой минутой шум боя нарастал. Дорога стала ровнее и суше, и все быстрее шли навстречу друг другу грохочущая громада боя и маленькая полуторка. Со стороны фронта потянулись машины с ранеными. Гавриленко остановил одну и спросил водителя:

— Как там, браток?

— Плохо, брат. Наступает, сволочь. Наверно, уже прорвался. Так что смотри, куда едешь!

Через несколько километров грохот боя заглушило ревом вражеских самолетов: в тесном строю на небольшой высоте шли от переднего края немецкие бомбардировщики, поливая придорожные кусты, перелески и дорогу пушечно-пулеметным огнем, сбрасывая бомбы при виде машин, мостов, маломальского скопления людей. Гавриленко быстро шмыгнул на своей полуторке прямо под мостик над суходолом. Дрогнула земля, мост над машиной будто подпрыгнул вверх, дождем посыпалась с него земля, зачавкали, впиваясь в дерево, пули. Мы выскочили из кабины и залегли у мостовой опоры, где и без нас уже лежали двое.

Минули показавшиеся вечностью минуты, пока самолеты прошли дальше, и, словно проснувшись, с еще большей силой загрохотал бой. Тут только я заметил, что мост подготовлен к взрыву: к стойкам опор при-

вязано по нескольку зарядов тола, от крайнего заряда висел моток провода, а на земле лежала подрывная машинка; у второй опоры аккуратно сложен небольшой штабель противотанковых мин. Пока Гавриленко выгонял машину из-под моста, я спросил отлеживавшихся вместе с нами бойцов:

— Какой части?

— Из сто двадцать второго минно-инженерного батальона.

— А где комбат? Вы теперь входите в мое подчинение.

— Он полчаса назад здесь был. Вперед прошел, но не возвращался.

— Какая у вас задача?

— Подготовить мост к взрыву, минировать обходы.

Приказал ребятам немедленно по окончании подготовки моста отрыть щель — и с подрывной машинкой туда. Они ответили, что так и думали поступить.

— Нас под утро прямо на машинах по объектам разбросали, вот и торопимся. Ночью комиссар говорил, что на рассвете ждут наступления,— видимо, началось.

— Ну, счастливо, ребята, торопиться надо.

Самолеты возвращались, и мы шмыгнули с дороги на показанную на карте тоненькой линией лесную просеку, ведущую к деревне, где должен был находиться мой штаб. Вырвались из леса на небольшую, почти круглую луговину, пересеченную речкой. На ее возвышенном берегу вытянулись ниткой с десяток аккуратных сельских домов. Километрах в двух просматривался большак и спешившие по нему машины.

Штаб оказался в крайнем домике, в комнате с тремя окнами. Войдя, я увидел Бутинова и еще нескольких командиров. Поздоровавшись, представился и предъявил предписание комиссару Бочуле и Бутинову, который встретил его с нескрываемой радостью.

— Похоже, сегодня фрицы затеяли что-то всерьез,— заметил Бочуля.

Я ответил, что это действительно большое наступление противника с далеко идущими целями и что мы можем оказаться на главном направлении удара. Дорогу сейчас бомбили сразу около шестидесяти самолетов, в простой операции такого не бывает.

— Воздух! — раздался со двора голос часового, метнувшегося мимо окна в свежеотрытую щель. Одни бросились к двери, другие командиры поднялись со своих мест и в нерешительности поглядывали на начальство. Бочуля подошел к открытому окну: немецкие самолеты на большой высоте разворачивались на нас.

Я приказал всем командирам немедленно отправиться в укрытия. Со мной остались Бочуля и Бутинов. Подойдя к окну, я увидел, как шесть «мессершмиттов» спикировали на деревушку, обстреляли улицу и ушли в сторону фронта. Спросил Бочулю, как с транспортом в самом штабе. Тот ответил, что не ахти, но выкручиваются, а для меня есть почти новый горьковский пикап.

— Личный состав батальона из-под Шайтровщины еще не прибыл,— сказал Бутинов,— ему топать пешком полсотни верст. Два новых батальона от штаба фронта подошли часа полтора назад, встали вот здесь, в лесу.— Он показал по карте.— Вооружены батальоны слабо — все забирает пехота. Комсостав участка частично здесь, частично вышел на рекогносцировку. Должен был еще ночью прибыть представитель штаба армии, но пока никого нет.

К дому подошла грузовая машина и, быстро высадив двух военных, умчалась. Вошли начальник связи управления военинженер Козлов и незнакомый мне капитан в безукоризненной кавалерийской форме по фамилии Ильенков. Вытянувшись по струнке, он доложил, что прибыл на должность помощника по материально-техническому обеспечению.

Дорогу периодически бомбила немецкая авиация. Посланный для связи со штабом 30-й армии командир вернулся ни с чем. Доложил, что штаб армии под ударом противника со своего места снялся, и где находится, пока никто не знает. Фронт прорван, наши части с тяжелыми боями отходят, толком не разобрать, где свои, а где части противника. Трудно было представить, как он выскочил из этого слоеного пирога.

122-й минно-инженерный батальон тоже доносил, что фронт противником прорван и враг быстро продвигается на Канютино. Батальон получил указание фронтового командования: после выполнения задания

вернуться в непосредственное подчинение фронта и прибыть под Вязьму, в район Касни, где находился и сам штаб фронта. Потому сообщалось, что батальон выходит из состава отряда и прекращает связь. А дальше шла короткая приписка: «Нахожусь на большаке в голове батальона. Близко вижу немецкие танки, идут на меня. Рву мосты, минирую, отхожу с боем».

Новая группа немецких бомбардировщиков налетела на деревушку, но, отбомбив только с одного захода, ушла к дороге и присоединилась к самолетам, «утюжившим» большак почти на бреющем полете.

Вылезли с Бочулей из щели, отряхнулись, осмотрелись: пыль, взрывы, только кое-где просматривается проезжая часть дороги. Показалась танковая колонна противника, но вот перед головной машиной взлетел мостик на болотине, и танки пошли в обход. Однако и на обходе, видимо напоровшись на минное поле, передний танк встал сразу, второй завертелся на одной гусенице и вдруг густо, по-черному задымил. Остальные машины пошли в обход по большой дуге. И тогда перед ними замелькали фигуры бойцов минно-инженерного батальона. Они исчезали перед танком или под ним, следовал взрыв, и машина загоралась, начинала чадить; наш боец в сторону от танка не отползал — его уже не было. Фашисты не выдержали такой рукопашной схватки и пошли на Капотино через лес.

Пыльные, задыхающиеся, подбежали командиры, уходившие на рекогносцировку рубежа. Они сообщили, что наши части отходят группами; немцы на дороге и по всем проселкам. Саперы минного батальона ведут себя героически, многие гибнут под гусеницами танков. Еще час-другой — и нас здесь отрежут, надо немедленно прекращать разведку и спасать людей, ведь многие безоружны.

Другого решения быть не могло, главное — спасти людей: и тех, кто притаился и ждет приказа невдалеке в лесу, и тех, кто должен идти из Шайтровщины. Может, Аксючиц вернул их? Медлить было нельзя. Вызвал связных, приказал седлать для них коней. В это время на взмыленной лошади подлетел лейтенант и, не слезая с коня, через окно сообщил:

— Комбат приказал доложить, что стоим в ука-

занном месте, батальон сосредоточен, строго замаскирован, пока авиацией не обнаружен. Ни мин, ни взрывчатки, ни винтовок, ни патронов, которые фронт должен был доставить, до сих пор не получили. Поэтому в активный бой вступать не можем. Либо фронтовые машины нас не нашли, либо их разбили, а может быть, судя по обстановке, фронт изменил решение. Комбат собрал все оружие в отдельные взводы и выставил их в охранение со стороны большака. Просит ваших дальнейших распоряжений.

Я обратился к связным (из одного батальона их теперь оказалось двое):

— Времени на письменные распоряжения нет. Точно и отлично запомнить: противник продолжает развивать наступление и вышел танками в район Канютина. Связи с управлением и штабом фронта нет. Приказываю поддерживать двустороннюю связь со мной. Штаб армии снялся в неизвестном направлении. Приказываю скрытно сосредоточиться к полуночи в районе села Печатники, что левее большака в направлении от Белого на Вязьму. Отходить лесными дорогами или просто лесом. Главная задача — спасти личный состав от уничтожения. Если Печатники противником заняты, не ввязываясь в бой, продолжать движение лесом и сосредоточиться в пяти километрах севернее Андреевского. Напомнить всем командирам, что отсутствие приказа не оправдывает бездействия, тем более в такой обстановке, как сейчас. До получения от всех командиров доклада о выходе я с оперативной группой буду на старом месте. Остальной состав штаба участка под командованием капитана Ильенкова с этого часа следует в направлении Печатников.

Со мной остались Бочуля, Бутинов и еще несколько командиров штаба нашего сборного саперного отряда; из машин — только мой пикап, Гавриленко с нашей полуторкой вернулся в штаб управления.

Смеркалось. За спиной, на востоке, перекатывался, временами совсем стихая, шум боя. В потускневшем вечернем небе, прослеживая лесные дороги, маячили немецкие разведывательные самолеты. Бочуля высказал предположение, что они нас здесь и накроют. Но до возврата связных не было и речи, чтобы сниматься. А вот и они. Комбаты доложили о выходе на

марш. Под пулеметным огнем немецкой «рамы» мы на пикапе вырвались из деревушки.

Догнали свой штаб и всю ночь пробирались то на машинах, то тащили их на себе. Где-то в лесу временами возникали короткие перестрелки. Кто стрелял? В кого? Попробуй разберись. Набрели на трех командиров, пробивающихся на восток. Оказалось, они из штаба армии. Но ничего нового: оторвались от штаба, который отходит лесом, но где, не знают.

К рассвету выбрались в район Печатников и удачно связались с уже прибывшими туда двумя батальонами. Вызвали комбатов — обстановка требовала совета. А складывалась она для нас весьма скверно: немцы вышли на узел дорог Холм — Жирковский. Путь на Вязьму был для нас отрезан: противник вышел через Тренитово на Ленино, что всего в шести километрах от Печатников, и, оставив небольшие гарнизоны на станциях Никитинка и Владимировка, продолжает движение на восток. Печатники оказались более чем в полукольце, связи со штабом фронта нет, штаб армии как таковой не существует. Путь на Шайтровщину и Белый, к управлению, отрезан. Да и где оно сейчас? Белый глубоко в тылу противника. Печатниками и прилегающими населенными пунктами и лесами опять стали интересоваться разведывательные самолеты противника. О батальоне из Шайтровщины не поступало никакой информации. Значит, он в тылу врага? Что с ним? Может, Аксючиц, находясь ближе, все же удачно решил его судьбу? Или батальон сражается? А вдруг разгромлен? Или где-то отходит, как и мы? Обсуждение обстановки с комиссаром, Бутиновым, Ильенковым и комбатами завершилось следующим образом.

— Время идет,— сказал я,— решаю так: Бочуля с Бутиновым принимают на себя штаб и оба батальона. Не выходя на большие дороги, лесами, избегая соприкосновения с противником, выводят людей в район Андреевского. Если обстановка потребует, отходите в район Ново-Дугина. Если благополучно достигнете Андреевского, попытайтесь связаться со штабом фронта; добиться полного вооружения людей, получения боеприпасов, мин, взрывчатки и всего, что к ней полагается. Это первый вопрос.

— А второй? — спросил комиссар Бочуля.

Я ответил, что второй вопрос в том, что надо спасать батальон, отрезанный в Шайтровщине, спасать или хоть что-нибудь узнать о его судьбе.

— Все так, но как это сделать? Большак даже во Владимировке перерезан, а что там глубже, и подавно не знаем.

— Значит, надо узнать. Попытаюсь прорваться к батальону: мы не смеем его бросать. Попытаюсь. Если удастся, буду выходить вместе с батальоном, без него меня не ждите. Может быть, узнаю что-то и об управлении. Сюда Аксючиц отойти не мог, видно, здесь у противника одно из главных направлений удара. У комиссара есть другое мнение?

— В принципе у комиссара другого мнения нет,— ответил Бочуля. Он посмотрел на кружащийся над деревней немецкий самолет-разведчик.— Только по долгу комиссара за третьим батальоном следует идти мне.

Я не согласился: обстановка трудная, а здесь у нас два еще толком не изученных батальона, и в такой кутерьме нужна жесткая дисциплина. Комбатам может понадобиться помощь кадрового опытного политработника. Кроме того, оба комбата — майоры, у них в петлицах по две шпалы, и у Бочули тоже две шпалы, а у меня только одна. Да и по возрасту я чуть ли не в полтора раза моложе его. Или у комиссара и теперь есть другое мнение?

— Нет у комиссара другого мнения. А как ты думаешь пробиться к батальону?

— Машиной. На пикапе.

— Да ты с ума сошел!

— Но другого пути нет. С батальоном, если он еще существует, надо связаться сегодня, сейчас, а до него — сорок километров, да еще, наверно, с гаком. Может быть, уже сейчас поздно, но завтра будет поздно и подавно.

— А какой дорогой?

— Сейчас дорога одна — по большаку, через Владимировку.

— Так ведь убьют! Там хоть и небольшой гарнизон противника, но ведь это враг!

— Подумал, комиссар, понимаю, но семь бед — один ответ. Или ты думаешь, что, если батальон погибнет, у меня голова уцелеет? Нет, друг. Если суж-

дено погибнуть, то уж лучше в бою. А через Владимировку махну с расчетом на «дурака», на внезапность. Если и заметят на пути туда, стрелять не будут — машина к ним идет. Ну, а уж как ворвался во Владимировку, тут, как говорится, волка ноги кормят. И первым огонь открывать не буду.

— Убедил,— коротко ответил Бочуля и приказал Ильенкову: — Товарищ капитан, подготовить пикап начальника, он поедет на нем через фронт, к батальону в Шайтровщину, предупредите об этом шофера. В кузов — запас горючего. В кабину и в кузов — патроны для автомата, винтовку у шофера сменить на автомат.

— Сопровождающих? — спросил Ильенков.

Я ответил, что сопровождающих не надо, только надо захватить с собой начальника связи управления, он здесь, с нами, ему все равно как-то в управление попасть нужно.

Ильенков вышел. Через несколько минут появился военинженер Козлов. Один из комбатов дал мне свой парабеллум, я отказывался, но он настоял, и это сильное трофейное оружие улеглось во внутреннем кармане моей шинели.

Доложили, что машина готова. Потеснив на сиденье гранаты, я сел в кабину и спросил шофера, знает ли он, куда едем и не боится ли. Боец ответил, что, дескать, война же, товарищ начальник.

Положил автомат на колени, полностью открыл боковое стекло, то же сделал шофер. Быстро пожали руки на прощанье, кто-то что-то еще говорил, советовал напоследок. Козлов махом впрыгнул в низенький кузов пикапа, и машина вырвалась из деревни.

Хмуро на душе. Возмущала неразбериха, отсутствие связи, неготовность к отражению наступления. Почему даже маленький мой отряд стали собирать только за несколько часов до боя, да и то так бестолково? И чем занималась разведка? И вот попали мы, как кур в ощип, еду теперь черт знает куда, через фронт, и отдает это авантюрой, но другого выхода нет...

Машина выскочила с узкой лесной дорожки на большак и повернула на северо-запад, на Владимировку; и сразу исчезли раздумья, все внутри собралось в какой-то нервный комок.

Дорога пуста, ни одной машины, ни одной живой души. Вдоль нее разбитые конные повозки вместе с упряжками или без них, обгоревшие автомобили.

— Мертво,— бросил шофер, не отрываясь от дороги.— Так, значит, прямо через Владимировку?

И хотя с диким напряжением ждали мы этот поселок, а показался он как-то сразу, неожиданно. Кое-где над крышами струились дымки, но улица была пуста. У нескольких домов, прижавшись к ним, темнели машины.

— Товарищ начальник, машины серые, немецкие,— скорее прошептал, чем сказал шофер.

— Вижу,— ответил я, кладя автомат стволом на открытое окно и придвигая к себе гранаты. Крикнул Козлову: — Ложись в кузов! — И шоферу резко: — Полный, самый, самый полный! Остановка для нас — смерть!

Машина будто рванулась и на предельной скорости влетела на улицу.

Около замаскированного танка вскочили несколько немцев, которые перед тем были заняты едой, и исчезли без выстрелов. Пикап продолжал свой сумасшедший бег по улице. У каких-то машин тоже копошились солдаты, некоторые из них с явным недоумением поглядывали на нас.

«На «дурака»,— мелькнуло в сознании сказанное мной комиссару. И только когда пикап был почти на выезде из Владимировки, началась запоздалая автоматная стрельба, но уже за спиной. Шофер, не сбавляя скорости, выругался:

— Гады! Расположились, сволочи, как дома. Один танк в охранении, да и то танкисты жратвой заняты. Сюда бы хорошую роту да один-два танка — пух бы полетел от них!

Под затихавшую стрельбу выскочили на открытый большак. Посмотрел через заднее стекло: Козлов с серьезным видом грыз черный сухарь. Взглянул на шофера — по его лицу стекали струйки пота. Похвалил его и сказал, что так же надо проскочить и остальные деревушки, хотя немцев там, возможно, не будет. Через несколько километров остановились и прислушались: погони не было. Видимо, фрицы решили не связываться с малявкой-легковушкой, которая и так сама мчится к ним в тыл на верную гибель. Хотя

могут по радио сообщить своим частям в районе Белого о нашем появлении.

В других деревнях немцев не было, только стояли у хат замаскированные в тени деревьев наши санитарные машины и повозки, просто грузовики. Это были госпитали, командование которых также потеряло связь со своим начальством и не знало обстановку. Мы накоротке останавливались, информировали врачей о том, что знали сами, и рекомендовали вывозить раненых лесами, минуя Владимировку. Было заметно, что они мало верили в то, что мы на машине проскочили у немцев на глазах. Уговаривать было некогда, а приказать не могли: были и постарше нас в звании. Местного населения по деревням было очень мало, а те, кто осторожно выглядывал из-за занавесок, отвечали, что Белый, кажись, занят противником; к ним немец еще не заходил, народ — кто еще вчера на восток ушел, а кто в лес, на партизанскую базу, а другие, кому бояться особо нечего — ни в армии никого своих, ни партийцев, ни комсомольцев, имеющие судимость, да немощные старики,— вот по домам сидят, ждут своей судьбы. Да некоторым и идти-то некуда.

Под Комарами на нас навалилась тройка вражеских бомбардировщиков, они крепко дали огня с одного захода, но тут же ушли. Очевидно, решили, что дело сделано: наш пикап полулежал на боку в кювете, а мы, не ожидая, пока машина остановится, соскочили и залегли кто где. Пикап отделался тремя пулевыми пробоинами в кузове.

Личный состав и несколько машин оказались в Шайтровщине на месте. Половина задачи выполнена: батальон найден, осталась вторая половина дела — вывести людей из окружения. Инженер-майор Лисогор доложил, что войска покинули Белый; вчера от Аксючица был связной и передал устно, что если до сегодняшнего вечера не будет других распоряжений от Бутинова или от меня или нависнет непосредственная угроза окружения, то немедленно отводить людей лесами на Ржев или Сычевку, там управление оставит своих связных. Лисогор тут же послал догнать и вернуть на машинах тех, кто отправился по старому распоряжению в район Канютино — Владимировка. Людей успели вернуть, потери — две машины. С нами

связаться они не могли: в указанном районе оказался противник.

Я искренне похвалил Лисогора и командира батальона и приказал немедленно принять на оставшиеся машины и конные подводы раненых, боеприпасы, продовольствие, которое можно использовать в качестве сухого пайка, а также, сколько удастся, пожилых людей. Машины и пешую часть батальона не разрывать. Лисогор сказал, что к нему несколько раз обращался председатель колхоза с просьбой оставить для партизанского отряда шестьсот килограммов хранящегося здесь тола. Это, в свою очередь, позволит посадить еще человек десять. Я приказал взять с собой сто килограммов взрывчатки, остальное отдать партизанам и обеспечить наш выход не позже чем через час.

Шайтровщина опустела: кто, как и в других деревнях, затаился, кто ушел вместе с нами, кого председатель колхоза увел в лес на партизанскую базу.

Смеркалось. На лесных дорогах это происходило как-то особенно быстро. Двинулись по старому, заброшенному лесному большаку, полузаросшему травой. Очевидно, по нему когда-то на лошадях вывозили лес и дрова: ширина всего в одну машину, с обеих сторон либо кюветы, либо болота, везде колдобины, а сверху сросшиеся кроны старых деревьев. Последнее очень кстати: пробираемся, как по тоннелю, и немецкая авиация хотя и бомбит изредка, но бомбы рвутся далеко от нас — видимо, с самолетов эта дорога не просматривается. С тропинок, просек, мелких лесных дорожек все прибывают люди, повозки, машины — одиночками и группами,— и скоро дорога оказывается сплошь забитой, да так, что не только на машине не обогнать идущую впереди, но и конной повозкой не объедешь. И стоит одной машине или повозке застрять в рытвине, как на нее наваливаются едущие сзади, и тогда ее почти на руках выносят на сухое место. Так, машину за машиной, пока кто-нибудь глухо не забьет колдобину еловым лапником или каким-либо имуществом из машин. Ну, а если тяжелая поломка, тоже наваливаются всеми силами, но тогда машину или повозку уже спихивают с дороги в болото.

Очередное аварийное место мой легонький пикап с командирами в кузове, немного побуксовав, проско-

чил благополучно, но следующая грузовая машина с ранеными засела основательно. Раненых снимать через высокий борт было трудно и долго, усилия облепивших со всех сторон машину людей оказались тщетными. И вот откуда-то из хвоста колонны подошли два майора и капитан и, убедившись в том, что машина застряла глубоко и что она старенькая и силенок у нее не хватит, приказным тоном распорядились раненых выгрузить, пусть пешком идут, а грузовик столкнуть в кювет. Сопровождающая машину девушка-санинструктор, плача, просила еще раз попытаться вытащить машину, но капитан крикнул, что они из штаба армии, и, уже организовав людей, распоряжался разгрузкой кузова.

Санинструктор разрыдалась, объясняя, что раненые идти не могут. Два майора стояли в стороне и покуривали в рукава шинелей. Тут я не выдержал, подошел к машине и, рванув капитана за плечо лицом к себе, крикнул:

— Отойдите от машины, вытащим и без вас! Снимать раненых и сваливать машину не дам!

— А ты кто такой? Ты знаешь, что мы из штаба армии, его машины в километре отсюда из-за вас застряли! — вырвав руку, огрызнулся капитан и приказал продолжать работу.

Но люди отошли от машины и угрюмо молчали, ожидая, чем кончится дело. Мне стало ясно, что теперь отступать нельзя, иначе раненые останутся на земле и подобрать их будет некому — все машины перегружены. Заорал на капитана:

— Прочь от машины! Где армия? Куда дели? А кто я, не твое дело! Прочь от машины!

Подбежали оба майора. Осмелев, капитан замахнулся на меня кулаком, но я выхватил дареный парабеллум и приставил к лицу капитана. Рука его быстро опустилась, двух майоров крепко схватили за руки подбежавшие мои командиры.

— Ну, ты ответишь — и за задержку штабных машин ответишь, и за парабеллум свой,— пробормотал капитан.

Я сказал, что отвечать будем оба, каждый в свое время и в разной степени, а кто-то ответит и за потерю управления армией. Сгрудились бойцы, оттеснили штабников, во тьме прогудел чей-то увесистый бас:

— Идите-ка, ребятки, в свой штаб, пока братва не осерчала по-настоящему.

Вдоль колонны к штабным офицерам подошел, видимо тоже из штаба армии, пожилой полковник. Выслушав майоров, приказал им идти к своим машинам. Потом спросил меня, чей это грузовик. Я рассказал о случившемся. Полковник нашел трос, организовал моих офицеров. Закрепили трос на передке застрявшей машины, обвели им основание векового дерева, шагах в пятнадцати от нас, а другим концом — за передок стоявшей позади трехтонки; ее шофер стал потихоньку сдавать назад, трос натянулся; народ опять облепил застрявшую машину со всех сторон, и она вместе с ранеными выскочила из колдобины. Полковник подошел ко мне и, пожав на прощание руку, попросил забыть инцидент, а на будущее хорошо запомнить эксперимент с тросом.

К рассвету преодолели речку Белую и вышли к другой речке — Жерди. Лес поредел, дорога стала шире, и сразу появились немецкие самолеты. Начались периодические бомбежки и обстрелы, но народ шел и ехал без долгих остановок, лишь бы быстрее туда, к своим. Попытался разыскать машины штаба армии, хотел узнать хоть что-то, но штаб еще в темноте свернул на какую-то дорогу или просеку. Был ли то штаб армии целиком или его осколок, кто знает.

Лес уже совсем поредел — впереди маячило почти открытое пространство. Решив искать управление в районе Оленина или где-то в направлении Белый — Ржев, я развернул колонну на первую попавшуюся дорогу на восток, с тем чтобы соединиться с Бочулей и Бутиновым в районе Андреевского или Ново-Дугина, а сам с Козловым и еще двумя командирами, предупредив Лисогора, что буду их догонять в тех же районах, помчался на север. На этот раз повезло: дорога оказалась гладкая, ни одной машины или подводы, не было и немецкой авиации. И, проскочив восточнее Дунаева через Обшу, потратив всего час-полтора, увидел, что на развилке дорог нас встречает сам Аксючиц с машиной и группой командиров.

Кратко доложил обо всем. Аксючиц поблагодарил, сказал, что все делалось правильно, они ждали только связи от нас, немцы на хвосте, всего в трех километрах. Он высказал предположение, что фронт прор-

ван широко, но где-то будем цепляться, Москва не за горами, значит, первейшая задача до того, как свяжемся со штабом фронта,— это сохранить людей и батальоны как строевую единицу, доукомплектоваться и сверх штата, принимая в свой состав выходящих из окружения или отступающих одиночек и группы. Рубежом, за который попытаемся зацепиться, очевидно, будут реки Вазуза и Сежа. Аксючиц приказал быстро догонять своих и выводить батальоны и участок в эти районы, а само управление искать в селах Степанники или Овсяники.

Попрощались и разъехались в разные стороны. Козлов остался с управлением.

Через полчаса бешеной езды выяснилось, что прежняя дорога перерезана противником — от Белого немецкий клин загибался в сторону Ржева и резал дороги, по которым мне следовало догонять своих. Пришлось нам, вихляя полевыми и лесными дорогами, выжимая из машины все, что только возможно, мчаться параллельно немцам в надежде опередить врага и поперек его курса прорваться к своим, то есть опять действовать на «дурака», памятуя слова кого-то из великих о том, что самый опасный противник — это глупый противник. Из Андреевского население почти все ушло на восток или партизанить, но нас мужественно ждали оставленные Бочулей для связи два командира без машин.

Выяснилось, что батальон из Шайтровщины соединился с отрядом Бочули, и теперь он повел всех в направлении на Ново-Дугино. Решили догонять своих, но в нескольких километрах напоролись на немцев и, отстреливаясь, еле унесли ноги. Стало проясняться, что основные силы противник сосредоточил в районе Ржева, а в направлении Ново-Дугина его нажим в эти дни был меньшим.

За Ново-Дугином мы наконец догнали наши войска. Но и здесь мало кто знал о противнике, все молча, угрюмо шли на восток, в сторону Гжатска, за которым были Можайск и Москва. Иногда чьей-то волей собирался из этой колонны хороший боевой кулак с оружием и даже пушками, люди разворачивались и шли, но уже на запад и где-то там принимали бой.

В междуречье Касни и Сежи я догнал свой участок и батальоны — они стояли на привале.

Поднял личный состав и определил место следующей стоянки уже в районе Можайска. Из-за зверствующей авиации противника Гжатск приказал обойти стороной. Сам поехал искать управление, которое, по ориентировке, данной Аксючицем, должно было находиться где-то здесь. И действительно, очень скоро увидел на съезде на боковую дорожку указатель с номером нашего управления. Но радость была преждевременной: я в самом деле нашел управление точно с нашим номером, но выяснилось, что в составе одного фронта действовало два одинаковых и по названиям и по номерам управления. В обстановке 1941 года это, может быть, и не вызвало бы большого недоумения, но удивляло другое: оба управления состояли на всех видах довольствия — продукты, боеприпасы, оружие, обмундирование. Попросил начальника этого управления-побратима поделиться, чем может, но оказалось, что оно, как стоящее от фронта значительно дальше, чем мы, обеспечено еще хуже.

Проплутав в поисках своего управления еще с час и не найдя его, вернулся к отряду. Навстречу, к фронту, шла танковая часть — видимо, из резерва. Пробившись к командиру части, узнал, что нашим войскам очень тяжело в районе Вязьмы, туда они и следуют. Сообщил ему о возможных отрядах, спросил, чем мы можем помочь танкистам. Но он, узнав, что наши саперы почти безоружны, отмахнулся, пояснив, что с ним следует приданный ему от фронта саперный взвод. Он с радостью принял сто килограммов взрывчатки, которую мы везли от самой Шайтровщины. На вопрос, где найти штаб фронта, командир танковой части ответил, что в Касне штаб фронта разбомбили и сейчас он практически на колесах, искать его следует вдоль этой дороги.

Зачастили дожди, холодные, октябрьские. Идем по старой дороге через Уваровку и Бородино. Бредут мелкие части, отходящие по приказу или без него, просто расстреляв все до последнего патрона; бредут раненые, старики, дети. Месят дорожную грязь санитарные повозки и машины с тяжелоранеными, оди-

нокие артиллерийские упряжки без единого снаряда. Бредут и одиночные бойцы без ранений. У каждого из них свой страшный рассказ; по глазам, говорят правду, а кто, может, и привирает, испугался, а теперь, когда смерть позади, ведет его стыд перед людьми да и перед своей совестью, и все спрашивает: где сборный пункт или заградотряд, чтобы, став вновь воином, идти на запад, туда, к бою, где обстрелянному два-три раза уже не страшно или уже не так страшно, как первый раз. Попробуй разберись, кто здесь откуда и почему. Разберись, когда все движется, движется молча, угрюмо, негодующе, под почти непрерывным дождем, днем и ночью, голодное и мокрое, идет и падает лицом в грязь, в раскисшую землю при бомбежке через каждые час-полтора. А поднявшись, вновь идет. Вот и опять, невзирая на дождь, почти касаясь крыльями верхушек деревьев, под самыми тучами идут гуськом немецкие бомбардировщики, идут нагло, не спеша, поливая дорогу из пулеметов. И нет ни одного нашего самолета. Почему же так? Спроси вот того раненого, что обессилел и присел на мокрый глиняный откос придорожной канавы; спроси вон тех беженцев, что столпились у дороги вокруг девочки лет десяти, у которой только что на глазах у всех пулеметной очередью с немецкого стервятника отрезало ногу; спроси вот того усача, который всех командиров встречающихся воинских частей просит взять его на фронт. Спроси у любого из них, что хочешь, может, кто-то тебе и ответит, только не вздумай спрашивать, почему они здесь. Слишком велико горе, непонятно происходящее. А лучше вообще не спрашивай ни о чем: не до тебя. Спроси самого себя: а почему, по какому праву ты здесь? Если сумеешь ответить, спроси, но ведь не сможешь, ну, так и людям нечего бередить душу...

Несколько не доходя до Можайска, завернул от Бородина отряд на север и поставил в районе Аксанова и Милятина. Люди вымотались, нужен отдых, хотя бы несколько часов короткого мертвецкого сна да котелок горячей пищи. Надо было найти управление, штаб фронта или какого-то большого войскового начальника. Но отдых батальонов, на счастье бойцов,

оказался намного больше, чем несколько часов: сутки мотался по дорогам, лесам и городишкам Подмосковья и только числа 10 октября уже в начале дачной зоны где-то в лесу, в стороне от Минского шоссе, случайно наткнулся на только что вставшую биваком оперативную подвижную группу штаба фронта. Всюду расставляли и маскировали машины, связисты тянули провода, отрывали щели на случай бомбежки.

Пройдя небольшой густой подлесок, наткнулся на сидевшего на пне в шинели внакидку невысокого коренастого генерала армии и оторопел: это был командующий фронтом Г. К. Жуков.

Командующий оторвался от карты и пристально посмотрел на меня. От неожиданности я остановился как вкопанный и, вытянувшись по струнке, обалдело молчал. Чуть улыбнувшись, Георгий Константинович спросил:

— Ну, и что же дальше?

Шок прошел, я представился, кратко доложил о пути и состоянии отряда, о потере связи с управлением, в том числе и о том, что в составе фронта существуют два одноименных управления с одинаковыми номерами.

— Так, другое, а номер, говоришь, одинаковый?— заговорил командующий.— Бывает, бывает и хуже. Давно в отряде?

— Никак нет, товарищ командующий. Прибыл в отряд на рассвете второго октября.

— Под Канютином, значит, твои минеры полегли? Понятно. Комиссар повел два батальона, а ты через линию фронта за третьим? Ясно: и людей вывел, и некоторых от лишних переживаний по следствию освободил, и свою голову сохранил. А она хоть и не в меру горяча, но в общем-то привинчена у тебя на месте, хотя в этом твоей личной заслуги и нет.

Тут подошел кто-то из командиров и доложил, что связь подана.

— Хорошо. Проводите товарища в штаб инженерных войск, прикажите связать с командованием, немедленно довооружить батальоны, хотя бы строевой состав. После генералу Воробьеву явиться ко мне. Но сначала отправить товарища. Его люди за Можайском ждут, а он тут вынужден болтаться у московских порогов.

Генерала Воробьева не оказалось на месте, он был в войсках. Меня принял комиссар инженерного управления фронта полковой комиссар И. В. Журавлев. От него узнал, что противник силами своей 9-й армии и 3-й танковой группы, той самой, что нанесла удар по нашему управлению еще на границе, продвигается в направлении Ржева и через Ново-Дугино — на Можайск, беря в кольцо район Вязьмы. Таким образом, сказал комиссар, мой участок с батальонами сейчас на опасном направлении, но у фронта есть другие инженерные части, и генерал Воробьев приказал все части Аксючица сосредоточить в районе Волоколамска, поскольку вероятен ход противника и через Волоколамск и Клин, в обход Москвы с севера. Он обещал мне позаботиться о довооружении и сказал, что надо соединиться с Аксючицем, выведя своих в район Волоколамска,— это моя первейшая задача.

Через несколько часов я уже был за Можайском и, не заезжая в штаб, поднял батальоны. Через Сумароково и Осташево они потянулись на север, на Волоколамск.

Там нашел Аксючица, и как раз вовремя: управление меняло дислокацию. Кроме того, мне теперь оставляли только два батальона. С этими силами приказывалось быстрым маршем выйти через Клин к каналу Москва — Волга, преодолеть его на стационарных паромах и, поднявшись к северу через Талдом на Савелово, встать на правом берегу Волги против города Кимры. Задача — обеспечить переправу наших войск через Волгу в случае их отхода из-под Калинина. Мостов через Волгу в Кимрах нет. Решать задачу надо средствами военного времени: реквизировать пароходы, баржи, катера, разбирать деревянные здания, строить плоты, мастерить паромы. На мое замечание, что предполагается переправа не полка и не дивизии, а целой армии плюс неизбежный поток беженцев, мне ответили, что переправочных средств армейского типа нет. Там, на месте, разберитесь, сказали, может быть, что и найдется у самих отходящих войск, и вообще: ты инженер, вот и решай сам, не трать времени на бесполезные разговоры. И не забывай, что всю ответственность за переправы, в том числе и за комендантскую службу на них, несешь лично.

Все ясно. Снялись те, кто уже подошел к Волоколамску, на марше завернули остальных и тронулись на Клин. Организовали челночную подброску личного состава: часть людей — в машины, быстро вперед, через несколько десятков километров остановка, этих людей — на землю, дальше вперед — пешком, а машины назад, навстречу тем, кто остался месить октябрьскую грязь, и их на машинах вперед, а потом опять смена.

Обычный длинный переход. На дорогах беженцы из-под Ржева, Волоколамска и еще невесть откуда бредут в обход столицы. Да Москва сама эвакуирует население, заводы, фабрики, учреждения — все, что может быть использовано для фронта там, далеко в тылу.

Идут беженцы по тридцать пять — пятьдесят верст в сутки. Идут полураздетые на октябрьских ледяных ветрах люди, под дождем, кто в сапогах, кто в валенках, а кто и в разбитых за дорогу ботинках или туфельках. По пятьдесят верст! Значит, ты, со звездой на пилотке, должен пройти и семьдесят. Надо будет пройти больше, пройдешь! Будешь спотыкаться, падать, но пройдешь. Совсем свалишься? Ну, что ж, не ты первый...

На марше машинами управления нам подбросили часть зимнего обмундирования, винтовки, патроны, гранаты, немного взрывчатки и снаряжение к ней — вспомнился короткий разговор с генералом Жуковым. Прислали наряды на остальное имущество, из Клина я отправил Ильенкова и батальонных интендантов с несколькими машинами в Москву. Приказал при возможности раздобыть надувные лодки.

Оставив штаб и головную часть подоспевшего передового батальона в деревне Титово, что в двух километрах от Волги, отправился на грузовой машине к переправе. Широка, глубока Волга матушка-река, это не то что какая-то Обша в Белом. Но по всему обозримому плесу ни пароходов, ни барж, ничего, кроме трех лодок, на том, другом, крутом берегу, где расположился городок Кимры. С маленьким, чумазым, как трубочист, катером работает один паром из баржи. Баржа с дощатыми легкими перилами битком

набита крупным рогатым скотом, эвакуируемым на восток. Катерок пыхтит, дымит, но паром еле движется. Вдруг, не доходя метров ста до берега, на пароме между коровами произошла какая-то толчея, затрещали перила, паром накренился, и большая часть коров оказалась за бортом. Туда последовали бы и остальные, но катерок совершил удачный маневр: дернул баржу под прямым углом, она плюхнулась днищем, покачалась и успокоилась, К моему удивлению, большинство животных благополучно достигли берега.

Как обеспечить переправу? Еще на марше под Талдомом меня догнал связной от Аксючица с приказанием подготовить к взрыву Иваньковскую плотину, сдерживающую огромную массу воды Московского моря. И не просто взорвать, а еще при необходимости пропустить по ней свои войска и взорвать перед носом противника. Строго приказывали, что, если плотина не будет взорвана или будет взорвана так рано, что водяной вал будет сносить все на своем пути ниже плотины, с меня спросят особо. А единственная связь с плотиной — ненадежный в условиях бомбежки телефон из Кимр. Пришлось отрядить туда лучшую роту во главе с самим комбатом.

Наконец я перебрался в Кимры и попал в кабинет секретаря райкома. Народу много, все спешат, у каждого что-то свое, самое важное: списки ополченцев, формирование партизанских отрядов, питание и устройство беженцев, временное размещение и кормежка эвакуируемого скота... Но вот секретарем завладел я. Толковали долго, и не зря. Выяснилось, что от Иваньковской плотины идет еще один, последний маленький, но все же пароходик. Наметили, как и кому провести конфискацию личных лодок в прибрежных деревнях, из каких конкретно деревянных домов выселить людей и когда эти дома разбирать.

Но жизнь перечеркнула все, над чем мы ломали голову с людьми из райкома партии. Вернулся ночью в Титово, а там ждало новое распоряжение. Резко ухудшилось положение дел в районе Волоколамск — Можайск, и потому мне приказывалось передать другому подразделению все, что уже сделано по подготовке к взрыву Иваньковской плотины, и по тревоге, сняв батальоны из-под Кимр, форсированным маршем

направиться в район города Истры. Самому же прибыть туда для получения задачи немедленно. Да, всем составом и немедленно. А этот «состав» и к Кимрам-то еще не весь собрался, растянулся по осенней грязи. Форсированным. А был ли не форсированным хоть один марш после 22 июня? Но приказ есть приказ. Нарочным сообщил о нем в райком в Кимры, выслал связного на Иваньковскую плотину, приказал сниматься, послал завернуть те подразделения, что еще были в пути. А путь немалый, двести километров с гаком.

Штаб участка от Титова до Талдома ехал на грузовой машине. Я сидел в кабине, зажав автомат меж колен. После бессонных ночей как-то быстро укачало, и я задремал. И вот здесь произошел конфуз: на очередной колдобине машину так подбросило, что автомат, ударившись прикладом о пол, сработал — прострекотала длинная автоматная очередь, и пули прошли в нескольких сантиметрах от моего носа, изрешетив крышу кабины. Из кузова выскочили несколько командиров.

— Что случилось?

— Ничего,— не открывая дверцы, пояснил шофер,— вздремнул начальник...

В Талдоме, отправив штаб вперед, задержался на несколько часов — встретил капитана Ильенкова с гружеными машинами и еще какими-то нарядами на Талдомский район. Спросил его, что привез, но он как-то засмущался, потом ответил, что одна машина полна зимнего обмундирования на полный состав штаба и с запасом, а во втором курево, шоколад, печенье. Я потребовал объяснений. Это было утром 18 октября 1941 года, а накануне было оказавшееся роковым 17 октября.

В силу сложившихся на фронте обстоятельств правительство эвакуировалось из столицы. Ставка и лично И. В. Сталин оставались в Москве. Были эвакуированы многие предприятия, остальные работали на нужды фронта по 10—12 часов в смену, а при срочных заказах фронта люди не отходили от станков вообще и даже спали возле них, часок-другой,— и опять за работу. Местами вспыхнула короткая, но, правда, быстро потухшая паника. Ильенков докладывал, что в городе тем не менее неразбериха: на одних складах

замки и даже охрана, а на других ворота настежь, начальство куда-то делось, бери что хочешь. Вот с таких складов он и догрузил вторую машину — не гнать же порожняком.

Приказал немедленно тут же, на марше, содержимое второй машины раздать по батальонам и предупредил своего бравого капитана, что, несмотря на все его достоинства, а их у него действительно немало, если бы подобное произошло не 17 октября, а в другой день, не миновать ему трибунала.

Обогнав все свои подразделения под Москвой, я решил спрямить дорогу и поехал не по Волоколамскому шоссе с самого его начала, а по дороге от Химок на Гаретовку. Пошел крупный слепящий снег с метелью, который быстро покрыл землю и сровнял кюветы с проезжей частью. Сам сел за руль, шофер подремывал рядом. Проплутав часа два по незнакомым, занесенным снегом дорогам и не найдя управления в районе Еремеева, я тоже задремал за рулем и проснулся с шофером от толчка, когда пикап уже сполз в глубокий кювет. Пробуксовав без толку с полчаса, решили ждать: может быть, пойдет какой грузовик и вытащит. Часа в два ночи сквозь снегопад тускло мелькнули фары какой-то машины и вновь погасли: война есть война, хотя и снегопад. И опять нет-нет да и мигнет. Оказалось, это полуторка, посланная Аксючицем специально для того, чтобы разыскать нас. Управление уже перебралось из Еремеева в Истру. Машина была с цепями и помогла нам выбраться из кювета. Следуя за ней, мы скоро оказались в Истре.

Поздней ночью 20 октября я вошел в домик на главной улице, где застал, кроме Аксючица, еще и генерала Воробьева и его комиссара Журавлева. Здесь же был и Меренков. Я доложил о состоянии батальонов и об их примерном положении сейчас — ни один батальон в Истру пока еще не прибыл.

Генерал выслушал молча, подвел меня за локоть к разостланной на столе карте.

— Дела, парень, плохи. Немец прет на Волоколамск, а Волоколамское шоссе — вот оно, за окном, у палисадника. Одновременно он наносит сильный удар и вот сюда, на Калинин, севернее, но это другое, сейчас не о том речь. Справа от Истры в получасе езды

Истринское водохранилище. Плотину, вероятно, если дойдет дело до этого, будем взрывать, но не твои, а другие части Аксючица. Говорю об этом, чтобы предвидел возможность водяного вала и внезапного резкого подъема воды в Истре. Как видишь, Волоколамское шоссе — прямая дорога на Москву, танкам часполтора ходу. Если фронт докатится до Истры, а предвидеть нужно всякое, то и одному танку к городу прорваться удастся, это не исключено. И хотя его там, безусловно, уничтожат, но сколько поводов для паники и международной политической трескотни! И еще: в ходе боя может случиться так, что все проходы в минных полях и в ежах не успеют перекрыть. Следовательно, нужны запасные позиции, особенно вдоль шоссе, для перехвата прорвавшегося противника.

— Так вот, инженерное обеспечение всего истринского узла,— генерал накрыл ладонью Истру и пригороды,— со всей ответственностью возлагается на тебя. Мы посоветовались с Аксючицем и остановились на тебе. Для усиления из резерва придается отличный кадровый восемнадцатый прожекторный батальон, полностью укомплектованный. Вооружение, вплоть до большого количества пулеметов, автотранспорт, прожекторы для ведения ночного боя — все есть. Используешь его по своему усмотрению. Если будет мало минеров, подготовишь. Боишься или нет, не спрашиваю. Теперь смотри сюда, на карту,— продолжал генерал Воробьев.— В Истре сходятся три реки и пять дорог, одна из которых на Москву. Вокруг городка много мостов. Непосредственно вход в город закрывает Новиерусалимский монастырь. Советую подумать: может быть, подготовку монастыря к бою поручить восемнадцатому батальону, и если, не дай бог, придется самим за Истру драться, то и оборону монастыря как крепости тоже оставить за ним? Но это в порядке совета, освоишься на рубеже, сам решишь.

Дальше. Подготовить к взрыву все истринские мосты, шоссе в выемках и на гребнях, в узких местах, объезды густо заминировать. При отходе рвать железную дорогу от Волоколамска на Москву. Если там окажутся железнодорожные войска или отряды путейцев, действовать совместно. Плотно минировать берега в районе взрываемых мостов. Минировать подхо-

ды к возможным переправам и бродам. На всех взрывных заграждениях проходы охранять круглосуточно. Через заграждения и мосты при отходе пропускать наши войска и только потом под носом у противника рвать их и перекрывать проходы. Если преждевременным взрывом отрежете пути своим войскам, будете отвечать головой. На каждый мост, кроме подрывников, поставить по одному-два надежных командира, которым доверяете, как себе, ибо отвечать все равно вам с комиссаром. Если на рубеж Истры вырвется противник, а наших войск здесь не окажется, принять бой как пехоте, ни одного шага назад: за спиной — Москва. Если крайний случай, то организованный отход только по приказу.

Но и это не все. Провести рекогносцировку рубежей и максимально оборудовать их для боя. Схему рубежей согласовать с фронтом сейчас же. Взрывчатка, мины, проволока, железобетонные колпаки уже идут к вам на транспорте фронта, организуйте его встречу и разгрузку. Перехват ваших людей на марше и доставка их сюда организованы также машинами фронта и управления. К утру все, в том числе и прожекторный батальон, должны быть на месте. Что еще? По обстановке, можете встретиться с действующими западнее Москвы частями Шестнадцатой и Пятой армий, ну, да здесь жизнь многое может изменить.

— Какие вопросы, Чернов? — спросил в конце генерал.— Ладно, разберешься, вопросы будут, тогда все с Аксючицем решишь, остаешься в составе его управления. Да, не забудь: в Волоколамске на станционных путях стоят три платформы с железобетонными колпаками, постарайся перегнать их сюда.

К концу октября на фронте стало потише. Противник, видимо, вымотался и накапливал силы. Наши войска перешли к активной обороне, стояли насмерть, хотя резервов почти не получали. Третья декада октября и начало ноября проходили примерно так, как говорил генерал Воробьев. Немцы овладели Волоколамском и Можайском, нависла угроза над Москвой. Мои батальоны растянулись почти на пятьдесят километров: от Ново-Петровского через Истру на Манихино, чуть ли не до Павловской слободы. При-

шлось вспомнить и коня и седло: по рубежам на машине особо не проедешь. Основательно холодало, наступала морозная зима. Был получен приказ, в том числе и нашему отряду: в случае отхода сжигать и разрушать все, что может послужить врагу укрытием от холода, ветра, снега и русского мороза. 18-й прожекторный батальон встал в огромном Новоиерусалимском монастыре и готовил его к обороне.

Продолжались бомбежки дорог, схватки на передовой, вокруг появлялись все новые братские и одиночные могилы. Сказывалась дикая усталость — по нескольку суток без сна в предельном напряжении, боль потери тех, с кем так много пройдено, или тех, кто прибыл на фронт недавно, но с кем пару часов назад вместе курил махру, а сейчас положил на его холмик пробитую каску. После войны будет обнародовано, что двадцать миллионов своих сыновей и дочерей отдала войне Родина. Двадцать. Примерно двадцать. А если точнее? Но кто подсчитает? И главное, как? Народ будет вечно помнить павших, будут достойные великие и малые мемориалы, будут любовно ухоженные могилы. Но останутся и безвестные. А если тебя убило и засыпало в окопе? Или сразила пуля в лесу, в кустах, в камышах, в болоте, в воде, и фронт пронесся над тобой? Добросовестность писарей и старшин в подразделениях? А если вслед за тобой через полчаса и их не стало вместе со всем их писарским хозяйством? Нет, не подсчитать точно. Страшные, незабываемые потери страшной, незабываемой войны.

Надо было перегнать из Волоколамска платформы с железобетонными колпаками, но западнее станции Ново-Иерусалимская поезда не ходят, проводная связь порвана бомбежками и не работает. Пришлось самому ехать в Волоколамск машиной. Поездка — как обычная поездка того времени: крути головой, следи за небом, хочешь жить, учись вертеться, иначе попадешь под фашистскую бомбу или скосит пулеметная очередь с самолета. Во время поездки хотел одновременно проверить, как подразделения, стоящие вдоль шоссе и железной дороги, выполняют задания, и заскочить в штаб армии.

Проехали полосу госпиталей и других органов тыла армии и дивизий, пошли разрывы немецких снарядов, довольно точно укладываемых противником по бокам шоссе, осталась позади и наша дивизионная артиллерия. Здесь уже фронт, настоящий, и некогда особенно размышлять, что определила тебе судьба на сегодняшний день и будет ли у тебя день завтрашний. Страшно ли сейчас? Да, страшно. И если кто-то скажет когда-нибудь, что он на фронте был отчаянно смел и не боялся ни бога, ни черта, ни смерти, поправьте такого болтуна. Смелый человек тот, который, зажав в кулак свой страх, не теряет рассудка, способен реально оценить происходящее вокруг, и если нужно посмотреть смерти в глаза, он заглянет в них, выполняя свой долг. А страшно ли такому? Да, страшно. Все хотят выжить, а не погибнуть.

Однако куда же меня несет? Автоматная и пулеметная стрельба, пули — вжик, вжик. Выскочив из окопчика, пригнувшись к земле с наганом в руке, выскочил на шоссе лейтенант и жестом показал нам немедленный разворот. Завизжали тормоза, пикап встал поперек шоссе. Не убирая нагана, лейтенант, все так же пригибаясь, подбежал к машине с криком:

— Куда вас, черт возьми, несет? Немец по ту сторону высотки, всего метров триста — четыреста!

Наверно, я тогда в глазах лейтенанта выглядел дураком или кем-то в этом роде, потому что заявил ему, что мне надо в Волоколамск.

— Товарищ капитан,— уже более вежливо сказал он,— противник на обратном скате, мы только пару часов как сбросили его отсюда. Немедленно разворачивайтесь и уезжайте, в Волоколамске немцы. Еще бы метров сто — и вы со своей машиной перед немцами, как на ладошке.

Будто в подтверждение его слов, фашисты открыли минометный огонь по нашему скату, и, поблагодарив лейтенанта, мы покатили обратно. Когда выскочили из-под обстрела, шофер заметил:

— Бывают в жизни злые шутки!

— С дураками в особенности,— самокритично добавил я.

Отъехав несколько километров, свернули на крошечный железнодорожный разъезд. Там ни души, в полуразрушенных домах тоже, часть путей раскуро-

чена воронками. В дежурке с выбитыми окнами нашли железнодорожника. Пожилой, сгорбленный, он сидел за грязным столом и грел руки о жестяной чайник, не обращая на нас внимания. Попросил его соединить по селектору с Ново-Иерусалимской, но дежурный невозмутимо ответил, что с ней связи нет, все провода порваны. На мой вопрос, кто еще на станции, железнодорожник ответил, что, кроме него, одна собака и три кошки, остальные — кто убит, кто эвакуирован. Ему приказано сидеть здесь и уходить только с последней пехотой или когда саперы будут пути рвать: вот он и сидит и размышляет, как ее узнаешь, пехоту, последняя она или нет, да и вообще, будет она отходить через разъезд или пройдет стороной. На мое замечание, что пока ни саперы, ни пехота к Истре не проходили, дежурный, не выпуская спасительно греющего руки чайника, ответил, что много здесь всего проходило за это время, да только вот меня с шофером не хватало, что и мы тоже покрутимся здесь и укатим, а ему сидеть и ждать, с кем смерть принимать будет.

Попросил закурить, поблагодарил, стал чуть мягче. Еще раз повторил, что с Истрой связи нет, а вот с Волоколамском еще действует, но там немцы. Может, соединить? И хитровато посмотрел на меня. Соединились. Волоколамск ответил сразу. Кто-то спросил по-русски, какого черта надо. Я рассказал о своих платформах с колпаками, мне подтвердили, что они стоят на путях, и пригласили приехать, даже обещали маневровый паровоз. Но в конце разговора я отчетливо услышал немецкую речь. На мой вопрос, откуда немецкая речь, мне уже не ответили, Волоколамск замолчал.

В той стороне прогрохотало несколько взрывов, и к разъезду подкатила ручная дрезина. Пока перетаскивали ее на уцелевший путь, выяснилось, что это прибыли саперы, которые должны подрывать пути, и с ними двое из железнодорожной охраны. Саперы сообщили, что командир стрелкового батальона приказал им взрывать фугасы до разъезда и отходить, поскольку и он вскоре тоже будет отводить батальон за разъезд. Я рекомендовал дежурному уехать вместе с саперами, уничтожив аппарат связи. Повторять приказание не пришлось.

В одной из деревень нашел только что прибывший туда штаб армии. На крыльце хаты, на голову выше часового, стоял командарм К. К. Рокоссовский. Лучшего источника информации нечего было искать, да и представиться командарму, в полосе которого я действовал, следовало. Остановив машину, я доложил о целях посещения командного пункта. Рокоссовский поздоровался и пригласил пройти в дом. Он знал, что в его полосе действует такой саперный отряд, и спросил, как дела. Как можно короче я сообщил о состоянии на рубежах и о ходе минных работ. Как-то вышло так, что рассказал и о сегодняшней поездке, и о телефонном разговоре с Волоколамском. При этом Рокоссовский искренне рассмеялся:

— Ну, инженер, вам, наверное, жить надоело. Нельзя же так бесшабашно! Ладно, обошлось, и то хорошо. А делаете вы очень нужное дело. Только смотрите, чтобы люди на своих же минах не подрывались. Охранение минных полей, охранение и еще раз охранение!

Я сказал о том, что у меня еще одна задача: если немец прорвется к Истре, действовать как пехоте, и попросил его познакомить с общей обстановкой на нашем направлении.

Генерал Рокоссовский заговорил неторопливо, както очень убедительно и вместе с тем коротко:

— Что же, обстановка военная, а вообще сложная. Фронт растянут. На всех оперативных направлениях к Москве противник оказывает упорный нажим; с трудом, но держим фронт. Нашей Шестнадцатой тяжеленько: в ходе боев приходится получать и осваивать новые части, своих мы много потеряли в районе Вязьмы. Вот уже и такой маленький городок, как Истра, немцы бомбить стали. Если случаем дело дойдет до Истры, держите связь с командиром дивизии, которая там окажется. Если вам действительно придется драться как пехоте, то до армии и фронта и вашего начальства далеко, а решения придется принимать сразу, на месте. Как настроение в ваших батальонах и у населения? Ведь на рубежах, наверно, и население работает?

Я подтвердил, что только в Истринском районе на рубежах работает более десяти тысяч человек из местных, а что касается настроения красноармейцев и

командного состава, то и усталость тяжелая чувствуется, и видно, как все больше нарастает ненависть к врагу, но вершат свои дела самоотверженно, не считаясь с усталостью, и, что особенно ценно, если в начале войны видны были проявления уныния, то теперь, когда убедились, что фашистов бить можно, растет уверенность в победе. Политсостав в батальонах хороший, да и комиссар у меня что надо.

К 30 октября продвижение немцев к Москве почти прекратилось по всему Западному фронту, но общая напряженность не спадала. Вышестоящие штабы откатились еще ближе к столице. Не только мы возводили рубежи, но и какие-то другие саперные части, руководя местным населением, у нас за спиной, в самой Москве, в начале Волоколамского и Ленинградского шоссе. Да и вообще в этом районе города вели оборонительные работы, а в некоторых местах даже возводили баррикады. Фронт в конце октября находился где-то на линии Тургиново — Волоколамск — Дорохово.

Москва обезлюдела, остались главным образом те, чья работа непосредственно связана с обслуживанием фронта. Город под снегом суров, в комендантский час движение по улицам только по пропускам, действует введенное правительством осадное положение. Мне приказали снять один батальон и поставить в северо-западной части города для подготовки взрыва заводов, в первую очередь авиационного. Стало еще труднее, приходилось мотаться между Истрой и Москвой: один батальон в монастыре, другой на рубеже и охране минных полей и подготовленных к взрыву мостов и дорог, третий в самой Москве. Поставил штаб в Высокове, что в километрах четырех-пяти восточнее Истры; штаб Аксючица в районе Павшина, совсем под городом. Немцы то активно, всеми силами, то одиночными машинами не прекращали попыток бомбить Москву, не забывали самолеты и мосты в районе Истры. А тут еще дополнительное распоряжение: проверить грузоподъемность уже заминированных мостов и усилить ее там, где необходимо, для пропуска наших тяжелых танков. Много работы в штабе: приходят офицеры связи, командиры частей,

танковых бригад, все требуют схемы минных полей района, наших командиров для пропуска частей через поля; круглыми сутками размножаются схемы минирования. И нельзя ошибиться ни на йоту, иначе катастрофа.

Встала ранняя зима. Встала крепко, по-настоящему, с хорошими морозами и обильным снегом. Ночью движение без света, а на дорогах все бело, все сливается.

Вызвал к себе Аксючиц. Верст десять проехали, под немецкий самолет попали. Только отделались, как уперлись в хвост широченного танка КВ — тот в Москву на ремонт потихоньку шел и сигналов наших, конечно, за собственным грохотом не слышал. Никак обогнать нельзя. Проползли несколько километров, на повороте дороги танк стал прижиматься к правому кювету, и мой шофер дал газу, обходя его слева. Это ему почти удалось, но танк вдруг рванулся влево, спихнул нас в заснеженный кювет и тут же подмял легковушку гусеницами, только треск пошел, и потащил за собой. Я навалился на шофера, тот к левой дверце, а она не открывается — боком кювета ее зажало. Вот-вот гусеницы танка меня под себя подбирать будут. Кричу: «Свет!» Шофер включил полный свет, танк моментально остановился. Ну, слава тебе господи, живы. Вылезли танкисты, нас вытащили. Посидели вместе, покурили. Шофер остался ждать при искалеченной легковушке, танк пополз дальше, а я пошел пешком за другой машиной.

Как и предвиделось, относительное затишье на фронте оказалось коротким. Прошли дни празднования годовщины Октябрьской революции — парад на Красной площади, торжественное заседание на станции метро «Маяковская».

16 ноября, продолжая свою широко разрекламированную и провалившуюся операцию «Тайфун», подтянув подкрепление, гитлеровцы вновь перешли в наступление. Пошатнулся фронт и медленно попятился к Москве.

Непосредственное направление на Истру с первых

чисел ноября прикрывала 78-я стрелковая дивизия под командованием полковника Белобородова, переброшенная с Дальнего Востока, и где-то правее — 18-я дивизия генерала Чернышева. Медленно в полном порядке части отходили на заранее подготовленные нами и уже занятые артиллерией позиции. 78-я дивизия противостояла трем наступавшим на нее дивизиям противника. Она ни разу не оставила позиций без приказа свыше и за массовый героизм была удостоена гвардейского звания, а ее командиру полковнику Белобородову было присвоено звание генерала. В дивизии об этом узнали утром 27 ноября во время тяжелейших боев на Волоколамском шоссе.

Начав наступление из-под Волоколамска, противник бросил в бой четыреста танков, опять закружили в воздухе, получая достойный отпор наших истребителей и зениток с земли, фашистские стервятники, бомбя дороги, позиции, запасные рубежи, прорываясь сквозь огонь и аэростаты воздушного заграждения к самой Москве. В один из дней, будучи вызван, я попал в столицу как раз во время такого налета. Продолжался он недолго, и уже был дан отбой воздушной тревоги, как откуда-то со страшной высоты вынырнули несколько бомбардировщиков противника и, пикируя, сбросили бомбы. Одна тяжелая бомба на моих глазах попала в левое крыло здания Центрального Комитета партии. Говорили, что эти же самолеты сбросили бомбы на Большой театр, Кремль и здание наркомата на площади Дзержинского, но, правда, существенного вреда не принесли.

22 ноября немцы вступили на территорию Истринского района. Саперы моего отряда, которые еще оставались здесь, помогали стрелковым, танковым и артиллерийским частям вместе с их дивизионными и полковыми саперами взрывать мосты и дороги, дежурили на минных полях, пропуская свои войска, дрались, как пехота. 18-й прожекторный батальон полностью оборонял Новоиерусалимский монастырь, превращенный в крепость...

Сверху категорически подтвердили: при отходе по приказу не оставлять противнику ни одной крыши, ничего, кроме тридцатиградусного русского мороза. Горели деревни — их жгла авиация, жгли немцы артогнем, жгли мы при отходе, жгло, уходя, само насе-

ление, покидая их вместе с последними частями Красной Армии. Шел тяжелый смертельный бой. Многое пришлось взорвать и моему отряду: мосты, плотину на Истре и фабрику в районе Ивановского (станция Манихино), совхозы, санатории, при этом в районе Снегири — Рождествено удалось заманить немцев в дом отдыха, и, убедившись, что набралось их туда порядочно, мы взорвали корпус вместе с ними. Так было нужно. Шла война.

Неудачно произошел взрыв плотины Истринского водохранилища. Как и говорил в октябре генерал Воробьев, этот взрыв готовили другие саперные части, но эффект от него оказался недостаточным, и вода в реке поднялась значительно менее ожидаемого. При нашем наступлении в декабре это усложнило задачу: немцы дополнительно взорвали плотину, и уровень воды в Истре резко поднялся, что доставило дивизии Белобородова да и ряду других большие неприятности.

Как самая тяжелая из ночей того периода запомнилась ночь с 25 на 26 ноября. Шел уличный бой за город Истру. Полукольцом взял его враг, назревало окружение. Каждый сапер, выполнив свое задание, отходил, чтобы где-то за Истрой снова вгрызться в мерзлую землю. В Снегири по приказу Аксючица ушел мой штаб.

Откатилась на Истру с боем дивизия, а сменить в монастыре прожекторный батальон сил нет, и противник замкнул кольцо вокруг монастыря. Правда, был перешеек перед главными монастырскими воротами, но всего-то метров триста — четыреста, и простреливался он насквозь.

В сумерки завязались бои уже в самой горящей Истре. Что-то надо было решать с прожекторным батальоном: чем дальше тянуть, тем труднее будет вызволить его из монастыря.

В дымно-огненных всполохах наступающей ночи вдвоем с водителем сидим в пикапе на восточной стороне города за стеной какого-то каменного сарая. Вокруг рвутся немецкие мины, торчать здесь больше нечего, бой все сильней. Приказал шоферу: полный вперед — в город, туда, где напротив монастырских

ворот в подвале каменной школы расположился командный пункт 78-й или 18-й дивизии, не помню. Шофер, видно, вспомнил Владимировку, и машина бросилась в горящую улицу. Только проскочили домик Чехова, как хлестнули слева и остались позади автоматные очереди. На предельной скорости мчался пикап в море пламени, пуль, осколков, черного дыма и смерти. Выскочили к кирпичной школе, что-то рвануло по крыше кабины, с ходу развернулись и прижались к тыльной стене здания.

Перешагивая через спящих на лестнице, спустились в подвал. Похоже, что здесь смешались командные пункты всех рангов, несколько телефонистов сидели с аппаратами. Дымно, на столе три светильника из артиллерийских гильз. В середине стола над картой склонился коренастый полковник и кому-то жестко приказывает в телефон: «Держать, говорю! Ни шагу! Держать! Нечем помочь, но без приказа — ни шагу назад!» Положил трубку и, увидев меня, спросил, как я здесь очутился. Узнав, что машиной, обругал бешеным чертом и спросил, зачем приехал. Я сказал, что прибыл узнать обстановку и судьбу прожекторного батальона.

— Сам с улицы, а меня спрашиваешь. Дела так, как и на улице,— ответил полковник,— плоховато. И батальон твой отрезан. А жалко, батальон прекрасный, дерутся отлично. Не беспокойся, батальон не бросим.— И, повернувшись к одному из командиров, приказал быстро организовать небольшую группу разведчиков, чтобы пробиться в монастырь и передать приказание покинуть его.— Собери, что сможешь,— обратился он к другому,— организуй поддержку прожектористам, когда будут выходить.

О ракетах договорились: на выход — две зеленые одновременно. Связь не работает, повреждена.

Когда у школы рвался снаряд покрупнее, подвал вздрагивал, мигали коптилки и с потолка сыпалась побелка.

Полковник, только меняя трубки, не отрывался от телефона: кого-то просил, величая «голубчиком», кому-то приказывал, кого-то нещадно ругал; одновременно выслушивал тех, кто докладывал ему здесь, в подвале, и, слегка прикрывая на секунду трубку ладонью, отдавал короткие распоряжения. Если какой-

то телефон не отвечал, из подвала бросался связист искать обрыв. Бой на улице не стихал, немцы просачивались в кварталы и брали Истру в клещи, обходя ее с севера и с юга.

— Да, да! — кричал кому-то в трубку полковник.— Прожекторный батальон из монастыря выводить буду, дай сейчас на две-три минуты сильного огня, да поплотнее, по спуску от меня к монастырю. За твоим огнем пойдут на связь с батальоном разведчики, так что прекращай огонь сразу, а то своим дашь... Нет, потом, когда будут выходить, сбойдемся без тебя, сами отсюда поможем.

С лестницы поднялся огромный детина в чумазом маскхалате:

— По вашему приказанию, товарищ полковник!

— Сейчас дадут артогня по спуску к монастырю специально для вас. Возьми несколько своих ребят, задача — пробиться в монастырь, передать комбату прожекторного приказ немедленно с боем выводить батальон. Мы со своей стороны поддержим; сигнал, как оговорено,— две зеленые ракеты одновременно.— И ко мне: — Что добавишь? Я отсюда скоро снимусь, жду, пока подадут связь на новый пункт.

Я передал приказание — прожектористам как можно быстрее вырваться из Истры и выходить с батальоном в район Снегирей. Разведчики ушли, и почти тут же на спуске к монастырю загрохотали разрывы снарядов — била наша артиллерия.

После артналета я не выдержал и поднялся наружу, но едва высунулся из-за школы, как меня положили автоматным огнем. Упал на землю, пятясь, отполз за школу и залег, высунув только голову. Разведчики как будто растворились в ночи. Минут через двадцать над монастырем одновременно взвились две ярко-зеленые ракеты, усилился наш пулеметный огонь. Было заметно, как из монастыря, то пригибаясь, то ложась, потекли прожектористы, и одновременно слева и справа от школы им навстречу поднялась и с криком «ура» побежала цепочка нашей пехоты. Немцы перенесли часть огня и на нее.

В подвал бегом скатился лейтенант, сообщил, что батальон покинул монастырь, понес большие потери и следует в район Снегирей.

Вошел гигант в маскхалате и доложил о выпол-

нении задания и о потерях: двое убитых, трое раненых. Кто был этот гигант, я так и не узнал,— не свела нас больше война.

— Ну, сапер, свободен,— сказал полковник,— сейчас и мы потихоньку отходить будем. Получен приказ.

Просевший под весом шестерых раненых пикап заметался по переулкам и огородам к выходу на восток. Деревянный городок горел, повсюду стреляли. Это было под утро 26 ноября. Наши войска оставили Истру. В тот же день мне исполнилось 28 лет.

Привезли в Снегири стонущего от боли и слепоты капитана Павла Янголенко. Он отвечал за сохранение почти нового усиленного танкопроходимого моста через Истру южнее станции Манихино. Вчера еще был у него: все подготовлено отлично, вплоть до минирования берегов слева и справа и запаса мин для перекрытия самой дороги в месте ее непосредственного примыкания к мосту. Но наши части не вышли туда, а отступили стороной, что выяснилось позже. И вот на высоком берегу Ивановского в нескольких сотнях метров от моста появились немецкие танки и открыли огонь. Янголенко бросился к подрывной машинке, но взрыва не последовало: видимо, огнем повредило проводку.

— Мины на мост! — крикнул капитан находившимся с ним трем саперам и первым потащил на крайний пролет несколько противотанковых мин.

Увидев это, немцы усилили огонь. Янголенко метнул в кучу мин, лежащих на пролете, противотанковую гранату, от взрыва сработали остальные заряды, и весь мост взлетел в воздух. Янголенко отбросило в сторону и обожгло лицо и глаза. К счастью, с помощью наших медиков, а также благодаря силе воли самого капитана вскоре он был в строю.

А фронт все накатывался на Москву, медленно, рывками, но полз. Отходили, выполняя свою задачу, и саперы. На Волоколамском шоссе оставался один наш батальон, второй был в городе на минировании и охране заводов, 18-й прожекторный еще на марше от Истры к Снегирям был выведен в резерв фронта на доукомплектование.

Еще более посуровели Москва и Подмосковье. Правда, Ставка в Москве, и поговаривали, что однаж-

ды сам Сталин выезжал к фронту. Под Москву и на ее окраины стали прибывать все новые части, но, как бы растворяясь где-то, к фронту не шли.

Меня вызвал Аксючиц и сообщил, что немцы взяли Снегири, но уперлись на Волоколамском шоссе в районе Ленина, там их держит 78-я, а теперь уже 9-я гвардейская, дивизия. Я знал это, так как мост в Ленине взорвали мои саперы. Затем Аксючиц попросил всех оставить нас вдвоем.

Когда люди вышли, он приказал мне все минные поля и другие заграждения вдоль Волоколамского шоссе передать другим частям, а свои поредевшие силенки сосредоточить на подготовке к взрыву заводов, городских коммуникаций и крупных зданий в районе развилки Волоколамского и Ленинградского шоссе. Одновременно рекогносцировать в этом районе все улицы, переулки, дворы, уже созданные баррикады и формированно готовить их для уличного боя. Война есть война, и если немцы и прорвутся в пригороды Москвы, столица должна продолжать жить и активно сражаться. «Если такое вдруг случится,— предупредил Аксючиц,— то ты со своими саперами останешься в Москве и будешь сражаться и инженерными средствами, и огнем. Сражаться до последнего патрона в пистолете». И строго предупредил, что об этом в управлении знают только он, комиссар и я. Рекомендовал подзапастись боеприпасами и продовольствием и эвакуировать в Собинку, под Владимир, семьи командиров-москвичей, если таковые застряли в Москве.

Я спросил: чье решение оставить в Москве именно мой отряд — лично его или свыше? Аксючиц нахмурился: какое это имеет значение? Я ответил, что если это его решение, то не даст ли он мне рекомендацию в партию. Аксючиц сказал, что я могу считать, что эту рекомендацию уже получил. И добавил:

— Твой наградной лист на Янголенко мы с комиссаром подписали. Подписали и представление тебя к награждению орденом.

Это было для меня так неожиданно — ведь шел только первый год войны,— что я растерянно спросил: а за что меня? Аксючиц ответил, что за все, за Подмосковье в особенности.

К великой радости, не пришлось мне оставаться в Москве. Шестого декабря по всему фронту от Кали-

нина до Ельца Красная Армия перешла в решительное наступление. Стало ясно, для чего придерживали прибывающие в Подмосковье резервы. Оставляя трупы и раненых, бросая технику и обозы, противник, огрызаясь, откатывался на запад. 11 декабря была освобождена Истра, и немцы продолжали отходить за Волоколамск. От Истры остались два искореженных кирпичных здания справа от дороги да в центре один дом с разбитой крышей и зеленый дощатый киоск.

Части управления Аксючица шли непосредственно за войсками, а также вместе с ними: восстанавливали мосты, обезвреживали фугасы и другие «сюрпризы» противника.

Как-то остановился я за Ново-Иерусалимской у немецкого кладбища, насчитал сто двадцать семь березовых крестов над могилами. Подошел местный старик — краше в гроб кладут,— попросил что-нибудь поесть и покурить. Шофер достал из-под сиденья все, что там было, и отдал деду. Дед плакал от радости встречи с нами, крупные слезы исчезали и намерзали в его спутанной бороде. И у меня перехватило горло. Спросили старика: откуда он? Тот ответил, что здешний, из бывшего до войны Лучинского. Я поинтересовался, что это за кладбище у немцев. Свозили их сюда, что ли?

— Зачем свозить? — удивился дед.— Свои, здешние. Вон на том минном поле, что сейчас нашими саперами огорожено, головы сложили. Наши его еще в октябре и ноябре ставили. Мост-то на воздух взлетел, а фрицы на машинах и бронетранспортерах давай по дорогам искать объезды да броды. Ну, вот и нашли на веки вечные. Да и вытаскивать трупы с минного поля нас, собаки, заставляли.

Уже в машине вспомнил, что еще в октябре мы наметили это минное поле.

Во второй половине декабря встал своим штабом в Холщевниках, чудом уцелевшей деревушке, притаившейся за лесочком совсем рядом с Волоколамским шоссе, по которому дважды — к Москве и обратно — прокатились ожесточенные бои. А Холщевники стоят, будто и не было войны, и напоминают небогатую усадьбу прошлого века: сохранился даже без единого выбитого стекла деревянный барский особнячок в два этажа, типа чеховского дома с мезонином, сад и не-

сколько вытянувшихся в короткую улицу крестьянских домишек.

Не успели там расположиться, как с нарочным и квартирьерами доставили распоряжение Аксючица: мне не отлучаться, ждать прибытия в Холщевники самого управления и помочь в его размещении.

Отдал под управление особняк, но через полчаса занявшие его квартирьеры опрокинули на пол лампу. Рядом оказался бочонок с бензином, и деревянный дом, как свеча, вспыхнул в ночи ярким пламенем. Через полтора часа от него ничего не осталось. Жалко стало этот маленький, выдержавший войну кусочек далекой русской старины.

Под утро прибыло управление во главе с нашим как-то непривычно, по-радостному возбужденным подполковником. Аксючиц приказал мне немедленно вызвать начальников отделов управления, командиров батальонов с начальниками штабов и, не дожидаясь утра, готовить документацию по переформированию управления в 31-ю инженерно-саперную бригаду фронтового подчинения. Приказ об этом Аксючиц привез с собой. Он назначался командиром бригады, старший батальонный комиссар Семенов — комиссаром бригады, ставший военинженером первого ранга Меренков — заместителем командира, начальником штаба бригады назначался я, а комиссаром штаба — батальонный комиссар Кислов.

Стало радостно за Аксючица: он оказался прав, жизнь заставила понять, что в такой войне без мобильных саперных соединений не обойтись. Узнал также, что формируется целая саперная армия и наша бригада входит в ее состав.

Нам было немного обидно: почти с первых дней войны воевавшая, сколоченная, обстрелянная отдельная инженерная бригада вдруг стала по счету какой-то тридцать первой. Конечно, подумаешь, какая ерунда — номер, а все-таки...

В последних числах декабря нас вывели под Москву, в Барвиху, на доукомплектование, и уже в канун Нового года бригада формированно проследовала в район Калуга — Юхнов, где фашисты цеплялись за каждый рубеж.

В Калуге меня приняли в партию...

Бригаду поставили на разминирование самого го-

рода, а также на разминирование, очистку и содержание занесенной снегом дороги Калуга — Юхнов. Штаб бригады разместился в относительно уцелевшем селе Утешево, на полдороге между двумя городами, откуда часто приходилось выезжать к переднему краю, в район боев за Юхнов.

В Утешеве мне вручили мой первый орден — за Подмосковье.

Весной Аксючица отозвали от нас с повышением. Расставались тяжело. Он обнял меня, тряхнул за плечи и как-то особенно тепло сказал: «Ну, желаю успехов! Считай, что фронтовую «академию» ты успешно закончил».

Бригаду принял военинженер 1-го ранга Данилов, мягкий, интеллигентный человек, но совершенно нестроевой командир. Фронтовая «академия» академией, но вскоре меня послали под Звенигород на трехмесячные курсы усовершенствования командного состава: кому-то из кадровиков, видимо, захотелось, чтобы у меня в личном деле была подшита бумажка хоть о каком-то командирском образовании. На курсах была смертельная скучища, поскольку все подавалось на уровне подготовки командира взвода и как-то бестолково. На мое счастье, через две недели инспектировать курсы приехал сам начинжфронта генерал Воробьев и, узнав меня в строю, рассвирепел: «Какой дурак его сюда прислал? А вы, начальник курсов, куда смотрите?» — и приказал мне немедленно вернуться в бригаду на свою должность, что я с радостью и поспешил сделать.

В Утешеве бригады уже не оказалось — ее вывели в резерв и расположили в районе Полотняный Завод — Кондрово, недалеко от станции Мятлево. Усадьба Натальи Гончаровой, жены А. С. Пушкина, в Полотняном была сожжена, только отсвечивали двухэтажные стены с черными проемами окон да отдельные флигеля усадьбы.

Штаб бригады стоял в Кондрове, где я уже недосчитался многих командиров: их перевели в другие части. Не оказалось там и Меренкова — его назначили начальником дорожного отдела одной из армий. Рушился старый, сплоченный, познавший почем фунт лиха коллектив, вливались новые люди. Может быть, под воздействием всего этого меня настойчиво потя-

нуло из бригады в постоянно действующие полевые войска, и отделаться от этой тяги я уже не мог.

Затем бригаду перебросили еще дальше от фронта, в Малоярославец, откуда форсированным маршем за Волоколамск, в район Красные Горы — Погорелое Городище: там в направлении на Зубцов и Ржев действовала знакомая мне по району Белого 30-я армия. Весной 1943 года этой армии предстояло стать 10-й гвардейской, а мне в 1944 и 1945 годах — заместителем командующего и начальником инженерных войск этой армии.

А пока нас ждали тяжелые бои лета сорок второго года. Обстановка была гнетущей: немцы на юге рвались к Сталинграду, Кавказу, вошел в действие приказ Сталина № 227 от 28 июля с решительным требованием ко всем фронтам и к каждому солдату отдельно: «Ни шагу назад!»; трусов и паникеров приказывалось расстреливать на месте. Суровая необходимость этого приказа была понятна всем. Опять потянуло в полевые войска, туда, где круглые сутки бой. Заявил о своем желании, но комбриг и слушать не захотел.

С группой командиров я выехал в район боев через знакомую Истру, Волоколамск, сожженную вторую вотчину Гончаровых Ярополец, Лотошино и далее по вдрызг разбитому под дождями бездорожью на Погорелое Городище. Надо было связаться с 30-й армией, получить задачу для следующих за мной по железной дороге двух батальонов и прямо с колес отправить их выполнять приказ. Где-то позади должны были подтянуться остальная часть бригады и ее штаб. Штаб армии приказал немедленно строить колейную или жердевую дорогу от только что освобожденного, еще дымящегося Погорелого Городища до быстрой, текущей в теснине реки Вазузы перед слиянием ее с Осугой. В двух километрах западнее прочно окопались немцы. Главное же — мы должны были построить новый временный тяжелый мост для переброски через Вазузу шестидесятитонных танков.

Стали прибывать батальоны. Мы расположились западнее Городища среди высокой поспевающей ржи и встречали своих. Вдруг шагах в двадцати от меня поднялись с автоматами над головой в полной форме два немца. Несколько саперов бросились к ним и по-

сле молниеносной схватки скрутили фрицев и куда-то поволокли их. Я кинулся за ними, остановил. «Куда ведете?» Отвечают: вон в том ложке шлепнем. Отругал саперов за предстоящий самосуд и, используя свои скромные знания немецкого языка, выяснил, что оба немца во время боя за Погорелое Городище решили сдаться в плен, поэтому и спрятались во ржи. Объяснил саперам, те смутились. Правдивость показаний пленных проверили просто: ни в автоматах, ни в запасных дисках не было израсходовано ни одного патрона, все личные документы целы, да к тому же они еще показали метрах в двухстах место, где лежали два их ящика с ручными гранатами. Сомнений в добровольности сдачи в плен не оставалось, и с двумя саперами я отправил пленных в разведотдел армии, написав туда сопроводительную записку.

На мост через Вазузу поставил более батальона, работы велись круглосуточно. Разбирали дома брошенной прибрежной деревушки, из стеновых бревен рубили и спускали на дно ряжи — огромные ящики для опор, груженные камнем. Немцы находились близко, и, хотя мост строился в глубоком ущелье, они слышали шум и засыпали район моста минами и артогнем. Правда, вреда почти не принесли: слишком глубоко строился мост, и круты высокие берега.

Однажды мне все же попало: привязав коня за уцелевшим сараем, стал спускаться к мосту, чтобы разглядеть деревушку на другом берегу. На этот раз тихо, спускаюсь спокойно, хотя мне и кричат с моста, чтобы бежал. Видимо, немцев все же привлекла моя форма, и на меня довольно прицельно посыпались мины. Пришлось кубарем, от воронки к воронке, скатиться вниз к мосту. Но скоро минометы замолкли: из-за длинного колхозного сарая прогремел мощный залп «катюш». Когда поднимался обратно, на месте той деревушки бушевало море огня. А «катюши», как всегда, дав залп, немедленно ушли на какие-то другие позиции.

Вскоре в штабе армии встретил начальника инженерных войск Западного фронта генерала И. П. Галицкого и попросил его о переводе непосредственно в действующую полевую армию. Просьба была удовлетворена — генерал знал меня еще по работе до войны.

Проездом из 31-й бригады к новому месту встретил в штабе фронта Аксючица, который возглавлял теперь штурмовую бригаду. Тепло поздоровались, он представил меня своему комиссару. Постояли, покурили. Не думалось тогда, что это наша последняя встреча: 30 августа 1943 года полковник Аксючиц Владимир Иосифович погиб в Новочеркасске, где он и похоронен. На мраморной доске мемориала в Военно-инженерной академии имени В. В. Куйбышева светится и его незабываемое имя.

Уезжая из бригады, я сдал штаб военинженеру Безуглову. Через несколько дней при бомбежке штаба он погиб.

А я вот уже второй месяц старший помощник начальника штаба инженерных войск 10-й армии. Стоим мы юго-западнее Сухиничей. Начальника штаба нет, и вся работа на мне. В моем подчинении два старших лейтенанта, начальник инженерного снабжения армии майор Леонид Маркус, его персонал, писари, секретчица, машинистка, связные. Над нами — начальник инженерных войск армии полковник А. Н. Варваркин, человек сложного характера, служить под его началом нелегко, но поучиться можно многому: он старый сапер и в звании полковника уже восемь лет. Так что живем дружно.

Штаб армии стоит в лесу, разместились в блиндажах и землянках. Мы отрабатываем распоряжения, пишем донесения в штаб фронта. На переднем крае, в полках и стрелковых батальонах, организуем и проверяем оборудование позиций и минирование — занятие небезопасное, но интересное. Здесь по-настоящему чувствуешь, что ты при деле, что ты нужен, хотя порой бывает трудно. Вот на днях в левофланговой дивизии захлебнулась разведка боем. Не доходя немного до немецких траншей, подорвались на минах два наших танка. Других танков не было, пехота залегла под сильным огнем и откатилась в свои траншеи. И, как нередко случалось, все свалили на саперов, будто они ночью в минных полях на ничейной полосе не разминировали проходы. Но дивизионный инженер опротестовал донесение командира полка: он сам ночью был с саперами. Однако от Военного совета

армии все же попало нашему полковнику, а потом рикошетом и мне. В итоге приказано мне и нашему дивизионному инженеру добраться ночью до этих танков и установить причину подрыва.

Открытое, простреливаемое пространство, а идти нужно. И вот перебежками, от воронки к воронке, от бугорка к бугорку, уже в сумерки, все в грязи, мы добрались до стрелкового батальона, а потом, уже в темноте, до передней траншеи.

Коротко поговорили с комбатом и с командиром роты, и в небольшую паузу между двумя немецкими ракетами ползком достигли ничейной полосы.

Пошел дождь. Это хорошо: нас не так видно. Шагах в ста при свете ракет видны два танка. Ползти трудно — в одной руке автомат, мешают гранаты за поясом, да еще постоянно натыкаемся на убитых. Но в перерывах между ракетами продолжаем ползти, под ракетой ныряем в воронку, лежим без движения, будто мертвые. Пули свистят: фашисты бьют короткими очередями в темноту. Но вот и танки, гусеницы у них перебиты взрывом. Скатились под танк. Слышно, как по нему цокают пули: фрицы, видимо, опасаются, что наши попытаются восстановить или отбуксировать танки. Между вспышками огня нащупали вразброс лежащие одиночные немецкие мины, совсем не зарытые, в траве. Стало ясно, что немцы как-то обнаружили проходы и под утро набросали наспех мин. Значит, наши саперы не виноваты. Для доказательства взяли одну мину с собой, из двух других вынули взрыватели и тем же порядком, от воронки к воронке, отправились обратно. Я с миной вернулся в штаб армии, доложил об итогах нашей маленькой операции. Уже там, очищая и замывая шинель от налипшей грязи, обнаружил, что она в четырех местах прострелена и вся в пятнах меленита[1] — наверно, в воронках нахватал.

А дивизионный инженер тогда в полку остался, и через пару недель я узнал, что в очень похожей ситуации он погиб.

При одном из очередных докладов полковник задержал меня. Долго мерил шагами — четыре туда, четыре обратно — блиндаж, так что я по стойке

---

[1] Меленит — взрывчатое вещество.

«смирно» стоять устал, пока он обратился ко мне.

— Вот что, майор. Кроме всего того, чем вы заняты, возьмите на себя организацию инженерной разведки, особенно тылов противника, и организацию диверсий на его коммуникациях. Свяжитесь с отделами штаба армии и вместе с ними составьте план, а через пару дней доложите мне для представления Военному совету армии. Ясно?

Ответил, что ясно, хотя это было не совсем так. Но спрашивать бесполезно: я уже привык к тому, что большего Варваркин сейчас не скажет. Задача поставлена, ну и шевели сам мозгами.

Мне надо было оговорить все в оперативном и разведывательном отделах штаба армии и в штабе партизанского движения, а главное — встретиться лично с начальником разведотдела подполковником Колесовым. Еще предстояло поработать в стрелковых дивизиях и в армейском инженерном батальоне майора Гусева.

Двух дней не хватило, так как по личному заданию командующего армией генерала В. С. Попова пришлось проверять систему траншей и минирование в одном из полков.

После работы в различных отделах штаба армии мне стало ясно, хотя об этом и не говорилось прямо, что армия ориентируется на скорое наступление. Отсюда и острый интерес к рубежам обороны и коммуникациям противника. Выяснилось и то, что у партизан очень плохо со взрывчаткой и с людьми, хорошо владеющими минноподрывным делом. Подрывников у них просто катастрофически не хватало.

Складывался такой план: усилить постоянно действующую разведку переднего края и ближайшей глубины обороны противника; организовать силами своих разведчиков в контакте с партизанской бригадой майора Корбута инженерную разведку в тылу противника, сочетая ее по возможности с разведкой общевойсковой; забросить в немецкий тыл саперов-разведчиков и диверсантов, а с ними мины и взрывчатку и организовать обучение партизан подрывному делу. Напрашивалась и личная связь с партизанами. Надо лететь в немецкий тыл, так как в работе армейского штаба партизанского движения что-то не ладилось, контакт с бригадой Корбута давал какие-то сбои.

Начальник разведотдела подполковник Колесов внимательно меня выслушал, все наметки плана одобрил, но личную встречу с Корбутом исключил.

Когда план был готов, полковник Варваркин, рассмотрев его внимательно, приказал переписать начисто в единственном экземпляре, печатать не разрешил, а черновик велел сдать ему: «Сожгу сам». Мой вылет в тыл к немцам он, как и Колесов, приказал исключить.

— Вам поручено возглавить инженерную разведку здесь, в армии, и руководить отсюда. И, кроме того, вы располагаете широкой информацией об армии, а в некоторых случаях и о фронте, и потому являетесь не тем человеком, которого безопасно посылать в тыл противника.

Я пытался доказать, что там, в тылу врага, мне будет легче организовать выполнение плана, но полковник оборвал меня:

— Я сказал все. Думал, что вы понятливее. Идите.

Военным советом армии план был утвержден. Побежали дни, полные хлопот. В батальоне Гусева сосредоточили мины, взрывчатку, подрывные принадлежности, там же готовили и отделение саперов: повторяли азы разведки, минноподрывного дела, маскировки, зубрили топографию предстоящего района действий, до седьмого пота тренировались ползать, часами лежать без малейшего движения, изучали приемы борьбы. Отделение сформировали только из добровольцев, каждый из ребят знал, на что он идет. Все это проходило в условиях строгой конспирации: отделение было расквартировано в землянках, вдали от батальона. Занимались с разведчиками лейтенант Андрейчук, забрасываемый вместе с ними, начальник штаба батальона да сам комбат майор Гусев. Даже я не знал этих ребят, а они меня. Так требовали условия конспирации.

Настал день, когда Гусев доложил о готовности группы. Но неясно было, как ее забросить через передний край. Фронт стоял стабильно несколько месяцев, немцы врылись в землю, оборона их была прочной, и проникновение такой группы через линию фронта не могло пройти незамеченным и без потерь.

По докладу Колесова и Варваркина Военный совет

приказал осуществить переброску воздухом. Но это оказалось непростым делом. Небольшая поляна на опушке леса у деревни Конышино, используемая партизанами как аэродром, допускала посадку и взлет только легких самолетов У-2. Для переброски же восьми саперов требовалось, таким образом, восемь самолето-вылетов. Такая операция ослабляла отправку партизанам боеприпасов и медикаментов.

Но вот наконец саперы были переброшены, летчики доложили о благополучной высадке, что потом радиограммой подтвердил и командир партизанской бригады майор Корбут. Мы стали ожидать донесений, но их не было. Время шло, а наши разведчики молчали. Нервничал Военный совет, волновались и Колесов, и Варваркин, но на многократные запросы Корбут неизменно лаконично отвечал, что саперы выполняют задание. Но какое задание? Задание армии или какое-то поручение Корбута? Однажды он сообщил, что наши саперы-разведчики отличились в бою, что уже совсем противоречило задаче группы.

Не решаясь затевать этот разговор с Варваркиным, я еще раз сказал Колесову, что необходим мой вылет к Корбуту, и он согласился. После доклада Военному совету Варваркин приказал мне готовиться к полету, предупредив, что я лечу только на неделю и потом за мной придет самолет. Приказал также побывать на нашем армейском инженерном складе, куда привезли из штаба фронта какие-то диверсионные новинки.

— Разберитесь, что там такое, возьмите с собой, что сочтете нужным, но не больше ста килограммов, больше в самолет с вами брать нельзя.— И вдруг, впервые перейдя на «ты», спросил: — Ты понимаешь, на что идешь? Сможешь молчать, если что? Ведь фрицы не остановятся ни перед чем, чтобы развязать тебе язык.

Я ответил, что я коммунист и что до крайности дело не дойдет: что бы ни случилось, живым меня не возьмут.

— Ну, смотри. Не хотел тобой рисковать, да нужно.

В тот же день вместе с ним и Колесовым были на Военном совете армии. Присутствовали командарм, оба члена Военного совета, начальник штаба армии,

начальники оперативного и разведывательного отделов, партизанского штаба армии. Еще раз познакомили меня с обстановкой в тылу противника, уточнили мое задание и приказали лететь в первую же ночь, как только будет летная погода. Пожелали успеха и, уже прощаясь, строго предупредили, что мне самому запрещается участвовать в диверсиях.

На обратном пути Варваркин приказал мне оставить в армии личные документы и партийный билет. Зная, как трудно приходится тем, кто выходит из окружения без документов, я запротестовал: «Товарищ полковник!..» Но Варваркин оборвал: «Что товарищ полковник? Я знаю, что я полковник. Документы оставить здесь! Все! — И уже спокойнее: — Самолет закажет Колесов. Если дадут две машины, возьмите одного сапера. Гусев доложил, что подготовлен еще один толковый сержант. И не зарывайтесь там по молодости. Командарм сказал, что в шифровке о твоем вылете Корбуту будет приказано не допускать тебя к личному участию в операциях».

Не задерживаясь, выехали с начальником инженерного снабжения армии Маркусом на склад. Кроме взрывчатки, обычных мин, взрывателей и прочего, там хранились недавно привезенные, ранее мне незнакомые магнитные мины. Плоская, в черной пластиковой оболочке мина легко умещалась на ладони — таких по карманам можно распихать не одну. В торце — глубокое круглое гнездо для взрывателя, на обороте на английском языке была инструкция.

Я спросил Маркуса, как с ней обращаться, но он тоже не знал, так как и на фронтовом складе мина была новинкой, получена впервые, а в накладных лишь было сказано, что это английская магнитная мина замедленного действия. Английский ни я, ни Маркус не знали, и мы решили, что инструкцию переведут в разведотделе.

Нашли на складе большой крепкий мешок, погрузили туда все эти мины, добавили толовых шашек. Набили еще один вещевой мешок толом, бикфордовым шнуром детонирующим, прихватили две подрывные машинки, еще кое-что по мелочам. Взрыватели ко всему этому хозяйству я распихал по карманам.

Маркус с охраной и с моими мешками полез в ку-

зов полуторки, а я с взрывателями в карманах — в кабину к водителю, и мы поехали в штаб армии.

Инструкцию в разведотделе перевели с трудом: переводчики владели в основном немецким языком. Не будучи уверен в переводе, Варваркин приказал взорвать одну мину. Мы с Маркусом прошли к бездействующей железной дороге, нашли под откосом обгоревший скелет вагона, приложили мину, попробовали: держится магнитами крепко. Установили на взрывателе минимальное время, а сами бегом в воронку от бомбы. Взрыв прозвучал мощно, с каким-то сухим треском; вагонную раму не только перебило, но и вырвало целый кусок.

Выпал первый снег и не растаял. В ночь на седьмое ноября я дежурил по штабу. Выглянул из блиндажа — небо чистое, в звездах. Если и завтра будет такая ночь, значит, завтра лететь.

До тех пор мне как-то не приходилось летать. Военные аэродромы строил, а летать — не летал.

Днем седьмого ноября позвонил Колесов и предупредил, что ночью будет самолет и мне надо быть на «подскоке», крошечном полевом аэродроме совсем недалеко от переднего края, в девять вечера. «Подскок» точно отвечал своему названию: с глубинных аэродромов подбирались сюда в сумерках самолеты У-2, дозаправлялись горючим, принимали груз и с наступлением темноты уходили в немецкий тыл. Уходили и иногда не возвращались.

В блиндаже коменданта аэродрома я встретил четырех летчиков, все — молодые ребята лет двадцати — двадцати пяти. Там же ожидал меня и сержант из батальона Гусева, с которым я вчера познакомился. Летчики удивились, что я лечу так налегке — в сапогах и в шинели, и предупредили, что в воздухе будет мороз градусов под тридцать, но возвращаться в штаб переодеться уже не было времени. Старший пилот распорядился сержанту лететь вторым рейсом и скомандовал: «По машинам!» Мне велели грузиться в трехместный самолет.

Открыли спинку фюзеляжа позади третьей кабины, и я с трудом втиснул туда свои мешки. Пилот сел в первую кабину, штурман — во вторую, а я — в третью.

Уже забравшись в свою кабину, не знаю почему, я быстро вернулся на крыло и спустился на землю. До сих пор не могу себе этого объяснить. Просто слез на землю и заявил, что полечу со своим грузом на втором, двухместном самолете, который поменьше.

Пилоты запротестовали: «Эта машина больше, у нее новый мотор, три места, а та машина старенькая».

Но я стоял на своем, и лейтенантам было трудно спорить с майором. Кончилось тем, что перетащили мешки с минами в двухместный самолет, и я забрался во вторую кабину. Штурман, почти высовываясь за ветровое стекло, водрузился ко мне на колени.

Мотор фыркнул, заработал ровно. Самолет взревел, пробежал по поляне, дважды подпрыгнул и будто повис в воздухе. Машина развернулась и легла на курс. Вскоре пилот стал поглядывать через борт. «Фронт!» — крикнул мне штурман. Стрелка альтиметра добралась до высоты две тысячи метров и дальше не двигалась.

Передний край немцев заговорил как-то сразу. Будто по команде зачертили огненные трассы с боков, сзади и впереди самолета. Казалось, что одна из них неминуемо встретится сейчас с самолетом, но мотор деловито урчал и упрямо тянул машину. Вдруг ослепительно сверкнуло, сухо треснуло, самолет словно слегка толкнуло, и слева от нас вырос в воздухе черный ватный комок дыма. Проваливаясь, самолет круто пошел в пике. Земля была уже не внизу, а впереди, затем сбоку, потом нырнула под крыло, и под ним замелькали верхушки деревьев. Снаряды зениток рвались теперь где-то вверху и сзади. Пилот повернулся и помахал рукой: фронт пройден, машина вновь набирала высоту. Внизу чернел притаившийся неведомый немецкий тыл.

Быстро стали замерзать ноги. Попробовал пошевелить ими, но почти ничего не получалось.

Летим больше часа, скоро должны быть сигналы посадки — три костра буквой «Г». А вот и они. От них взвилась обусловленная ракета, штурман тоже ответил, и мы пошли на посадку. Машина скользнула над лесом, запрыгала по припорошенной снегом поляне и, развернувшись, остановилась. От костров уже бежали люди.

Окоченев, я еле выбрался из кабины. Вытащил и

мои мешки, в кабину к штурману кое-как втиснули раненого партизана, и самолет опять ушел в черное звездное небо.

Познакомившись, я предупредил, что должны прилететь еще, и мы пошли к кострам.

Партизаны интересовались содержимым мешков, кто я и к кому прилетел. Ответил, что сапер, а в мешках — диверсионное имущество.

«Это подходяще!» — резюмировал дед с седой бородой.

Пачка «Казбека» опустела моментально. У костра стали отходить ноги, понемногу согрелся. Шло время, где-то уже минут двадцать прошло, а второго самолета все не было.

Со стороны пологого овражка, как потом выяснилось, от Коньшина, подошли двое. Один партизан, видимо старший, спросил:

— Ну, как там? Тихо?

— Тихо. Ракетят где-то, но далеко. К нам, что ли? — и кивнул головой в мою сторону. Плотный, лет тридцати пяти, в гражданском суконном полупальто.

Я ответил, что к Корбуту, и назвал свою фамилию.

— Так, правильно, Чернов. Радиограмму читал. А я заместитель майора Корбута.— И тут же обратился к партизанам: — А что морозите человека? Ему еще десять верст по лесу топать. Выделяйте провожатых!

Объяснили, что должен прибыть второй самолет и оба они должны в эту ночь сделать по два рейса.

— Ну, смотрите сами,— сказал старший.— Охрану не снимать до четырех утра.

— Пока, майор! — пожал он мою руку и ушел со своим напарником в ночь.

Не думалось мне тогда, что это наша первая и последняя встреча.

Приближался шум самолета. Дали ракету. С самолета тоже ответили. Их ракета описала короткую дугу и сразу исчезла. А через какую-то минуту в небе появилось пламя: самолет горел и в крутом пике шел на посадку. Едва не зацепившись шасси за верхушки деревьев, он приземлился, чуть пробежал по земле и, ломая плоскости, завалился набок. Люди бросились к машине, помогли выбраться летчикам. Чтобы сбить пламя, в ход пошли телогрейки, шапки,

просто руки в рукавицах. Огонь смяли, затушили, принялись за груз.

Выяснилось, что после выстрела ракета упала в третью кабину, загорелись обшивка и часть груза. Летчики осмотрели свою машину и приказали оттащить ее в кусты и сжечь: восстанавливать здесь было невозможно.

— Ну, майор, видно, нам с вами помирать рано,— обратился ко мне пилот.— Вот если бы так да с вашим взрывчатым грузом, что тогда? Вы как будто предчувствовали, когда перебрались во вторую машину.

Мои мешки и уцелевший груз с аварийного самолета погрузили на розвальни, запряженные мохнатой лошаденкой, и мы вместе с летчиками и четырьмя партизанами пошли в лес, к штабу Корбута. Пилот слегка прихрамывал. Как оказалось, из-за сильного огня фрицев пробиться через фронт за нами следом второму самолету не удалось и прорвались через передний край только со второго захода и в другом месте.

Пересекли заброшенную узкоколейку, миновали по паролю партизанскую засаду в густом вековом ельнике. Я узнал, что все мои саперы-разведчики разбросаны по партизанским отрядам, возглавляют там диверсионные группы и своим основным заданием не занимаются. Стала понятна и уклончивость радиограмм Корбута.

Рядом шла партизанка, молодая дивчина. Спросил: далеко ли еще? Ответила, что еще примерно верст семь. Нас обогнали сани: везли раненого. Она мне объяснила, что в штаб, в бригаду.

— Там у нас врач, из беглых пленных,— продолжала моя спутница.— Самолетов мало. Да, с ранеными плохо, с эвакуацией не справляемся. Иногда и тяжелых здесь оперируют, да с медикаментами и с наркозом тоже не очень-то хорошо у нас.

Минут десять шли молча, потом опять разговорились. Девушка рассказала о себе, об обстановке в тылу, о том, что драться приходится не только с немцами, но и с предателями и полицаями. Есть и такие деревушки, куда партизанам заходить нельзя. Вот и на днях в одном таком селе партизанские семьи карателям выдали. Пришлось сходить на операцию, да не совсем удачно. Полицаи как-то пронюхали, скры-

лись, как в воду канули. А семьи ихние партизаны не трогают. Старосту, правда, взяли, в расход пустили, но отряда не довели. Немцы партизан тоже в плен не берут. А если кого и схватят, все равно гестапо и смерть. Скот, хлеб с полицейских дворов забрали, по деревням роздали семьям фронтовиков и партизан, ну и в отряд, конечно.

Я поинтересовался, беспокоят ли отряд каратели. Она ответила, что бывает, но нечасто: лесов наших немцы не знают и вообще боятся сунуть нос туда, ведь в лесу каждый пень стреляет. Без предателей они в лес не ходят. Рассказала, что в отрядах большинство мужчин. Женщины к детям и к дому привязаны. Ну, а когда каратели в районе, тут и они в лес бегут. Тогда трудно бывает: и защищать и кормить нужно.

— Вот такая у нас война,— со вздохом произнесла моя спутница. И, помолчав, продолжала: — Фрицев нами, партизанами, запугали. Что ж, не без оснований. И все правильно: смерть за смерть — лагерей для военнопленных у нас нет. Вот как-то приказали взять «языка», самолет за ним обещали прислать. Пошли на комендатуру, думали коменданта взять, офицера. Но бой нелегкий получился, в свалке кто-то убил нашего «языка». Ну, мы денщика его скрутили и в отряд доставили. Он до войны работал архитектором. И вышло так, что ребята, которые его брали, в армейской форме были. А как доставили к Корбуту, на нем тоже военная форма: майор. Да еще коричневый кожаный реглан! Ну, фриц и решил, что попал в армейскую часть, и со слезами на глазах умолял не передавать его партизанам. Мы ему толкуем, что уже у партизан, а он не верит. Отправили самолетом, как велено было.

Я тоже вспомнил этого архитектора: допрашивал его в штабе армии. Показания он давал охотно: вращаясь около коменданта, знал кое-что ценное.

Спросил о Корбуте. Говорит, что смелый, строгий, но не грубый. К людям присматривается, верит не сразу: может, условия заставляют, а может, таким родился.

Предысторию командования Корбутом партизанской бригадой я знал еще в штабе армии. Он возглавлял разведроту одной дивизии. В ходе нашего наступления зимой сорок первого года Корбут вырвался с

ротой вперед, и немцы отрезали их. Пробиться к своим не удалось, а фронт стабилизировался. Рота в тылу противника стала партизанами обрастать, но связь с армией не теряла, связные изредка просачивались через передний край. К весне вызвали Корбута на Большую землю. Он получил задание роту через фронт не выводить, оставаться в тылу и формировать партизанский отряд. Рацию дали, обещали наладить связь самолетами. Когда он в роту возвращался, уже реки тронулись, и ему пришлось больше километра идти по горло в ледяной воде, переходя через линию фронта. Вот такой он, майор Иван Корбут.

Часа через полтора-два добрались до штаба бригады. Мне показали штабную землянку. Когда я вошел туда, пахнуло разостланной на полу хвоей, сыростью. Низкий двухскатный потолок из неошкуренных бревен, на земляных нарах поверх сена спят одетыми несколько человек. В торце землянки крошечное окошечко, перед ним стол из ящиков, а на столе — рация, еле тлеет окопная сальная коптилка. У железной печки, пытаясь растопить ее, возится парнишка лет двенадцати.

— Вам кого, майор?

— Корбута.

— Будить? Только недавно легли.

Говорю, что не знаю, делай, как у вас принято. Парнишка отвечает, что принято будить, иначе попадет.

На нарах завозились. По петлицам и кожаному пальто я определил — Корбут. Но все же спросил:

— Вы майор Корбут?

— До сих пор был я. А вы кто?

— Майор Чернов, из штаба армии.

— Так. Шура, дай вчерашнюю радиограмму!

Курносенькая девчушка лет восемнадцати, в гимнастерке и в ватных штанах непомерного размера, пошарила у рации и подала листок.

— Так. Все правильно. Как зовут?

Я назвался.

— Тоже правильно. Зачем пожаловали? Проверять или что? В радиограмме сказано только, что о задании расскажете сами, да приказано не допускать вас до каких-то операций.

Я ответил, что прилетел не проверять. Наконец по-

говорились, замолчали. Разговор явно не клеился. С нескрываемой досадой Корбут спросил:

— Сейчас поговорим или потом?

Я ответил, что можно и утром.

— Ну, тогда спать. На нарах места много.

Такой прием меня не обрадовал, но что поделаешь. Я забрался в уголок на нары, повесил автомат и ремень с кобурой и пистолетом, снял меховую безрукавку и, накрывшись с головой шинелью, мгновенно заснул.

Проснулся поздновато. В землянке холодно, хотя печурка еще дымила. Вылезать из-под шинели не хотелось. Корбут сидел на нарах и внимательно слушал доклад. Речь шла о делах одного из отрядов. Из разговора понял, что старший лейтенант в пехотной фуражке — Гельфер, как называл его Корбут,— командир отряда. Разговор подходил к концу.

— Что, к нам опять начальство? — спросил Гельфер.

— Да вот майор спит. Зачем прилетел, пока не знаю. Ну, да ладно. Будет мешать, отправлю первым самолетом.

Вошел еще один партизан и доложил Корбуту, что из отряда Крылова принесли мои мешки и со вторым рейсом еще сапер-сержант прилетел, который майора спрашивает; что летчики с аварийного самолета у врача.

— Так сержант-сапер, говоришь? — оживился Корбут.— Накормить, пусть пока отдыхает. Майор проснется — вызовет. Шура, глазастая! Не заметила, какие у майора петлицы? Черные, говоришь? Понятно. А майоровы мешки сюда!

Внесли мои мешки: большой, в котором магнитные мины, и вещевой. Корбут спросил, что в них. Ему ответили, что я не велел трогать, там мины и взрывчатка.

— Толково,— улыбнулся довольно Корбут.— Патроны, соль, табак с ночных самолетов надо распределить по отрядам.

Вошел полный пожилой врач в халате поверх телогрейки, сказал, что медикаменты он получил, а вот доставленный ночью раненый вряд ли выживет. Корбут сурово напомнил ему о каких-то старых грехах и потребовал, чтобы раненый был жив во что бы то ни

стало. Повернувшись к радистке, стал диктовать радиограмму. Помню, он сообщал в армию, что на участке Сеща — Жуковка с участием саперов, присланных из армии, спущен под откос товарный эшелон противника, что один самолет сгорел, летчики в бригаде, майор прибыл. В конце он просил прислать самолеты за летчиками.

Я поднялся, и Корбут познакомил меня с Гельфером. Мы сразу разговорились. Корбут молчал, изредка поглядывал исподлобья изучающим взглядом. Потом пошли умываться. Умывались на снегу, поливая друг другу. Корбут рассказывал, что отряды из местного населения стоят по деревням, в домах или в землянках, а у Крылова штаб и часть батальона здесь. Ну, а когда тяжело, то все в лесу.

К нам подошел Крылов и с ним еще люди. Позавтракали неплохо, было даже вареное мясо. Корбут справился у кого-то из сидящих за столом, поровну ли, по числу бойцов, поделили по отрядам полученное ночью курево. Ему ответили, что поделили по-хорошему, а отправлять в отряды не придется: командиры будто чуяли, сами людей прислали, да те жалуются, что маловато.

Я вышел из землянки и закурил. Через легкую дощатую дверь приглушенно доносился разговор Корбута с Крыловым и Гельфером. Речь шла о каком-то прилетавшем к ним подполковнике.

— А что? Неверно? — негодовал Корбут.— Летают, самолеты занимают, проверяют, будто мы сами не знаем, что тут делать! Прилетел, из землянки носа не высовывал, наобещал, а улетел и как будто в воду канул! С медикаментами плохо, питание для рации на исходе, второстепенных вещей, как он их тогда назвал,— соли и махорки — тоже нет. А с взрывчаткой? Говорили ему: чтобы плавить взрывчатку из снарядов, большое умение надо. И когда берем ее со старых минных полей, люди гибнут, тем более сейчас, когда все замерзло! Втолковывали ему, что немцы держат взрывчатку на усиленно охраняемых крупных складах и без больших людских потерь их не возьмешь! Наобещал, и все, вот и выходит, что только лишние слухи в армию отвез. А ребята-саперы прилетели, так и те по десятку килограммов тола прихватили. Теперь вот еще этот майор прилетел, тоже, может быть, от-

сидится да улетит. А зачем прилетел, черт его знает!

— Ну, это ты, Иван, может, и зря,— тихо возразил Гельфер.— Не знаешь толком, что за человек, зачем прибыл, и так сразу...

— Раз с минами, так уж определенно для дела, а не акафисты нам читать,— поддержал его Крылов.

Мне не хотелось включаться в такой разговор, и я подождал, пока вышли Крылов и Гельфер. Вернувшись в землянку, я сказал Корбуту, что пора прояснить и мое задание и положение и что разговоры о «всяких», которые «прилетают», меня не интересуют; прошло уже больше полусуток, а мне на задание дано всего семь дней. Если же есть какие-либо претензии ко мне лично, то я готов выслушать. Корбут насупился, взгляд его скользнул по моей гимнастерке, и, увидев орден Красной Звезды (у него на груди был орден Красного Знамени), он спросил меня, за что я его получил. Ответил, что за бои на Волоколамском шоссе. Я еще раз напомнил ему, что пора и к делу перейти, и добавил, что на дружбу с ним не претендую, но приказано, чтобы бригада помогла мне в выполнении задания, этим и должны определяться наши отношения, независимо от того, кто, когда и зачем прилетел до меня. Не ожидая, видимо, такой атаки с моей стороны, Корбут, несколько смутившись, буркнул:

— Да нет, майор, я что же... Это так, накипело, знаешь ли, ты не обижайся.

Подтащили к столу мешок, Корбут развязал его, и я вытащил несколько магнитных мин. Корбут повертел одну в руках, поинтересовался устройством, спросил, какова сила взрыва. Вспомнив тот пробный взрыв, я сказал ему, что мина напрочь перебивает вагонную раму. Потом достал из кармана взрыватели и показал их. Вернулся Крылов, подошли еще партизаны. Корбута как подменили.

— Ну и дела! — улыбаясь и довольно потирая руки, сказал он.— А я ведь, признаться, майор, думал, что ты к нам того, с проверкой какой. Ну и ну! Отбой! И договариваемся: старое не вспоминать!

Вытащили из мешков все остальное: пехотные мины, взрывчатку, принадлежности. Корбут совсем в восторг пришел, но пожаловался, что в бригаде очень плохо со взрывателями. Тогда я достал остальные на-

боры из карманов, но к ним сразу потянулись руки любопытных, и пришлось все убрать.

— Майор,— заметил один из партизан,— вы же сапер, а везете одновременно и взрывчатку и взрыватели! Не положено, ведь опасно!

— А на войне, друг, все опасно! — бросил Корбут.

Я сказал, что надо решить, где хранить мое небезопасное хозяйство. Корбут приказал держать его, пока не уйдет по отрядам, в маленькой недостроенной партизанской баньке, в которой еще не успели сложить каменку. К баньке выставили усиленный караул, а на тропе к ней — патруль.

Корбут выпроводил из землянки всех, кроме начальника штаба, Крылова, Гельфера и радистки, сел к столу и приготовился слушать. Я рассказал, что мне велено силами прилетевших ранее саперов активизировать обучение минноподрывному делу самих партизан, создать вокруг саперов группы инженерной разведки, тоже из числа партизан, желательно местных, и силами таких групп вести разведку тыловых рубежей противника, охраны дорог и мостов, железной дороги, проверить состояние нашего прошлогоднего рубежа по реке Десне, а если можно, то и по Габье. Потом надо решить, как будем использовать магнитные мины, учитывая, что хотя в обращении они и просты, все же людям надо подробно объяснить. Попутно со всей этой работой необходимо по возможности вести и общевойсковую разведку: устанавливать дислокацию, численность и передвижение войск, работу железных дорог и характер грузов. Ну, и в связи в этим решительно изменить использование армейских саперов.

Корбут взъерошил волосы, задумался. Оглядев присутствующих, сказал, что задание, конечно, не из маленьких и с саперами он действительно допустил промашку, распределив их по отрядам и используя в составе диверсионных групп. Это он обещал исправить. Его удивило, что на такое большое задание дали всего семь дней. Я уточнил, что неделя — это мне, для начала, для организации (как выразился, отправляя меня, полковник Варваркин: «Для того, чтобы заварить кашу»), а армейские саперы останутся здесь столько, сколько этого потребует дело.

Корбут приказал вызвать к утру из отряда лейте-

лота, прилетевшего вместе с саперами. Некоторых из них он уже собирался представить к правительственным наградам. Поинтересовался, с какой целью прибыл со мной сержант.

Я объяснил, что сержант пойдет обратно, к фронту, к ближайшим тылам немецкого переднего края, чтобы хоть примерно заснять, где они есть, тыловые оборонительные рубежи противника и по возможности, если удастся, выяснить характер инженерной обороны Бетлицы, Бытоши, Людинова и Сукремля. Желательно также узнать, не готовят ли немцы какую-либо оборону по реке Ветьме от Бетлицы на Жуковку через Бацкино. И все это, естественно, надо выяснить без особого риска, не обнаруживая себя. Задание большое и рассчитано не на семь дней. Сержанту нужны надежные проводники и способные помощники из партизан, знающих эти районы.

— Значит, так,— Корбут как бы подводил итог разговору,— проводников сержанту найдем. Лейтенант твой придет, сам уточнишь его задачу, саперов, как нужно, переставим. К инженерной разведке давайте привлечем наиболее грамотных молодых ребят из разных отрядов. Кроме групп, у нас есть кое-где свои люди и среди старост и даже в комендатурах. А в Жиздре у немцев русская машинистка на нас работает, только связь с ней чертовски трудна, но попробуем для такого дела. Агентура у нас пока неширокая, но есть,— продолжал Корбут.— Кто предан и на совесть служит, а кто и за страх, но и те не врут, знают, что мы перепроверяем. Широко помогает нам информацией население. Так что, думаю, за разведкой дело не станет. Для диверсий теперь на первое время средства есть, значит, с этим активизируемся. Мины замедленного действия и магнитные — на железную дорогу и в гарнизоны. Но вот особо давайте подумаем о магнитных минах. Их, видимо, лучше расходовать на подрыв поездов в движении и — очень заманчиво, черт возьми! — на взрыв самолетов. Немцы как-то мало интересуются Жуковкой, а в Сеще у них настоящая большая авиабаза. Вот о Сеще и нужно крепко подумать. Там сложилась подпольная группа, руководит ею местная девушка, зовут, кажется, Аня, фамилию не помню. Правда, у них, по-моему, связь через клетнянских партизан, через Галю-

гу,— это для нас путь длинный, круговой. Но была у меня на Сещу и своя ниточка, своя цепочка людей. Не оборвалась ли? Последнее время нужды в ней не было. Ну что же, попробуем освежить. Этим делом и использованием магнитных мин я, пожалуй, займусь сам, большой круг людей допускать к этому не будем. Что еще? По отрядам, майор, я с тобой сам пройду, с кем надо, поговоришь. На Десну сходим. Если хватит времени, прошвырнемся в партизанскую бригаду Орлова: они к Брянску ближе, может, у них что-нибудь для тебя будет интересное. Главное же — организовать поступление к тебе сюда информации, это мы сделаем. Без меня ходить по району нельзя, в операциях участвовать тоже не будешь: мне в шифровке так приказано.— С этими словами Корбут отпустил всех.

Мой первый день в отряде подходил к концу. Стали собираться на ночлег обитатели землянки. За разговорами не заметили, как наступила полночь. Где-то высоко над лесом прострекотал легкий самолет, и партизаны заспорили: наш или не наш? А если наш, то к кому летит: к нам, или к Орлову, или к Галюге? Корбут прислушался: шум самолета удалялся в сторону Коньшина,— и определил, что это наша машина. Приказал начальнику штаба проследить за тем, чтобы, если будут еще самолеты, отправили больше раненых. Капитан ответил, что все намеченные к эвакуации люди еще с вечера ждут в лесу вблизи аэродрома.

— А что в районе?

— Сейчас тихо. Днем прошел через Коньшино какой-то смешанный отряд из немцев и полицаев, но на аэродром не заходили, в Коньшине не останавливались, прошли куда-то в сторону Воронова, потом в той стороне что-то горело. Пощупать бы их,— предложил капитан.

— Нельзя срывать прием самолетов и отправку раненых,— сказал Корбут.

И будто в подтверждение этих слов над лесом прошли в направлении Коньшина сразу три самолета. За ночь был еще один такой рейс, и с этими машинами улетели летчики с аварийного самолета.

В землянке было сыро, знобко, шумно. Кто-то приходил, уходил, угомонились лишь под утро, а через

час Корбут разбудил меня: пришли мой лейтенант и сержант.

Сержант — крепкий парень средних лет. Одет по-граждански, тепло: на ногах валенки, в меховых трехпалых перчатках, под шапкой — шерстяной вязаный шлем. Мы достали свои карты, и сержант повторил свое задание — знал он его отлично.

— Речку Ветьму лучше прощупай опросом местных жителей,— напутствовал Корбут.— Бетлицу, Бытошь, Людиново — там тебя с людьми свяжут. И не зарывайся, а то погибнешь сам, людей погубишь, да и то, что успеешь сделать, все уйдет впустую. Задание выполняйте тихо, в населенных пунктах не ночевать: там уже предвойсковые районы. И без стрельбы чтобы. Не обнаруживать себя, ни немцев, ни полицаев не задевать, помните только о своей задаче.

— Ну, а если крайность? — спросил сержант.

— Ну, в таком случае,— засмеялся Корбут,— вас ведь трое, значит, тихонько: по Харьковской губернии, да в Мордасовский уезд, в Рыльск, а если надо, так и сразу в Могилевскую область! Но чтобы все тихонько, без шума.

— Это мы можем, такое по нас,— чуть улыбнулся сержант, покрутив перед собой огромным кулачищем.— Двое, что со мной идут, такой же породы.

Пожелав ему успеха, я предупредил, что к его возвращению меня уже может не быть и тогда он должен явиться к Корбуту. После этого сержант ушел.

— Молчаливый парень,— заметил начальник штаба.

— И хорошо для такого дела. Боевой конь тоже молчит, а в бою выносит! — ответил Корбут.— А те двое, что с ним идут?

— Такие же медведи,— спокойно сказал Крылов,— пойду провожу.

Стали подробно разбирать с лейтенантом задачи его группы, обсудили перестановку саперов, наметили по карте основные районы разведки. Потом прошли в баньку, взяли одну магнитную мину со взрывателем и углубились в лес. Показали лейтенанту ее устройство. Вскоре громыхнул взрыв, и с вздрогнувших деревьев осыпался снег.

Все были довольны. А навстречу нам уже бежали

потревоженные взрывом вооруженные партизаны из патруля. Успокоили людей, вернули обратно.

У штабной землянки мы расстались с лейтенантом. Прощаясь, Корбут сказал ему:

— О магнитных минах распространяться не следует. Даже случайно узнав название, фрицы поймут многое из происходящего. И еще: мины первые, их маловато, и как использовать их, я буду в каждом случае решать сам. Ясно?

— Ясно, товарищ майор.

— Вот и хорошо. Я тебе потом выделю немного через отряды, а остальное попытаемся довести до дела по цепочкам, через агентуру.

На следующее утро Корбут, я и еще один партизан отправились в отряды. Поехали на телеге, поскольку снега было еще мало, дорога на открытых местах кое-где и совсем голая, так что при необходимости быстро на санях не проскочишь.

Десяток верст лесной партизанской дороги остался позади. Вышли на открытые места. Партизан-возница выдернул из-под подстилки автомат, положил его сверху. Мы пошли за телегой. Обойдя стороной аэродром, вышли через ложок в Коньшино. Вместо деревни — рядок припорошенных снегом землянок, из труб — одинокие дымки. На тарахтенье телеги высыпали на дорогу женщины, ребятня. Корбут спросил о ком-то из мужчин. Ответили, что еще вчера, как услышали приближение немцев, мужики в лес подались и до сих пор не вернулись. Корбута знали не только женщины, но и дети. Советовали идти осторожно, сегодня неспокойно, утром недалеко постреливали, но кто, люди не знали.

Глядя на одетых во что попало изможденных женщин и худеньких детишек, я вспомнил чьи-то слова: «Кто знает, что стоило человеку его счастье и сколько весит его горе».

Коньшино осталось далеко позади. Где-то довольно далеко в стороне длинно отстучал пулемет, и стихло.

— Шалят,—буркнул Корбут.— Однако поторопимся.

Сели в телегу, лошадь пошла крупной рысью, так и влетели в другую деревушку, наделав переполоха. Люди к лесочку бросились, но, разглядев коричневую

кожанку Корбута, с полдороги вернулись и обступили нас. Узнав, что я с Большой земли, забросали вопросами, самый трудный из которых — скоро ли наша армия придет сюда? Да, устал, измучился народ. Но что я мог ответить? Сказал, что теперь уже скоро,— именно такого ответа и ждали.

Подошел древний старик, растолкал женщин и обратился к Корбуту:

— А вы, ребятки, не задерживайтесь. Утром немцы проехали, может, и сейчас где недалече.

— Не тронули? — спросил Корбут.

— Да обошлось. Как шум услыхали, мы в лесок подались. Только трех коров, что тогда партизаны пригнали, прирезали, гады, даже шкуры увезли с собой.

Мы простились и опять тронулись в путь. Из-за поворота неожиданно вышли пятеро вооруженных людей в гражданском, повязок, правда, на рукавах не видно. Мы соскочили с повозки и пошли сзади. Встречные приближались, не снимая оружия.

— Похоже, что свои,— сказал Корбут и зло крикнул: — Не свободно ли ходите?

Оказалось, свои, партизаны, охранение обоза: сено в лес везут.

— Как впереди? — спросил Корбут.

— Да ехали вроде тихо. Вчера фрицы прошли, на мельницу заглядывали, но мельника не тронули.

— Сено без боя брали?

— Да, тихо, из стогов полицаев.

Мы пропустили обоз. Прошло еще около часа, прежде чем достигли берега Десны. Здесь отпустили подводу: лед еще тонкий, не выдержит нас. Корбут велел вознице догонять обоз. С крутого берега далеко видна пойма,— до рези в глазах белая, спит река подо льдом. И так тихо-тихо.

— Такую тишину слушать можно,— вздохнул Корбут.

Перешли Десну и уже в сумерках подошли к каким-то строениям: похоже, что мельница. Мельник в отряд не уходил, помогал партизанам. Хозяева оказались дома. На колени к Корбуту тут же забрался мальчуган, сын хозяйки, и зашепелявил:

— Дядя Ваня, а к нам вцела немцы плиходили. Один меня спласывает: «Выластис, сто делать бу-

дес?» — «Немцев, говолю, бить буду». А он засмеялся, по носу меня солкнул больно и усол. А мамка меня потом выполола.

— Бог мой! — вмешалась мать.— Ну, думаю, сейчас он моего парня кончит. Ан нет, ушел. Буханку хлеба взял и ушел.

Поели вареной картошки с хлебом. Мельник, посматривая все время в окно на сумеречную дорогу, спросил, заночуем ли мы? Корбут ответил, что нет, и, в свою очередь, поинтересовался, есть ли что нового об обороне станции. Хозяин развел руками: только что ушли люди, раньше чем через пару дней не вернутся.

— Вернутся — пришлешь ко мне, майору нужны будут,— приказал Корбут.

И мы снова тронулись в путь. Вскоре догнали на дороге комиссара бригады Мальцева. Высокий, худощавый, в старой шинели, в одноцветной зеленой выцветшей фуражке с таким же матерчатым козырьком. Под распахнутой шинелью — френч защитного цвета. Я познакомился с ним, и мы пошли вместе. Вскоре из темневших у взгорья кустов нас окликнули. Мы отозвались и пошли дальше и через какое-то время очутились в деревне, где стояли отряд Мальцева и часть другого отряда. Немцы пока не решались совать сюда нос.

Вошли в большой рубленый пятистенок, видевший не одно поколение людей. В зимней теплой половине рядком на кроватях и на полу спали женщины и дети. В летней половине с железной печуркой сидели несколько партизан. У стены напротив дверей — стол без скатерти, вокруг скамьи; вдоль другой стены на полу разбросано сено — видимо, там тоже спят. За столом шум, смех, курят махорку. Дверь в зимнюю половину открыта, но там спят безмятежно — наверно, привыкли к такому.

В теплой половине громыхнули заслонкой, принесли ужин. Партизаны докладывали, что с Дубровки на Пацын, по большаку через Рогнедино, усилилось движение машин противника, часто с солдатами. И все к северу, на Пацын. Обратно такого движения машин нет: или дальше уходят, или грузятся на железной дороге в Жалынце, Снопоти или Гобиках. Большак стали периодически патрулировать танки, само-

ходки, чего раньше тоже не было. Такое же движение замечено со стороны Людинова, и тоже через район Бытоши к станциям Бетлица и Снопоть. По карте становилось ясно, что идет какая-то переброска частей. Но куда? По железной дороге могут и на Ржев, и на Великие Луки, и на Смоленск. Корбут приказал усилить наблюдение, пробраться к железнодорожным станциям, внимательно следить за опознавательными знаками на машинах. Решили по возвращении в штаб радировать в армию, пусть подключат к разведке авиацию. Мы срочно сколотили две группы для минирования большака на Пацын.

Еще партизаны показали, что железная дорога Фаянсовая — Рославль хорошо патрулируется врагом: вдоль дороги есть укрепленные огневые точки. Эти сведения были единодушными. А вот информация об обороне станций была явно скудная и противоречивая. Корбут повторил свое распоряжение взять станции под особое наблюдение.

Наши рубежи сорок первого года партизаны знали хорошо: в поисках оружия и боеприпасов они обшарили их за год основательно. В отрядах в итоге появились две «сорокапятки», легкие противотанковые пушки.

Вызванные на явку люди разошлись под утро. Спать почему-то не хотелось, и я отправился на улицу. Рогнединский большак недалеко отсюда, так что шум машин хорошо слышен в эту предутреннюю рань. Странно: так близко партизанские деревни, а немцы их не трогают. Высказал свое недоумение Корбуту. Он пожал плечами и сообщил, что у отрядов со стороны большака наблюдение, сильные засады, и даже обе пушки находятся здесь.

Днем мы вдвоем с Корбутом тронулись в обратный путь: хотели засветло осмотреть некоторые места старого рубежа по Десне. Мальцев настаивал, чтобы мы взяли с собой сопровождающих, но Корбут отказался.

Не доходя двух верст до того места, где вчера перешли по льду Десну, мы свернули с дороги, сошли в пойму и, поднявшись на крутой левый берег, запетляли по нему целиной, отыскивая следы прошлогодней обороны. Сплошной линии не было. Траншеи, земляные противотанковые препятствия шли как бы

пунктирной линией, но большинство, правда, уцелело, лишь кое-где окопы обсыпались или были скрыты.

Похолодало, дело шло к вечеру. Кругом было тихо, спокойно. Вдруг где-то далеко возник шум моторов. Мы остановились, прислушались: шум двигателей быстро нарастал. Корбут дернул меня за рукав и потащил вверх по дороге, приказав: «За мной!»

Осторожно выглянув из-за кручи, я заметил примерно в версте от реки приближающуюся немецкую колонну. Впереди и в хвосте было по танку, в середине — два бронетранспортера, а между ними — легковая машина. Головной танк выстрелил — снаряд прошуршал над нами и разорвался далеко в пойме. Из бронетранспортеров фрицы дали несколько коротких автоматных очередей по сторонам, и стрельба прекратилась.

Под прикрытием берега мы бросились в сторону, полезли вверх и рухнули на опушке под разлапистой елью в припорошенный снегом окоп. Отсюда хорошо видно место брода, сквозь редкие кустики просматривается дорога, а сразу за спиной — подлесок, переходящий в крупный ельник. Однако дальше бежать нельзя, иначе обнаружат. А пока немцы за обрывом нас не заметили и продолжали свое движение. Перед спуском к реке они дали еще одну автоматную очередь в сторону кустов. Корбут вынул маузер из кобуры, сунул за борт кожанки и кивнул мне на автомат. Я пристроил его на бруствере окопа, вставил запалы в гранаты. В предчувствии неизвестного стало страшновато. Правда, нас защищали окоп, разлапистая ель да наша неподвижность.

Фрицы, не меняя построения своей колонны, остановились на вершине спуска к Десне. Солдаты с первого бронетранспортера спустились на лед и, растянувшись цепочкой, согнувшись, чем-то занялись. Потом быстро побежали к машинам. Раздался взрыв — поперек реки появилась узкая полынья. Из легковой машины вышли два офицера, подошли к спуску. Солдатня с шестами спустилась на лед и стала промерять глубину брода. Стало ясно, что их интересует возможность переправы. Если будут переправляться сами, подумал я, значит, куда-то следуют, если по-

едут обратно, тогда проводят рекогносцировку пути для какой-то более крупной передислокации.

Один солдат отошел от проруби в сторону, но вдруг забеспокоился, завертел головой, проследил взглядом по снежной целине и уставился на нашу ель. Ясно: засек наши следы.

— Лежать, не двигаться! — прошептал Корбут.— Может, пронесет.

Но немец бросился по откосу к офицерам и, жестикулируя в нашу сторону, что-то им сказал. Один из офицеров подошел к головному танку и тоже показал танкисту рукой в нашу сторону. Второй офицер направился к заднему бронетранспортеру, откуда быстро соскочили солдаты и стали разворачиваться в цепь. Нас разделяло метров триста — четыреста почти чистого пространства с редкими мелкими кустиками.

— Будем уходить,— шепнул Корбут.

Башня танка развернулась, раздался выстрел, и где-то за спиной снесло верхушку елки. Рванул взрыв, завизжали осколки, и с нашей елки посыпался снег. Корбут схватил меня за руку: «Бегом, быстро, за мной!» И броском из окопа под ветви ели и в лес. Зигзагами, не глядя себе под ноги, бежим, ветви хлещут больно по лицу, по глазам, но ничего, только быстрее!

Все же наш рывок, видимо, заметили. Затрещали автоматы, и возле окопа, уже позади нас, разорвался еще снаряд. Потом сразу все стихло. Да и наши силы иссякли, бежать мы больше не могли и перешли на шаг. Потом остановились, прислушались: тихо. Вскоре зашумели моторы, и звук их стал удаляться.

Я спросил Корбута: куда пойдем дальше? Иван решил, что надо пойти обратно и посмотреть, куда поехали немцы. Постояли еще с полчаса, покурили, отдышались и по своим следам в снегу пошли обратно. Оказалось, удрали мы довольно далеко: назад шли минут двадцать. На дороге никого не было. Да, хорошо то, что хорошо кончается.

Нашли свой окоп. Предупредил Корбута, что надо быть осторожным: судя по всему, здесь были саперы. И не ошибся: снег притоптан, в сгущающихся сумерках виднеется кое-где присыпанная снегом тон-

кая проволока. Показал ее Ивану и спросил: что будем делать?

— Ты ведь сапер, ты и решай.

Гадать в снегу, в полумгле под елью, перебирать пальцами в еловом лапнике опасно, можно проще. Отошли немного в сторону, швырнули в окоп гранату. Через секунду рванул взрыв много сильнее, чем взрыв от гранаты, и над головами провизжала шрапнель.

Пошли к броду. Следы гусениц описали у спуска рваные круги: выходит, танки разворачивались. Значит, поехали обратно. Это была, по всей видимости, офицерская инженерная разведка маршрута, и чего-то следует ждать именно на этой дороге. Я спросил у Корбута: может быть, подослать ребят и подминировать дорогу? Но он не согласился со мной: здесь свои ездят и ходят.

Мы пошли в сторону Коньшина, домой, в штаб бригады. Иван просил не рассказывать о происшедшем.

— А то Мальцев, знаешь, запилит. Он же требовал, чтобы мы взяли с собой несколько человек, но я отказался. А мой комиссар, между прочим, совсем один ходит. Да ты вчера это видел.

Вскоре следы немецкой колонны круто свернули куда-то в сторону Бытоши. Дальше следов не было,— значит, оттуда фрицы и появились.

В штаб вернулись под утро. К вечеру Корбут опять ушел почти на два дня, сказав, что на явки, устраивать магнитные мины. Меня он с собой не взял. Изредка стали приходить партизаны, спрашивали начальника штаба или меня и докладывали первые данные разведки. Я разбирал их отдельные примитивные схемки, чаще прорисовывал их сам, делал пометки на крупной карте. По докладам партизан выходило, что усиливалось движение противника и по грунтовым и по железным дорогам. Из двух мест сообщили, что со стороны Смоленска на Брянск под сильной охраной проследовал короткий эшелон с цистернами необычного вида и цвета. Железнодорожники предполагают, что это химические боевые отравляющие вещества. Начальнику штаба принесли также донесение о том, что на линии Рославль — Брянск, в районе Жуковки, спустили под откос два

воинских эшелона с машинами и каким-то имуществом. Начальник штаба группировал в донесения только главные сведения и ежедневно радировал в армию.

Вернулся Корбут и спросил, как идут дела. Я ответил, что все потихоньку делается, а вот время летит чертовски быстро.

— У меня есть хорошие новости,— оживился Корбут.— Часть магнитных мин я протолкнул на железную дорогу, и удалось оживить цепочку на Сещу. Есть надежда, что мины туда дойдут благополучно.

На следующий день мы с Иваном поехали в партизанскую бригаду Орлова. Корбут, правда, не очень надеялся, что у того могут быть какие-то разведданные, которыми он, может быть, поделится. Я спросил: почему только «может быть»? Иван объяснил, что партизанские соединения предпочитают свою информацию на Большую землю передавать сами: это часть их ратного труда. И понять их можно: ведь бывало и так, что в ответ на донесение получали упрек, так как информация вроде устарела и уже получена раньше по другим каналам.

Добрый конь трусил по заснеженной неезженой просеке, и наши розвальни подпрыгивали на корневищах. Возница временами подремывал. Корбут, свернувшись на сене, спал. По сторонам стоял могучий Брянский лес. Тихо, только слышно, как у лошади екает временами селезенка да шелестят по снегу и погромыхивают полозья.

Примерно часа через три прибыли в штаб к Орлову. В сосновом бору аккуратно стоят блиндажи, а не просто землянки. Всюду чувствуется порядок: партизаны в бригаде почти все из числа военнослужащих. В блиндаже Орлова стены из сосновых бревен, потолок в три наката, подшит тесом. На окне занавески, в углу застланная под чистым одеялом кровать со взбитой подушкой под марлевой накидкой. Стол, покрытый клеенкой, чугунная вагонная печурка, а на ней зеленый эмалированный чайник. За всем этим порядком в блиндаже, казалось, следит женский глаз.

И Орлов и его комиссар были на месте.

Около часа ушло на общие разговоры о партизанских делах, обстановке на Брянщине и под Сталинградом. Разговор о моем задании пошел только

за обедом. Орловцы отвечали как-то нехотя, поглядывая на меня с трудно скрываемой досадой. Ведомственные интересы, подумал я. Бригада Орлова базировалась ближе к Брянску и, естественно, располагала по своему району действий информацией, которой не было у Корбута. И вскоре мы, не задерживаясь, уехали обратно. На этот раз добрались благополучно.

Корбут опять ушел на два дня. Когда он вернулся, Крылов доложил, что пришли трое из полиции и просятся в отряд. Пришли с оружием, свой партизан привел и ручается за них. Иван приказал привести их.

Вошли полицаи — их оружие Крылов оставил у себя — и партизан с немецким автоматом. Они повторили свою просьбу, рассказали, что в полицию пошли, боясь преследований их самих и семей. Уйти раньше в отряд не решались, опасались, что не примут. Руки кровью не запятнаны, от активных действий отлынивали, устраивались то на пост, то в дежурку, то рассыльными.

— Ну, так что? — спросил Корбут партизана с автоматом.— Тебе головой отвечать за них.

— Не врут, товарищ майор, ручаюсь. Не одного меня из партизан знают, а никого не выдали, даже старосту, а ведь знают, что он наш человек.

— Ну, а семьи теперь как? — спросил Иван.

Мужики ответили, что семьи они развезли по родственникам и знакомым в партизанские деревни.

Корбут предупредил, что строго проверит их на деле в ближайшей операции, а пока приказал Крылову придержать их в лагере.

Установленная мне неделя пролетела, будто ее и не было. Наступил последний день, пятнадцатое ноября, а работа еще далеко не кончена: многие разведгруппы еще не вернулись, нет сведений от дальней агентуры. Да, недельный срок оказался ничтожно мал, и я доложил об этом по рации. Мне разрешили задержаться еще на неделю. И эта вторая неделя превратилась в месяц с лишним, опрокинув все мои планы и дела.

В то время наша армия вела ожесточенные бои в районе Великих Лук. Немцы поездами и своим ходом перебрасывали туда войска из Орловского выступа,

очищая для этого дороги и прилегающие к ним леса и деревни от партизан и местного населения. Против партизан были брошены не полицейские или отдельные отряды, а фронтовые части с танками и артиллерией. По ночам заревом полыхал горизонт, тянуло дымом. Большак на Пацын приобрел для фашистов какую-то особую значимость, а ведь его контролировали и местами минировали партизаны. Тогда фрицы большими силами пошли на те деревни, в одной из которых мне довелось переночевать и где стояли основные силы Корбута.

Иван только вернулся в штаб, как в лагерь ворвался на взмыленном коне верховой без седла. Бросив коня у входа, он вбежал в землянку и крикнул с порога:

— Товарищ майор! Отряды Мальцева и Крылова почти разбиты, большие потери, отходят сюда. Деревни горят, население бежит сюда, в лес!

— Где бой? — накидывая кожанку и схватив со стены автомат, крикнул на ходу Корбут.— Федько! Пулей! Всех, кто есть здесь, в роте, в ружье! Всех коней — в телеги, в сани, что там есть! Пулеметы — туда! Врачу готовиться к эвакуации и приему раненых! Кто обучен минному делу, остаться, поступают в распоряжение майора. Ну, что еще? — обрушился он на стоявшего перед ним связного.

— Отходят, говорю. Мальцев просит помощи чем можно. Тяжело, население прикрываем, а то оторвались бы. Меня еще от Десны послали, да под Коньшином на немцев наткнулся, пришлось вернуться и предупредить. Ведь они нашим в тыл шли и прямо на население. А потом уж сюда напрямик через лес.

— Что еще велел Мальцев?

— Встречать население.

— Быстро к врачу! Раненые пусть шалаши готовят! Костры и печки потушить! — приказал Корбут радистке Шуре. И уже ко мне: — Что будешь делать?

Я сказал, что надо минировать проходы от Коньшина к лагерю. Пропустим через проходы своих, а там что бог даст.

— Ну, давай! Но если до рукопашной, сам не смей соваться!

Прихватив автомат и засунув гранаты за пояс, я выбежал из землянки. Из-за кухни от коновязи на

рысях вылетело несколько саней, прогромыхала телега, куда на ходу подсаживались партизаны. На предпоследних санях, правя конем, стоял Иван и что-то кричал врачу, суетившемуся у входа в землянку санчасти. Обоз быстро исчез в лесу. Издали, от Коньшина и аэродрома, то усиливаясь, то затихая, был глухо слышен шум боя. Появились три немецких самолета и отбомбили невдалеке лес по пустому месту.

Надо было спешить, а на чем? Сани еще есть, а вот коней всех разобрали. Минеры побежали за взрывчаткой. Я заметил понуро стоявшего усталого коня, на котором прискакал связной, и спросил пробегавшую мимо Шуру, куда тот делся.

— А он с Корбутом умотал! — ответила она и нырнула в землянку. Не закрывая дверь, выглянула и спросила: — Рацию сворачивать?

Я приказал рацию не снимать, сидеть и слушать: вдруг вне срока армия связь запросит? Минеры грузили в сани все, что было: немного мин и взрывчатку, артиллерийские снаряды, два мотка колючей проволоки. Запрягли бедного усталого коня связного, но жалеть лошадь не приходилось.

С приближением к Коньшину звуки стрельбы становились все отчетливее. Появились первые беженцы, потом прошли плотной толпой старики и женщины с малышами и скарбом на руках. Пронесли несколько жердевых носилок с тяжелоранеными партизанами — с легкими ранениями из боя не выходили.

Прокатила мимо подвода, в которой на сенной подстилке я увидел чье-то тело: руки на груди сложены, лицо бескровное, глаза закрыты. Сбоку на телеге молча сидела моложавая женщина и неотрывно смотрела на мертвого. Я спросил у ребят, кто это. Минеры сказали, что погиб заместитель Корбута. Сразу вспомнились ночь, партизанский аэродром и темная фигура из ночи — так и не пришлось нам больше встретиться: в штабе он почти не бывал, все по отрядам да по отрядам.

Поток беженцев прекратился. Завизжали шальные пули, чмокали, впиваясь в деревья. Где-то рядом, на пересекавшей дорогу просеке с узкоколейкой, шел бой. В один чудовищный звук смешались автоматные и пулеметные очереди, винтовочная стрельба и разрывы гранат. Танков, видимо, нет, подумал я.

Наткнулись на Корбута: он стоял за деревом, что-то быстро приказывая двум партизанам. Смеркалось. Мы стали минировать тем, что у нас было, влево и вправо от дороги, напутали проволоки, а у минированных участков выставили проводников. Бой постепенно стихал, а к ночи немцы ушли. Утром разведка прошла до Коньшина и ничего не обнаружила. На накатанной транспортом дороге оставили засады, минеров, коней для связи и вернулись на базу.

Днем у самой лесной дороги Корбут хоронил своего заместителя. Молча опустили гроб, засыпали могилу. Глядя на растущий земляной холм, так же молча стояла жена погибшего. Убрав могилу хвоей, долго не уходили, пока кто-то тихо не произнес: «Пошли».

Уже в землянке Иван рассказал, как погиб его заместитель. Немцы пошли с Рогнединского большака, и с ходу колонна развернулась на деревню. Завязался бой: партизаны прикрывали отход женщин и детей. Когда в ход пошли танки, наши выкатили напрямую две «сорокапятки». В бою погибли расчеты, и тогда за одну пушку встал Мальцев, а за другую заместитель Корбута. Один или два танка они вроде основательно подбили, но потом снаряды кончились, и в его пушку — прямое попадание.

— Как страшно...— передернув плечами, прошептала Шура.

Иван погладил ее по голове.

— Да, Шурик, когда-нибудь умереть — ничего, а сегодня — страшно, не время.

Тихая до сих пор партизанская база шевелилась, будто муравейник. Землянки были переполнены, рядом городили шалаши, покрывая их густым еловым лапником. Шум, гам, женский говор, крики ребятишек. Всюду костры для еды, с постирушками, для согрева: ночью костры жечь не разрешили.

Через пару дней немцы вновь тяжело блокировали лес. Партизаны лишились Коньшина, аэродрома, фрицы втянулись в лес пехотой до узкоколейки и брали бригаду в кольцо. Бои не прекращались, а боеприпасы были на исходе. Саперы мудрили, выплавляя взрывчатку из снарядов. Становилось все труднее.

А по дорогам тянулись колонны немцев, шли тан-

ки, воинские эшелоны следовали по железной дороге и уже реже летели под откос. Противник проводил перегруппировку своих войск.

Мне было по рации приказано задержаться и помочь в организации диверсий на путях следования врага. Но это ничего не меняло: все равно о вылете не могло быть речи — аэродром у противника.

И все же партизаны вырывались из кольца на немецкие коммуникации. Вдвоем-втроем, часами отлеживаясь в снегу, проваливаясь в едва припорошенные болотные окна, голодая и обмораживаясь, пробирались из кольца безвестные герои с одной-двумя самодельными минами. Шли, чтобы добраться до дороги, установить мину, залечь, замереть в стороне. Уходили без уверенности вернуться, и бывало, не возвращались. Смертельная, жгучая ненависть к фашистам вела людей на подвиг.

Придя с проверки минирования, я застал у Корбута двух партизан, которых раньше не встречал. Лица измученные, обросшие. Корбут был как-то радостно возбужден, вскочил и обнял меня:

— Кричи «ура»! Две новости, да какие!

И он рассказал, что приняли сводку Совинформбюро о прорыве наших войск под Сталинградом. Я слушал его, и не верилось — такой страшной тяжестью лежал Сталинград на душе у каждого. Потом, указав на сидящих, Корбут представил:

— И вот еще с известиями. Пробились, да с какими новостями! В Жуковке две магнитные мины установили прямо под офицерские вагоны, и на перегоне поезда подорвались. А еще до Сещенского аэродрома магнитки дошли, так что самолеты в воздухе рвутся. Только вот, говорят, прекрасная девушка в Жуковке погибла,— тише добавил он.— Две мины — ее работа, а при попытке установить третью ее схватили.

Что-то будто оборвалось у меня внутри, как если бы я был повинен в ее смерти: ведь эти мины привез я.

Когда связные ушли отдыхать, мы разговорились с Корбутом. Ну, ладно, ясно, говорю, под Жуковкой сработали наши мины, но почему же он так уверен, что и на Сещенском аэродроме действуют именно наши магнитки? Ведь есть клетнянские партизаны, Га-

люга, может, и еще какие источники поступления этих мин. Корбут ответил, что он и не сомневается в том, что есть другие источники и, может быть, солиднее наших по количеству, но то, что десяток наших мин дошел-таки до Сещи,— это уж точно, не зря же ребята через немецкое кольцо сюда пробивались.

А в лагере становилось все труднее: боеприпасы выдавали по голодному пайку, да и то только те, что с боем захватывали. Кончились медикаменты, хлеб, соль, другие продукты. Партизаны стали забивать лошадей, питались одной кониной, да и то без соли и хлеба. Догадываясь о нашем положении, немцы стали медленно прочесывать лес, сжимая кольцо окружения. Корбут выслал разведку уточнить состояние выхода через болота в другие, более глухие леса.

Но вдруг подоспела помощь с Большой земли: после долгого отсутствия летной погоды стихли метели, прояснилось небо, и во вторую же ночь прорвались легкие самолеты и сбросили патроны, медикаменты, соль, муку, немного взрывчатки. Лица людей сразу посветлели.

И все же трудно сказать, выдержали бы мы тогда или нет, если бы не пришла незримая помощь с далеких фронтов: фрицы заметались между северными и южными ударами наших армий, захлебнувшись под Сталинградом. Они вскоре ослабили, а потом и совсем сняли блокаду с нашего отряда, оставив после себя пепелища деревень.

Партизанская жизнь входила в обычную колею. Местное население вернулось на свои места копать землянки, разыскивать припрятанную в земле картошку. Понемногу пополнялись отряды, и вновь уходили диверсионные группы. Шура отстукивала радиограммы об операциях, о передвижениях противника.

Шел второй месяц моего пребывания в бригаде. Вещевой мешок был уже забит картами, трофейными документами. И вот пришла радиограмма с приказанием мне: быть готовым к вылету, не отлучаться из штаба Корбута. А улетать не хотелось, мучила совесть: как оставить этих замечательных людей с их тяжелой долей? Да и с Иваном Корбутом, моим ровесником, мы крепко подружились.

Но днем и ночью валил густой снег, летной пого-

ды не было. Как только прекратились снегопады, пришел пробный самолет, привез кое-что, а обратно улетел пустым: с нашего крошечного аэродрома по рыхлому снегу он не смог даже с одним раненым партизаном взлететь.

Дня два была оттепель, потом ударил крепкий мороз. Из армии радировали, что в ночь за мной придет самолет и надо с вечера быть на аэродроме. Но небо опять нахмурилось, и Корбут решил, что самолетов сегодня не будет. Напрасно я доказывал ему, что самолет может быть, и если не будет, мы вернемся в лагерь, только и всего, но он стоял на своем, и на аэродром мы не пошли, лишь послали туда на всякий случай людей для приема самолетов да верхового, который должен был прискакать к нам, заслышав в воздухе шум мотора. У штабной землянки Корбут велел задержать дежурные розвальни, запряженные шустрым конем.

Сам командир тоже не пошел в отряды, решил меня проводить. Он сидел за столом около рации, чертил по крышке стола острием финского ножа, изредка поглядывал на меня.

— Ну, вот и все,— произнес Корбут.— Не сегодня, так завтра все равно улетишь. Увидимся ли еще?..

Около полуночи прискакал верховой и сообщил, что был один самолет, но уже улетел. Летчик передавал, что будет еще машина, специально за майором. В это время над лагерем протарахтел и потянул в сторону аэродрома У-2.

Наш добрый конь всю дорогу шел крупной рысью, и все же за полверсты до аэродрома, когда, казалось, до него рукой подать, мы услышали, как взревел мотор и самолет взмыл в воздух. Дежурившие на аэродроме люди сказали, что летчик ждал, как всегда, не глуша мотора, но опасался, что не хватит горючего, и потому, взяв в третью кабину раненого, а в кабину к штурману осиротевшего мальчугана, улетел.

Мы прождали у костров до пяти утра, но самолетов больше не было. А когда вернулись в лагерь, у землянки встретила Шура с радиограммой и предупредила, что армия на связи. Иван прочел и приказал: «Отвечай, что он здесь, к самолету опоздали». Передал радиограмму мне. В ней была короткая фра-

за: «Самолет не вернулся. Жду на приеме. Директор».

Следующей ночью мы пришли с Корбутом на аэродром заранее. Долго сидели у костра, опять гадая, будет самолет или нет,— небо как-то нехорошо заволакивало тучами. А ровно в полночь на наши сигнальные костры неожиданно приземлились сразу три самолета. Выяснилось, что они летели с грузом,— правда, не к нам, а к Орлову. Но там, видимо, что-то случилось — костров не оказалось,— и летчики решили приземлиться у нас. Корбут обещал им днем отправить груз к Орлову и попросил взять на борт меня и еще двух раненых. Пилоты согласились, но предупредили, что они из другой воздушной части и полетят на аэродром за Сухиничи. Мне ничего не оставалось, как лететь с ними.

Крепко обняв на прощание Ивана, я забрался в кабину, и наш самолет поднялся в воздух. Штурмана почему-то не было, и я в кабине оказался один. Летели спокойно, как вдруг в ровный рокот мотора ворвалась не то пушечная, не то короткая пулеметная стрельба и рядом с самолетом мелькнули трассирующие огоньки. Над нами прошла тень немецкого ночного истребителя. Самолет наш стал проваливаться в пике, запетлял над лесом. Пилот приглушил мотор и, перегнувшись, крикнул:

— Смотри в оба! Ночники немецкие!

Мы вновь набрали высоту. Линия фронта обозначалась трассами пулеметных очередей, разрывами зениток, но, к счастью, прошли ее благополучно. Еще час лета, пробежка по укатанному полю тылового аэродрома, мотор чихнул, фыркнул и успокоился. Наш пилот осмотрел машину и насчитал несколько пробоин, а по летному полю уже бежали дежурные техники. Взвалив на плечи вещевой мешок, я простился с летчиком и пошел к видневшимся в стороне землянкам.

После отчета и сдачи материалов в штабе армии меня вызвали в штаб фронта, а оттуда в Москву — для личного доклада начальнику инженерных войск Красной Армии, генерал-полковнику инженерных войск М. П. Воробьеву. Видимо, он потом докладывал обо мне Верховному Главнокомандующему, потому что вскоре при телефонном разговоре с коман-

дующим армией генерал-лейтенантом Поповым из Москвы хорошо отозвались о проделанной работе в тылу врага и поинтересовались, как думают наградить меня и полковника Варваркина. Я узнал об этом по возвращении в армию, когда меня вызвали на Военный совет, где чувствовал себя более чем неловко. Там присутствовали командарм, член Военного совета и начальник штаба армии. Командарм, смеясь, сказал, что между ними возникли разногласия, чем награждать меня за полет и деятельность в тылу врага. Я совершенно растерялся и как-то сразу вспомнил Ивана Корбута, этого замечательного человека, на груди которого при всех его заслугах в то время одиноко блестел орден Красного Знамени. Я смущенно молчал.

— Ну, вот видите, а он вообще ничего по этому поводу сказать не может,— обратился к другим членам совета командарм.— Это уже четвертая точка зрения!

Я все же ответил, что вообще не считаю для себя возможным участвовать в решении такого вопроса и не думаю, будто совершил нечто особенное, я лишь выполнял то, что сделал бы и любой другой на моем месте. В итоге мне сказали, что я буду представлен к ордену Красного Знамени. И действительно, приказом по Западному фронту № 0237 от 19 февраля 1943 года меня наградили орденом Красного Знамени.

Вскоре после этого, до перевода в соседнюю гвардейскую армию, мне через разведотдел удалось дважды обменяться с Корбутом письмами. А потом началось летнее наступление на Орловском выступе, госпиталь, другая армия, другой фронт, и мы с ним потеряли друг друга.

Как-то стороной слышал, что Иван жив, а вот Гельфер, скромный, смелый Гельфер, погиб.

Прошло долгих двадцать три года. В канун празднования двадцатилетия Победы показывали телевизионный фильм о сещанском подполье Ани Морозовой «Вызываем огонь на себя» по одноименной книге Овидия Корчакова. Когда увидел на экране тогдашнего начальника разведки Колесова, сразу набежали воспоминания: Брянщина, Корбут,— и комок подступил к горлу. Вспомнил и то, что столько лет

лежат в столе эти страницы воспоминаний, написанные тогда, в сорок пятом году, по свежим следам.

Написал на телевидение и попросил адрес Колесова, а потом послал ему письмо. В ответ пришло большое теплое письмо. Были в нем и такие строки: «Я хорошо помню, как отправляли вас в тыл противника, вашу необходимую в то время задержку в тылу врага и возвращение в армию. Весь этот небольшой, по сути, эпизод, наполненный глубоким содержанием и драматизмом, не может быть забыт нами, непосредственными участниками тех поистине героических дней».

Да, мы выжили, но многие из нас не вернулись с поля боя. И те, кто дожил до первого Дня Победы, потом тоже уходили от нас: здоровье их было подорвано.

Не дожил до двадцатой годовщины и Иван Владимирович Корбут. Он умер в 1963 году в городе Черновцы. На его похоронах были многие партизаны и бывшие разведчики 330-й дивизии.

Вот и сорок вторая весна Победы миновала.

Еще меньше участников войны отметило эту годовщину. Но есть память, есть наш народ, который никогда не забудет имена своих героев.

Игорь Ефимович Чернов

САПЕРЫ

Записки солдата

Редактор **Л. Исаева**
Художник **И. Стасевич**
Художественный редактор **А. Никулин**
Технический редактор **В. Соколова**
Корректор **М. Доценко**

ИБ № 5203
Сдано в набор 18.12.87. Подписано к печати 21.03.88. Формат 84x108/32. Гарнитура литер. Печать высокая. Бумага тип. № 2 книжурн. Усл. печ. л. 7,56. Усл. краск.-отт. 7,98. Уч.-изд. л. 7,67. Тираж 50 000 экз. Заказ 764. Цена 55 коп.

Издательство «Современник» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли и Союза писателей РСФСР
123007, Москва, Хорошевское шоссе, 62

Полиграфическое предприятие «Современник» Росполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли
445043, Тольятти, Южное шоссе, 30

45 коп.

4